

Эстерион: Нити Сомкнутой Завесы

Память Риверфолла

Алекс Куверн

Книга первая

Алекс Куверн

Память Риверфолла

«Автор»

2026

Куверн А.

Память Риверфолла / А. Куверн — «Автор», 2026

В Риверфолле появилась дорога, которой нет ни на одной карте. Она возникает среди знакомых лесных троп, меняет расстояния и ведёт к тайне, которую город когда-то предпочёл забыть. После двух лет учёбы в Астрарии молодой маг Эллиан Торвис возвращается домой — к семье и друзьям детства, следопыту Каэлу и связанному с фейскими тайнами Тарену. Но едва троица вновь оказывается вместе, привычные дороги начинают исчезать, а древняя магия пробуждается возле Старого Леса. Чтобы защитить Риверфолл, друзьям придётся пройти по несуществующей тропе и выяснить, почему она открылась именно для них. Тёплое приключенческое фэнтези о дружбе, магических загадках и городе, который помнит больше, чем его жители.

© Куверн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Дорога, которой не было	5
Глава I. Возвращение	6
Глава II. Ложный след	20
Глава III. Исчезнувшая миля	30
Глава IV. Люди непройденных дорог	48
Глава V. Три дороги	62
Глава VI. Серебряная стая	79
Глава VII. Сорок ударов сердца	91
Глава VIII. Дорога домой	108
Часть II. Тринадцатый колокол	131
Глава IX. Три дома	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Алекс Куверн

Память Риверфолла

Часть I. Дорога, которой не было

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОГА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Дом начинается не у порога.

Он начинается там, где тебя всё ещё ждут.

Глава I. Возвращение

Эллиан видел своё возвращение в Риверфолл семь раз.

В трёх вариантах шёл дождь. В одном колёса академической повозки застревали в размытой колее за две мили до города, и остаток пути приходилось преодолевать пешком, придерживая над головой совершенно бесполезный дорожный плащ. В другом у северо-западного моста его встречал только Тарен, а Каэл появлялся позже — запыхавшийся, рассерженный на весь мир и с настолько плохо придуманным объяснением, что даже он сам не пытался сделать его убедительным. Ещё в двух видениях Эллиан видел Риверфолл уже ночью: тёмные ворота, отражения фонарей на мокром камне и чьи-то силуэты, ожидавшие его у края дороги.

Был и седьмой вариант, который Эллиан старался не вспоминать.

В нём у дороги не ждал никто.

Все эти видения были короткими, нечёткими и, по здравому рассуждению, не стоили того беспокойства, которое он на них потратил. Наставники Астрария не раз повторяли: вероятное будущее — не обещание и не предупреждение, а всего лишь отражение одного из множества путей. Чем сильнее прорицатель ожидал определённого события, тем меньше ему следовало доверять увиденному. Личные надежды и страхи искажали видение ничуть не хуже магической помехи, а иногда — гораздо сильнее.

Эллиан знал это лучше большинства учеников своего года. Он мог подробно объяснить, как эмоциональная вовлечённость влияет на точность предсказания, привести несколько исторических примеров и даже процитировать наставника Тавериана, утверждавшего, что прорицатель, желающий увидеть собственное будущее, чаще всего обнаруживает лишь изящно оформленное отражение своих тревог.

И всё же, когда повозка начала спускаться с последнего холма, Эллиан поймал себя на том, что снова перебирает в памяти детали всех семи видений.

Дорога впереди ещё не просохла после недавнего дождя. Между светлыми облаками проглядывало солнце, и лужи в глубоких колеях казались осколками бледного серебра. По правую руку тянулись невысокие холмы, поросшие мокрой травой, орешником и редкими молодыми деревьями. Слева земля постепенно понижалась к реке. Самой воды отсюда ещё не было видно, но уже можно было различить её далёкий шум — знакомый гул течения, сдерживаемого каменными берегами и опорами старого моста.

За следующим поворотом должен был показаться Риверфолл.

Эллиан сидел возле окна, придерживая коленом дорожную сумку. На соседней скамье покачивался небольшой сундук с книгами, перевязанный двумя кожаными ремнями и дополнительно защищённый простым удерживающим заклинанием. Заклинание требовалось не столько самому сундуку, сколько остальным пассажирам: ещё на первой неделе пути одна из застёжек лопнула, и толстый трактат по теории вероятностных узлов едва не сломал ногу мирно спавшему напротив торговцу.

После этого случая торговец пересел в другую повозку. Эллиан не был уверен, что тот сделал это исключительно ради удобства.

Пожилой кучер с красным от ветра лицом обернулся через плечо, придерживая поводья одной рукой.

— Мост через четверть часа, молодой мастер, — сообщил он. За двенадцать дней дороги мужчина так и не запомнил имени Эллиана, зато уверенно называл его то «молодым мастером», то «учёным господином», в зависимости от того, насколько тяжёлым казался сундук с книгами.

— Спасибо, — отозвался Эллиан и выпрямился, хотя в этом не было никакой необходимости.

— У ворот высадить? — спросил кучер, бросив короткий взгляд на дорогу впереди. Эллиан тоже посмотрел туда, словно уже мог различить за поворотом знакомые стены.
— Перед мостом.

Кучер приподнял густую седую бровь. В его лице появилось добродушное любопытство человека, который провёл значительную часть жизни на дорогах и привык безошибочно замечать, где путника ждут.

— Неужели встречают?

Вопрос прозвучал слишком просто, и поэтому ответить на него оказалось труднее, чем следовало.

— Должны, — после короткой паузы произнёс Эллиан.

Кучер, к счастью, не стал расспрашивать дальше. Он лишь понимающе кивнул, будто услышал значительно больше, чем было сказано.

— Тогда перед мостом.

Мужчина щёлкнул поводьями, и лошади прибавили шаг. Повозка качнулась на неровности, а подвешенный к крыше серебряный колокольчик тихо звякнул. Его зачаровали предупреждать о повреждениях колёс, нападении разбойников и временных искажениях. За всё путешествие он отзывался только на особенно глубокие выбоины.

Эллиан подозревал, что в последнем случае колокольчик просто выражал недовольство качеством северо-западного тракта.

Он откинулся на деревянную стенку повозки и на несколько мгновений закрыл глаза. Два года — срок не настолько долгий, чтобы город успел измениться до неузнаваемости, и всё же достаточно продолжительный, чтобы человек перестал точно помнить, какой высоты была ограда перед домом, как скрипела ступенька у двери и с какой стороны утром падал свет на семейный стол.

Когда Эллиан уезжал, Лорен едва доставал ему до плеча и упорно пытался спрятать слёзы за бесконечными вопросами об академических библиотеках, зеркалах и устройстве учебных башен. Отец трижды проверил замки на сундуках, после чего положил ему в сумку ещё две книги, хотя свободного места там уже не оставалось. Мать не сказала, что волнуется. Она вообще редко говорила о тревоге прямо, однако собственноручно вышила защитные знаки на внутренней стороне дорожного плаща и до самого отъезда незаметно проверяла, не повредились ли нити.

Тарен тогда стоял немного в стороне. Чёрные волосы падали ему на лицо, и янтарные глаза казались слишком яркими на бледном утреннем свету. Перед отъездом он обнял Эллиана и тихо попросил писать не только об учёбе. Эллиан пообещал, но позднее обнаружил, что почти любое его письмо всё равно начиналось с рассказа о новом заклинании, необычной лекции или споре, возникшем в Галерее Серебряных Зеркал.

Каэл не просил ничего.

Он помог погрузить сундуки, проверил упряжь, поспорил с кучером о состоянии левой задней оси и всё время говорил так много, что никто, кроме Тарена, вероятно, не заметил, как тщательно он избегает смотреть Эллиану в глаза. Только перед самым отъездом, когда повозка уже начала двигаться, Каэл схватился за край дверцы и спросил:

«Ты ведь вернёшься?»

Эллиан тогда рассмеялся. Ему показалось, что Каэл шутит: вопрос был слишком очевидным, а голос — слишком серьёзным.

Теперь воспоминание об этом смехе причиняло почти физическую боль.

Повозка вошла в поворот, и Эллиан открыл глаза.

Сначала он увидел мост. Широкий, сложенный из серого камня, он пересекал реку пятью массивными арками. У дальнего конца поднимались северо-западные ворота Риверфолла — две квадратные башни с тёмными крышами и поднятой между ними железной решёткой. За

стенами теснились дома, трубы и острые силуэты шпилей. Над ними, выше остальных крыш, виднелась городская колокольня.

Отсюда Риверфолл казался меньше, чем в его памяти. Стены, которые в детстве представлялись почти неприступными, теперь едва достигали высоты некоторых нижних башен Астрария. И всё же при одном взгляде на них в груди стало тесно.

Затем Эллиан заметил Каэла.

Тот стоял на старом путевом камне у обочины, словно окружающая земля была недостаточно высокой. Тёмный дорожный плащ он откинул за плечо, открыв кожаный доспех, ремни и колчан. За два года Каэл заметно раздался в плечах, загорел ещё сильнее и теперь действительно выглядел как человек, привыкший проводить большую часть жизни в лесу, а не как городской юноша, постоянно ищущий повод сбежать за ворота. Короткие тёмные волосы растрепал ветер, а через правую бровь проходил тонкий светлый шрам, которого раньше не было.

Каэл не отрываясь смотрел на приближающуюся повозку, пытаясь различить человека у окна. Когда он наконец узнал Эллиана, напряжение в его плечах немного ослабло, но с места он так и не сдвинулся — словно боялся, что достаточно одного неверного движения, чтобы увиденное оказалось очередным ожиданием, а не настоящим возвращением.

Рядом с путевым камнем стоял Тарен. В отличие от Каэла, он не пытался увеличить свой рост при помощи придорожной кладки и спокойно прислонился плечом к тонкому дереву. Его волосы стали длиннее и теперь опускались ниже плеч; несколько прядей были заплетены в тонкие косы с небольшими металлическими кольцами. Тёмно-синий плащ почти сливался с тенью под ветвями. На фоне дневного света лицо казалось бледным, а глаза — золотистыми.

Тарен первым поднял руку.

Эллиан ответил ему тем же жестом, чувствуя, как заранее приготовленные слова исчезают из памяти одно за другим.

Каэл не пошевелился.

Внутри Эллиана что-то сжалось — слишком быстро и слишком сильно для обычного облегчения. Последние недели в Астрарии он пытался представить, какой окажется эта встреча, и каждый раз возвращался к одному и тому же вопросу: смогут ли они продолжить разговор так, словно между последней фразой и нынешним днём не прошло двух лет. Теперь Каэл стоял у дороги, изменившийся и одновременно до боли знакомый, и Эллиан понял, что боялся не неловкости встречи. Он боялся обнаружить, что человек, которого он всю жизнь считал одним из самых близких, успел стать чужим.

Повозка замедлилась. Колёса зашкрипели по мокрой земле и остановились возле путевого камня. Каэл спрыгнул первым — так быстро, словно всё это время удерживался наверху исключительно из упрямства.

Кучер потянулся к тормозу и начал спускаться, но Эллиан уже открыл дверцу. Его сапог едва коснулся деревянной подножки, когда Каэл оказался рядом.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

Эллиан заранее придумал не меньше десятка приветствий. Первое было спокойным, второе — остроумным, третье учитывало вероятность того, что Каэл попытается немедленно поднять его на руки, как делал в детстве, несмотря на то что Эллиан давно стал почти на голову выше большинства знакомых. Он даже подготовил несколько замечаний о письмах Каэла, которые становились подозрительно короткими всякий раз, когда разговор касался чего-то действительно важного.

Все десять приветствий исчезли.

Каэл тоже молчал. Его широкая улыбка, появившаяся при виде повозки, будто замерла на полпути, а руки бессознательно сжались и разжались по бокам. Он словно хотел сделать шаг вперёд, но ещё не был уверен, позволено ли ему двигаться так свободно, как раньше.

Тарен терпеливо подождал несколько секунд, после чего оттолкнулся от дерева и сложил руки на груди.

— Вы можете хотя бы поздороваться, — заметил он. В его голосе звучало спокойное веселье человека, который именно такого развития событий и ожидал.

Каэл моргнул, будто вспомнил, что окружающий мир продолжает существовать.

— Я собирался, — ответил он, не сводя взгляда с Эллиана.

— Уже довольно давно, — произнёс Эллиан. Голос вернулся вместе со словами, и это показалось обнадеживающим признаком.

Каэл прищурился, а на его лице наконец появилась знакомая кривая улыбка.

— Хотел убедиться, что это действительно ты.

— И каков результат наблюдения? — поинтересовался Эллиан, слегка наклонив голову.

— Пока не уверен, — признался Каэл с преувеличенной серьёзностью. — За два года многое могло произойти. Возможно, Астрарий прислал нам особенно убедительную иллюзию.

— В таком случае тебе потребуется дополнительная проверка.

— Вероятно, — согласился Каэл.

Он шагнул вперёд и обнял его.

Эллиан ожидал этого — во всяком случае, одна из предусмотрительно подготовленных частей его сознания ожидала. Остальные оказались совершенно не готовы.

Каэл обхватил его обеими руками, крепко прижал к себе и на мгновение уткнулся лицом ему в плечо. От него пахло мокрой кожей, древесным дымом и лесной хвоей. Он был тёплым, настоящим и совсем не похожим на десятки исписанных страниц, полученных за два года. Эллиан почувствовал под ладонью плотную ткань плаща, ремень колчана и напряжение в спине Каэла — словно тот всё ещё не до конца позволял себе поверить, что разлука действительно закончилась.

На одно короткое мгновение Эллиан застыл, поражённый не самим объятием, а тем, насколько сильно ему его не хватало. Затем обнял Каэла в ответ.

Каэл медленно выдохнул ему в плечо. Этот почти неслышный звук сказал значительно больше, чем любое из приготовленных приветствий.

Объятие оказалось крепким и долгим — таким, каким и должно было быть приветствие двух друзей, выросших вместе и не видевшихся два года. Когда Каэл наконец отстранился, Эллиан впервые за весь долгий путь по-настоящему поверил, что вернулся домой. Руки Каэла ещё несколько мгновений оставались на его плечах, а взгляд быстро прошёлся по лицу, дорожной мантии и перевязанной сумке, словно он проверял, всё ли с другом в порядке.

— Ты стал ещё выше, — наконец сообщил Каэл.

— Ты писал об этом почти в каждом письме, — напомнил Эллиан, с трудом скрывая улыбку.

— Потому что это подозрительно. Люди не должны так быстро расти.

— Рост редко считается основанием для расследования.

— В твоём случае я бы не торопился с выводами.

Эллиан перевёл взгляд на светлый шрам, пересекавший бровь Каэла.

— А ты стал хуже уклоняться.

Каэл машинально коснулся шрама пальцами, и на его лице появилось выражение оскорблённого достоинства.

— Это был исключительно коварный противник.

— Ветка, — спокойно уточнил Тарен, подходя ближе.

Каэл медленно повернул к нему голову.

— Мы договорились не уточнять.

— Нет, — возразил Тарен, и уголки его губ едва заметно дрогнули. — Ты сказал, что я не должен уточнять. Я ничего не обещал.

Эллиан рассмеялся и наконец перевёл взгляд на второго друга. В отличие от Каэла, Тарен не пытался скрыть тепло за громкими словами или нарочитой серьёзностью. Он просто смотрел на Эллиана так, словно все два года ожидания сейчас уместились в этом спокойном взгляде.

— Здравствуй, Эл, — произнёс Тарен.

На этот раз Эллиан не стал ждать и сам обнял его. Тарен ответил сразу, легко положив ладонь ему между лопаток. Рядом с ним едва заметно пахло ночными цветами, прохладной землёй и травами из мастерской Иары. Этот запах Эллиан помнил почти так же хорошо, как запах старых книг в кабинете отца.

— Я скучал, — тихо признался Тарен. Его голос предназначался только Эллиану и почти терялся в скрипе повозки и дыхании лошадей.

— Я тоже, — ответил Эллиан, на мгновение крепче сжав руки.

Тарен отстранился и внимательно посмотрел на него.

— Даже когда писал только о структуре защитных контуров?

— Особенно тогда.

— У тебя странное представление о выражении привязанности.

— Я приложил схему, — напомнил Эллиан, как будто это всё объясняло.

— Именно это я и имею в виду.

Когда они отступили друг от друга, Каэл уже стоял возле повозки и пытался самостоятельно отвязать сундук.

— Осторожнее, — предупредил Эллиан. — Там книги.

Каэл, не прекращая борьбы с тугим ремнём, посмотрел на него через плечо.

— Я предположил это по весу. Ты ограбил академическую библиотеку?

— Нет.

Каэл остановился и медленно выпрямился.

— Ты ответил слишком быстро.

— Потому что вопрос несложный, — невозмутимо пояснил Эллиан.

Тарен тем временем взял его дорожную сумку и задумчиво взвесил её в руке.

— Он сказал, что не ограбил библиотеку, — заметил он. — Это не означает, что книги покинули её с полного согласия владельцев.

Эллиан перевёл на него укоризненный взгляд.

— Я вижу, за два года ты стал значительно подозрительнее.

— Я провёл их рядом с Каэлом.

— Это заразно, — вставил кучер, вытаскивая из повозки второй небольшой сундук.

Каэл обернулся к нему с мрачным достоинством.

— Я всё слышал.

— На это я и рассчитывал, — добродушно сообщил мужчина.

Кучер передал ему сундук, получил от Эллиана обещанную плату и снова забрался на козлы. Остальные пассажиры с нескрываемым любопытством наблюдали за встречей из окон. Молодая женщина в светлом платке улыбалась так широко, словно увидела завершение любовной баллады, а торговец, которого едва не покалечил трактат, неодобрительно смотрел на сундуки и, вероятно, размышлял, не следовало ли предупредить друзей Эллиана заранее.

Эллиан подумал, что к вечеру половина ближайших почтовых станций будет знать о молодом маге, которого двое друзей встретили так, словно он вернулся с войны.

Повозка тронулась в сторону моста, а Каэл взвалил тяжёлый сундук на плечо.

— Я могу нести его сам, — сказал Эллиан, протягивая руку.

— Можешь, — согласился Каэл без малейшего намерения отдавать ношу.

— Тогда отдай.

— Нет.

— Почему?

Каэл поправил сундук, будто вопрос был настолько очевидным, что даже не заслуживал серьёзного ответа.

— Потому что ты двенадцать дней сидел в повозке.

— Это не лишает меня способности поднимать предметы.

— Не лишает, — признал Каэл. — Просто делает спор особенно бессмысленным. Я уже несу сундук.

Тарен пошёл рядом, удерживая дорожную сумку Эллиана так естественно, словно тот никогда и не покидал Риверфолл.

— Не трать силы, — посоветовал он. — Каэл ждал возможности проявить себя с рассвета.

Каэл едва не сбился с шага, но быстро вернул себе уверенный вид.

— Мы пришли не с рассвета.

— Ты пришёл с рассвета, — мягко поправил его Тарен.

— Я проверял дорогу.

— Три часа?

— Тщательно.

Эллиан посмотрел на Каэла. Тот упорно глядел вперёд, словно состояние придорожной грязи внезапно потребовало всего его внимания.

— Ты ждал здесь три часа?

— Нет, — слишком быстро ответил Каэл.

— Два часа и пятьдесят семь минут, — уточнил Тарен.

Каэл бросил на него тяжёлый взгляд.

— Тебя никто не заставлял приходить так рано.

— Я хотел увидеть, сколько времени тебе понадобится, чтобы признать, что ты волнуешься.

— И каков результат наблюдения? — поинтересовался Каэл, возвращая ему недавние слова Эллиана.

Тарен выдержал короткую паузу, внимательно рассматривая его лицо.

— Пока не уверен.

На этот раз Эллиан рассмеялся по-настоящему. Смех вырвался неожиданно — легче и громче, чем он привык позволять себе в академии. Там даже самые близкие знакомые обычно сохраняли некоторую осторожность, словно любое неосмотрительное слово могло отразиться в одном из зеркал или попасть в очередную вероятностную схему. Здесь Каэл уже возмущённо требовал справедливости, а Тарен сохранял безупречно невинное выражение лица.

Каэл посмотрел на Эллиана и тоже улыбнулся — широко и открыто, без прежней настороженности. Впервые за всё путешествие Эллиан действительно почувствовал, что дорога заканчивается.

Они направились к мосту. За время ожидания солнце поднялось выше, и река под арками сверкала белым светом. Вода неслась к югу, ударялась о каменные опоры и рассыпалась брызгами. По мосту двигались повозки, всадники и люди с корзинами. У ворот стражники проверяли товары прибывшего каравана, однако большинство горожан ограничивалось коротким приветствием или поднятой рукой.

Риверфолл пах дымом, влажным камнем, рекой и свежим хлебом из пекарен возле стены. Эллиан знал этот запах. В Астрарии воздух был холоднее. Там пахло лунным гранитом, старой бумагой, серебром и туманом, который поднимался от озера и иногда проникал даже в закрытые галереи. Ветер у академии звучал иначе: проходил между башнями, касался зачарованных зеркал и порой приносил обрывки голосов, которых ещё не произнесли.

Риверфолл не шептал о будущем.

Он шумел настоящим.

Колёса грохотали по камню, торговцы спорили о цене шерсти, на берегу кричали речные птицы, а из-за стены доносился размеренный звон кузнечного молота. Никто вокруг не замедлял шаг, чтобы проверить ближайшую вероятность. Люди опаздывали, спорили, смеялись, роняли корзины и принимали решения, не пытаясь заранее увидеть их последствия.

Эллиан не понимал, как мог забыть, насколько ему не хватало этого шума.

— Ну? — спросил Каэл, внимательно наблюдавший за ним последние несколько шагов.

Эллиан отвлёкся от городских стен.

— Что?

— Ты смотришь на Риверфолл так, словно впервые его видишь, — пояснил Каэл. В его голосе звучало любопытство, но за ним Эллиан различил и лёгкое беспокойство.

— Он меньше, чем я помнил, — признался Эллиан.

Каэл оскорблённо вскинул голову.

— Ты отсутствовал два года и вернулся с высокомерием столичного мага.

— Астрарий не столица, — машинально поправил Эллиан.

Каэл победно посмотрел на Тарена.

— Вот. Уже начал.

— Кроме того, город не изменился, — заметил Тарен, бросив взгляд на Эллиана. — Просто ты стал выше.

— Это была моя первая мысль, — согласился тот.

Каэл недоверчиво посмотрел на обоих.

— Вы репетировали этот разговор?

— Два года, — с невозмутимым видом ответил Тарен.

Они поднялись на середину моста, откуда город был виден лучше. За северо-западными воротами начиналась широкая улица, поднимавшаяся к центральным кварталам. Над крышами возвышалась колокольня, а чуть дальше можно было различить верхушку магической башни Риверфолла. Старинные стены местами покрывал плющ. На одной из башен развевался тёмно-синий флаг Эрдевана, но ниже, над воротами, висел собственный городской знак.

Дом находился совсем близко.

Дом Торвисов стоял в северо-западной части города, на тихой улице неподалёку от библиотеки. До него можно было дойти меньше чем за четверть часа. Отец наверняка уже несколько раз выглянул в окно, хотя при встрече утверждал бы, что просто проверял погоду. Мать ждала бы в общей комнате — спокойная, безупречно собранная и, вероятно, замечающая каждый звук с улицы. Лорен, несмотря на все попытки семьи усадить его за стол, наверняка стоял у двери с записями и заранее подготовленными вопросами.

Эллиан невольно замедлил шаг.

Тарен заметил это почти сразу.

— Всё хорошо? — спросил он, немного понизив голос.

— Да, — автоматически ответил Эллиан.

Каэл тоже остановился. Он ничего не спросил, однако улыбка исчезла с его лица, а зелёные глаза внимательно остановились на Эллиане. В детстве Каэл всегда замечал, когда ему становилось плохо, раньше, чем сам Эллиан соглашался это признать. Два года, судя по всему, не избавили его от этой привычки.

Эллиан выдохнул и посмотрел на город.

— Просто непривычно. Я столько раз представлял возвращение, что настоящее кажется немного...

— Неправильным? — осторожно предположил Тарен.

Эллиан покачал головой.

— Нет. Именно правильным. В этом и проблема.

Каэл нахмурился, явно пытаясь разобраться в сказанном.

— Это очень магическая проблема.

— Боюсь, тебе не понять, — сообщил Эллиан с намеренно серьёзным видом.

— Конечно, — согласился Каэл, подхватывая шутливый тон. — Мои проблемы обычно можно ударить.

— Это многое объясняет.

— А твои можно прочесть?

— Не все.

Каэл удовлетворённо кивнул, словно только что доказал важную мысль.

— Значит, они хуже устроены.

Эллиан покачал головой, но напряжение немного отпустило. Они снова двинулись к воротам, и знакомые голоса друзей постепенно вернули его из воображаемого дома к настоящей дороге.

— Как Лорен? — спросил он.

Тарен посмотрел на Каэла. Каэл ответил ему таким же выразительным взглядом, и этого короткого обмена оказалось достаточно, чтобы Эллиан насторожился.

— Что? — потребовал он объяснения.

— Он составил список вопросов, — сказал Тарен.

— Насколько длинный?

— Первоначально сорок два.

Эллиан повернулся к нему.

— Первоначально?

— Каэл предложил сократить, — пояснил Тарен.

— Некоторые вопросы повторялись, — с достоинством сообщил Каэл.

— Они были записаны на разных листах.

— Именно. Это непрактично.

Эллиан представил младшего брата, сидящего за столом среди разложенных записей, и не смог сдержать улыбки.

— О чём он спрашивает?

Тарен начал загибать пальцы.

— Об Астрарии, зеркалах, обучении прорицанию, хрономантии, архитектуре башен, правилах доступа в закрытые архивы и о том, может ли академическая мантия самостоятельно определить, что ученик опаздывает.

— Не может, — ответил Эллиан.

Каэл разочарованно цокнул языком.

— Я говорил, что это бесполезная одежда.

— Она защищает от слабых магических воздействий, холода и части лабораторных испарений.

— Но не от опозданий.

— С этой угрозой предполагается справляться самостоятельно.

Каэл тяжело вздохнул и покачал головой.

— Зря ты вернулся. Здесь мы рассчитывали на настоящее волшебство.

— Я ещё могу уехать, — отозвался Эллиан.

Фраза вырвалась прежде, чем он успел оценить, как она прозвучит.

Каэл замолчал. Это длилось не больше мгновения, однако Эллиан увидел, как его пальцы сильнее сжали ремень сундука, а взгляд на секунду ушёл в сторону. Шутка оказалась неудачной. За внешней лёгкостью сегодняшней встречи всё ещё скрывался страх, о котором они оба не умели говорить прямо.

— Я не собираюсь, — тише добавил Эллиан.

Каэл снова посмотрел на него. Напряжение в его лице немного ослабло.

— Хорошо, — ответил он.

Одно короткое слово — слишком короткое для всего, что прозвучало между ними.

Тарен перевёл взгляд с одного на другого, но не стал ничего комментировать. Лишь, когда они продолжили путь, легко коснулся плеча Эллиана, напоминая о своём присутствии.

У другого конца моста стражник узнал Каэла и поднял руку.

— Ривен! — окликнул он. — Твой брат ещё не вернулся?

Каэл замедлил шаг и повернулся к нему.

— Нет. А должен был?

Стражник, крепкий мужчина средних лет в тёмно-синем плаще, пожал плечами, но выражение его лица стало серьёзнее.

— Его караван ждали до полудня. На западном тракте задержка, видимо.

Каэл бросил быстрый взгляд на небо. До вечера оставалось ещё достаточно времени.

— Сейчас только середина дня.

— Я ничего не говорю, — примирительно произнёс стражник. — Просто спросил. После дождя там могло размыть дорогу.

Каэл коротко кивнул, однако его шаг стал медленнее. Стражник тем временем посмотрел на Эллиана, и на его лице появилось узнавание.

— Торвис?

Эллиан ещё не успел ответить, когда Каэл оживился:

— Он самый. Вернулся умнее, выше и значительно беднее.

— Последнее пока не доказано, — сухо возразил Эллиан.

Каэл выразительно посмотрел на два сундука.

— Ты вёз с собой книги. Это достаточное доказательство.

Стражник усмехнулся, поприветствовал Эллиана и пропустил их к воротам.

Когда они отошли на несколько шагов, Эллиан посмотрел на Каэла.

— Аэрин сопровождает караван?

— Небольшой, — ответил тот, и от недавней весёлости в его голосе почти ничего не осталось.

— Три повозки из западных предгорий. Обычные товары, несколько торговцев. Ничего такого, с чем он не справлялся бы десятки раз.

— Кроме камня, — напомнил Тарен.

Каэл поморщился.

— Кроме камня.

Эллиан остановился возле края дороги.

— Какого камня?

— Твой отец должен знать лучше, — сказал Каэл.

Тарен, заметив явный вопрос во взгляде Эллиана, пояснил:

— Его нашли после обвала возле старой сторожевой башни. Обломок дорожного столба или межевого знака. На нём сохранились надписи: часть человеческие, часть эльфийские, а некоторые никто из тех, кто видел находку, не сумел прочитать.

— Арден попросил доставить его в городской архив, — продолжил Каэл. — Аэрин согласился сопровождать караван. Он должен был приехать утром.

Эллиан нахмурился.

— И ты не счёл задержку подозрительной?

— На том тракте после дождя часто размывает дорогу. Иногда повозкам приходится искать обход, — ответил Каэл, но его объяснение звучало так, словно он убеждал не Эллиана, а самого себя. — Кроме того, с караваном Аэрин.

Это было произнесено с такой уверенностью, будто присутствие старшего брата являлось достаточной защитой от дождей, разбойников и законов природы. Возможно, для Каэла так и было.

— Он отправил сообщение? — спросил Эллиан.

— Нет.

Тарен посмотрел на Каэла.

— Аэрин всегда отправляет сообщение, если задерживается.

Каэл встретил его взгляд и сжал челюсти.

— Я знаю.

Ветер с реки усилился. Край плаща Каэла ударил по сапогу. Он перехватил сундук удобнее и снова двинулся к воротам, однако теперь постоянно всматривался в дорогу, словно ожидал увидеть на ней знакомую фигуру.

— Мы зайдём домой, — сказал он после короткого молчания. — Оставим вещи. Потом я проверю тракт.

— Мы проверим, — поправил Тарен. Он произнёс это спокойно, не оставляя места для спора.

Каэл не возразил.

Эллиан посмотрел на город, до которого оставалось несколько сотен шагов. Его отец ждал найденный камень. Аэрин не вернулся. В Астрарии учили не придавать значения совпадениям до тех пор, пока не появится закономерность. Но там же учили, что тревога иногда замечает нарушение раньше разума.

— Я пойду с вами, — сказал Эллиан.

Каэл резко повернулся к нему.

— Ты только приехал.

— Верное наблюдение.

— Тебя ждёт семья, — продолжил Каэл. Его голос стал жёстче, но Эллиан слишком хорошо знал его, чтобы принять это за раздражение. Каэл просто пытался защитить его, ещё не успев толком поздороваться.

— Твоя семья ждёт Аэрина, — напомнил Эллиан.

— Это может быть обычная задержка.

— Тогда мы быстро вернёмся, и ты сможешь несколько недель напоминать, что оказался прав.

Каэл задумался, и в его лице на мгновение появилась почти прежняя улыбка.

— Звучит неплохо.

— Я знал, что найду убедительный довод.

Тарен тихо усмехнулся.

— Некоторые вещи действительно не изменились.

Они почти дошли до ворот, когда Эллиан услышал копыта.

Сначала звук затерялся среди грохота повозок, голосов торговцев и шума реки. Затем повторился — быстрый, неровный и слишком тяжёлый для спокойного всадника. Каэл остановился первым. Его голова резко повернулась к боковому тракту, огибавшему заросший берег.

— Что? — спросил Эллиан, ещё не различив причины его тревоги.

Каэл уже поставил сундук на землю.

Копыта приближались. Встречные путники начали отходить к обочинам, кто-то потянул за поводья заупрямившуюся лошадь. Один из стражников у ворот крикнул предупреждение.

Из-за поворота вырвался конь.

Он скакал без всадника. Тёмная шерсть блестела от пота, поводья волочились по земле, а седло съехало набок. На левом боку виднелось длинное тёмное пятно крови. Животное хрипло дышало и металось, почти не разбирая дороги.

Каэл побледнел.

— Это конь Аэрина, — произнёс он. В его голосе не осталось ничего от прежних шуток. Он шагнул на середину тракта.

— Каэл, — начал Эллиан, оценив скорость животного.

— Я знаю, — коротко бросил тот, не оборачиваясь.

Конь приближался слишком быстро. Каэл поднял обе руки и заговорил с ним низким, успокаивающим голосом, но животное только сильнее вскинуло голову. Его глаза были расширены от страха, а подковы скользили по мокрому камню.

Тарен вышел вперёд. Он ничего не произнёс. Просто встал посреди дороги, опустил одну ладонь и посмотрел на коня. Ветер на мгновение стих. Эллиан не увидел заклинания и не услышал магического слова, но трава у сапог Тарена выпрямилась, а несколько мелких белых цветов у обочины одновременно повернули головки в его сторону.

Конь сбавил шаг. Ещё несколько мгновений он продолжал метаться, затем свернул к Тарену, словно узнал его. Тарен уверенно поймал поводья и провёл ладонью по горячей мокрой шее.

— Спокойно, — тихо произнёс он, продолжая удерживать взгляд животного. — Всё. Ты уже пришёл. Больше бежать не нужно.

Каэл оказался рядом и схватился за уздечку.

— Где он? — спросил он у коня, будто тот мог ответить.

Животное вздрогнуло и попыталось отступить, но Тарен продолжал гладить его по шее.

— Каэл, он не ответит, — осторожно сказал Эллиан.

— Я знаю, — повторил тот.

Но голос Каэла прозвучал так, будто сейчас он не знал ничего.

Эллиан подошёл ближе и осмотрел животное. Рана на боку выглядела хуже издалека: длинная, но неглубокая царапина, вероятно оставленная веткой или клинком, прошедшим вскользь. Кровь уже начала подсыхать. Гораздо сильнее его тревожили пена у губ и дрожь в ногах. Конь бежал долго, почти до полного изнеможения.

Каэл тем временем быстро осматривал седло. В нём не осталось ничего от юноши, который несколькими минутами ранее спорил о книгах и росте. Движения стали точными, лицо — неподвижным. Он проверил подпругу, седельные сумки, ремни и края попоны.

— Здесь разрез, — сказал Эллиан, заметив повреждение.

Один из задних ремней действительно был перерезан. Кожа расходилась ровной линией, которую невозможно было принять за случайный разрыв.

Каэл провёл большим пальцем по краю.

— Не порвался.

— Нет, — подтвердил Эллиан. — Его перерезали острым лезвием.

Тарен, всё ещё удерживая коня, провёл пальцами над седлом, не касаясь кожи.

— Здесь что-то есть, — тихо сказал он.

На тёмной поверхности виднелась серебристая пыль — совсем немного, не больше тонкого следа, который мог оставить светлый камень или истолчённое стекло.

Эллиан протянул руку.

— Подожди, — предупредил Тарен, однако чуть позже, чем следовало.

Пальцы Эллиана коснулись пыли.

Холод мгновенно прошёл сквозь кожу и поднялся к локтю. Мир перед глазами дрогнул.

На долю мгновения дорога разделилась надвое.

На одной конь лежал на земле, неподвижный, с закрытыми глазами. На другой его вообще не существовало: Каэл стоял посреди пустого тракта, протянув руки к воздуху, а прохожие спокойно шли мимо, не замечая ничего странного.

Затем обе картины исчезли. Эллиан снова увидел мост, городские стены и людей, с тревогой наблюдавших за происходящим.

Он резко отдернул руку.

Каэл заметил это сразу и шагнул ближе.

— Что ты увидел? — потребовал он.

— Два ближайших варианта, — ответил Эллиан, растирая онемевшие пальцы.

— Каких?

Эллиан посмотрел на коня, пытаясь подобрать точные слова.

— Уже не существующих.

Каэл нахмурился ещё сильнее.

— Это плохо?

— Обычно будущее не оставляет пыль на седле.

— Значит, плохо, — подытожил Каэл.

— Я бы использовал более точное определение.

— Потом, — отрезал тот и снова опустился возле стремени.

Его пальцы скользнули под край седельной сумки и внезапно замерли. Несколько секунд Каэл оставался неподвижным, затем медленно вытащил короткий обломок стрелы.

Древко было переломлено в двух местах. Тёмное оперение осталось целым, а под ним виднелась узкая красная нить.

Эллиан знал эти стрелы. Их делала Мара, а красной нитью отмечала оружие Аэрина, чтобы братья не путали колчаны.

— Его? — спросил Эллиан, хотя уже знал ответ.

Каэл кивнул, внимательно рассматривая неровные края древка.

— Он сломал её сам.

— Откуда ты знаешь?

Каэл повернул стрелу так, чтобы друзья увидели два отдельных перелома.

— Один означает опасность. Два — ложный след.

Тарен посмотрел на дорогу, по которой прибежал конь.

— Не доверять очевидному направлению, — произнёс он.

— Именно, — подтвердил Каэл.

Он спрятал обломок стрелы за пояс и взял коня под уздцы. Дрожь в его руках почти исчезла, однако это не было спокойствием. Скорее силой, которую он удерживал внутри, чтобы та не превратилась в безрассудство.

Эллиан слишком хорошо знал такое выражение. В детстве оно появлялось у Каэла за несколько мгновений до драки.

— Нужно сообщить страже и собрать людей, — сказал Эллиан, стараясь говорить спокойно и отчётливо. — Мы не знаем, сколько человек пропало, кто на них напал и с какой магией столкнулся караван.

Каэл резко посмотрел в сторону ворот.

— Пока они соберутся, пройдёт час.

— Мы не знаем, что случилось.

— Знаем достаточно.

— Каэл.

— Аэрин оставил знак, — произнёс тот, и в его голосе прорезалось напряжение. — Он рассчитывал, что его найдут.

— Это не означает, что он хотел, чтобы ты отправился один, — возразил Эллиан.

Каэл посмотрел сначала на него, затем на Тарена.

— Я и не один.

Эти слова вырвались у него почти сердито, но сразу после них выражение лица изменилось. Каэл словно только сейчас осознал, что сказал. На короткое мгновение между ними возникла та странная тишина, которой не должно было существовать между людьми, знавшими друг друга большую часть жизни.

Тарен нарушил её первым.

— Повозка Эллиана ещё не вошла в город, — заметил он, оглянувшись на остановившийся возле ворот экипаж. — Отправим с кучером сообщение в дом Ривенов, городской страже и Ардену. Укажем, по какому тракту идём. Если через два часа не вернёмся и не подадим знак, пусть высылают людей.

Эллиан быстро обдумал предложение и кивнул.

— Разумно.

Каэл уже снимал с седла запасной лук Аэрина.

— Хорошо.

— Кроме того, — продолжил Эллиан, — нужно осмотреть коня, направление его движения и магический след, прежде чем куда-либо бросаться.

Каэл выпрямился и возмущённо посмотрел на него.

— Я не бросаюсь, — Тарен и Эллиан одновременно повернули к нему головы. Каэл выдержал их взгляды, затем слегка развёл руками. — Я собираюсь быстро и целенаправленно двигаться.

— Это значительно меняет ситуацию, — заметил Эллиан.

— Прошло два года, а ты всё ещё придираешься к формулировкам.

— Я не предлагаю оставить Аэрина, — сказал Эллиан уже серьёзнее. — Я предлагаю не попасть в ту же ловушку.

Каэл коротко выдохнул через нос, пытаясь сдержать раздражение.

— Значит, будешь разбираться в ловушке по дороге.

— Каэл, это не план.

Тарен снова провёл ладонью над серебристой пылью. Между его пальцами на мгновение вспыхнул слабый фиолетовый свет. Конь беспокойно переступил, но не отстранился.

— На этот раз Эллиан прав, — сказал Тарен.

Каэл повернулся к нему с выражением глубокой обиды.

— Предательство в первые полчаса после воссоединения. Прекрасно.

Эллиан взглянул на солнце, а затем с совершенно серьёзным видом уточнил:

— Мы встретились больше получаса назад.

— Это делает всё только хуже, — объявил Каэл.

Кучер согласился отвезти сундуки в дом Торвисов и передать сообщения. Услышав имя Аэрина, он перестал задавать вопросы и лишь коротко кивнул. В Северной Лесной марке репутация надёжного проводника значила многое, и Аэрина знали даже те, кто никогда не встречал его лично.

Эллиан достал из сумки дорожный плащ, книгу заклинаний и тонкий складной жезл. Остальные вещи снова погрузили в повозку. Каэл тем временем изучал землю возле обочины, а Тарен продолжал успокаивать коня.

Следы были отчётливыми: глубокие отпечатки подков в мягкой почве вели к боковому тракту. Но чуть дальше, возле кустов, Эллиан заметил ещё одну странность.

Тень от дорожного столба падала не в ту сторону.

Он моргнул. Тень снова лежала правильно.

— Вы это видели? — спросил Эллиан, подходя ближе к столбу.

Каэл поднял голову от следов.

— Что именно?

Эллиан несколько секунд всматривался в камень, но не обнаружил ни рун, ни следов чар. На поверхности сохранилась лишь заросшая мхом отметка старого расстояния до города.

— Ничего, — наконец сказал он.

Каэл выразительно вскинул бровь.

— Очень полезно.

Тарен встал рядом с Эллианом. Несколько мгновений он молча смотрел на дорогу, а затем медленно вдохнул.

— Здесь пахнет дождём.

— Дождь недавно был, — заметил Эллиан.

Тарен покачал головой. Его лицо стало серьёзным, а янтарные глаза словно потемнели.

— Не этим.

Эллиан внимательно посмотрел на друга.

— А чем?

Тарен не ответил сразу. Он всматривался в деревья по обе стороны бокового тракта, словно видел среди них нечто недоступное остальным.

— Местом, которое долго оставалось закрытым.

Каэл закрепил за спиной запасной лук Аэрина.

— Значит, откроем и заберём его.

— Это не обязательно дверь, — предупредил Эллиан.

Каэл бросил на него короткий взгляд.

— Тем лучше. Двери иногда заперты.

Тарен слабо улыбнулся, но тревога из его глаз не исчезла.

Несколько минут спустя они покинули северо-западный тракт и свернули на боковую дорогу.

Риверфолл оставался совсем рядом. С холма всё ещё были видны городские башни, мост и поднятая над воротами решётка. Где-то за стеной семья Эллиана ждала его возвращения. Через четверть часа академическая повозка остановится возле знакомого дома. Отец выйдет к калитке, Лорен выбежит следом, а мать сразу поймёт по отсутствию сына, что произошло нечто непредвиденное.

Эллиан представлял этот момент слишком отчётливо. Он почти ощущал собственное место за семейным столом, тепло камина, запах старой бумаги и шероховатость привычного кресла под ладонью.

Дом находился позади.

Каэл шёл впереди, склонившись над следами. В каждом его движении чувствовалась спешка, которую он заставлял себя сдерживать. Тарен держался справа, ведя измученного коня и время от времени поглядывая на тёмные деревья у дороги.

Эллиан поправил ремень сумки и пошёл за ними.

Два года он пытался понять, какое будущее ждёт его после возвращения. Оказалось, дом встретил его не ответом, а следом, который просил ему не верить.

Глава II. Ложный след

След был слишком хорош.

Даже Эллиан, никогда не считавший себя следопытом и за последние два года гораздо чаще изучавший отпечатки магических воздействий, чем сапог, видел глубокие подковообразные отметины в размокшей земле. Они начинались возле северо-западного тракта и уходили по боковой дороге, огибавшей речной берег. Между ними тянулись длинные борозды от волочившихся повозьев, а на отдельных камнях темнели редкие капли крови. Направление выглядело настолько очевидным, что оставленная Аэрином сломанная стрела казалась почти лишним предупреждением.

Стражник у ворот увёл раненого коня в городскую конюшню и пообещал немедленно отправить в дома Ривенов, Торвисов и Вейлов посыльных. Услышав, что трое молодых людей собираются самостоятельно проверить дорогу, он сначала попытался возразить, потом посмотрел на лицо Каэла и передумал. Вместо этого мужчина велел ближайшему дозорному сообщить капитану стражи и попросил их не удаляться слишком далеко до прибытия помощи.

Каэл ответил, что они лишь осмотрят ближайший участок тракта.

Эллиан отметил, что именно такими словами обычно начинались рассказы о людях, которых позднее приходилось искать.

Каэл заявил, что возвращение из академии сделало его невыносимо пессимистичным. Тарен напомнил, что Эллиан всегда был таким.

На этом они и покинули дорогу к городу.

Боковой тракт оказался старше и уже основного пути. Когда-то по нему возили древесину и камень с западных холмов, но после строительства нового моста большая часть движения переместилась севернее. Теперь здесь редко проезжали тяжёлые повозки. По одну сторону дороги тянулся влажный смешанный лес, ещё слишком молодой и светлый, чтобы считаться частью Старого Леса. По другую земля резко понижалась к реке, скрытой за зарослями ивняка. Ветер приносил запах воды, мокрой коры и травы, а солнце то появлялось между облаками, то снова исчезало, заставляя тени деревьев двигаться по земле.

Каэл шёл первым, быстро и почти бесшумно, хотя ещё недавно утверждал, что не бросается вперёд. В руках он держал лук Аэрина, время от времени опуская взгляд к следам. На плечах у него заметно напрягались мышцы, но походка оставалась ровной, а дыхание — спокойным. Эллиан подозревал, что именно так Каэл пытался убедить себя, будто происходящее являлось обычной работой: потерялся путник, остались следы, нужно пройти по ним и вернуть человека домой.

Тарен двигался вторым. Его взгляд редко задерживался на земле. Он наблюдал за деревьями, касался кончиками пальцев влажных листьев и несколько раз останавливался, чтобы прислушаться к чему-то, чего Эллиан не слышал. Растения рядом с ним едва заметно тянулись вслед, будто провожали. Сам Тарен, казалось, этого не замечал или давно привык.

Эллиан замыкал шествие и уже через несколько минут понял, что дорожные сапоги Астария значительно лучше подходили для каменных лестниц, библиотечных галерей и сухих академических дворов, чем для размокшей глины Северной Лесной марки. Грязь цеплялась к подошвам, трава намокала от недавнего дождя, а сложенный жезл постоянно задевал бедро. Он терпеливо молчал, пока Каэл не оглянулся и не посмотрел на его ноги.

— Только не говори, что знаменитая академия не научила тебя ходить по грязи, — произнёс он. Тревога всё ещё оставалась в его лице, но голос приобрёл часть привычной насмешливости.

— Академия научила меня распознавать временные искажения, вероятностные узлы и следы магии, способной изменить ход истории, — ответил Эллиан, переступая широкую лужу. — Грязь не входила в обязательную программу.

— Значит, образование неполное.

— Я подам официальную жалобу.

Тарен, не оборачиваясь, заметил:

— Обязательно приложи сапоги.

— В качестве доказательства?

— В качестве угрозы, — пояснил Каэл. — Судя по звуку, они уже пытаются уйти обратно в Риверфолл без тебя.

Эллиан вытащил ногу из особенно вязкой колеи и посмотрел на него.

— Ты мог бы предупредить, что мы собираемся провести день в болоте.

— Я планировал встретить тебя и дойти до дома.

— Следовательно, это твоя ошибка в планировании.

— Следовательно, твой приезд снова приносит неприятности.

— Я нахожусь здесь меньше часа.

— И уже заставил меня искать брата.

Тарен повернул голову и спокойно произнёс:

— Вы оба понимаете, что Эллиан никак не связан с исчезновением Аэрина?

Каэл и Эллиан одновременно ответили:

— Конечно.

Несколько шагов они прошли молча.

— Но совпадение подозрительное, — добавил Каэл.

Эллиан покачал головой, однако спорить не стал. Лёгкая перепалка помогла Каэлу немного расслабить плечи, и сейчас это было полезнее точности.

Следы коня вели строго по дороге. Они ни разу не отклонились к реке, не замедлились возле развилки и не пересеклись с отпечатками других животных. Через четверть часа Каэл начал оглядываться чаще. Ещё через несколько минут он опустился на корточки возле особенно глубокой отметины и провёл пальцами по её краю.

Эллиан остановился рядом.

— Что-то не так?

Каэл не ответил сразу. Он снял перчатку, коснулся влажной земли и посмотрел вперёд, туда, где следы продолжались почти правильной линией.

— Конь бежал в панике, — наконец сказал он. — Видел его глаза?

— Сложно было не заметить.

— Испуганная лошадь не выбирает удобную дорогу. Она обходит тени, шарахается от веток, может свернуть на запах воды или рвануть обратно к знакомому месту. Этот шёл прямо.

Тарен подошёл с другой стороны и присел рядом.

— Его направляли?

— Возможно. Или он убегал от чего-то, что всё время оставалось позади.

Эллиан посмотрел на ряд глубоких отпечатков.

— Следы выглядят свежими.

— Они и должны быть свежими, — ответил Каэл. — В этом нет ничего странного.

— Странно другое. После дождя края должны были осыпаться. Особенно там, где земля рыхлая.

Каэл поднял голову. Эллиан указал на ближайший отпечаток. Внутри него собралась вода, но края оставались чёткими, словно копыто коснулось земли всего несколько мгновений назад.

— Конь прибежал к воротам некоторое время назад, — продолжил он. — Даже если он двигался очень быстро, след не может быть моложе самого животного.

Каэл провёл большим пальцем по краю углубления. Земля послушно осыпалась внутрь.

— Я предпочитал, когда ты жаловался на грязь.

— Я тоже.

Тарен медленно поднялся и посмотрел назад. Дорога за ними выглядела обычной: влажная, пустая, пересечённая их собственными следами. Но на мгновение Эллиану показалось, что между деревьями на противоположной стороне лежит ещё одна дорога — почти такая же, только сухая и залитая вечерним светом. Он моргнул, и видение исчезло.

— Ты опять что-то увидел? — спросил Каэл.

Эллиан перевёл взгляд на друга.

— Почему ты решил?

— У тебя появляется особое лицо.

— Какое?

Каэл задумался, словно пытался подобрать достаточно точное описание.

— Будто кто-то неправильно расставил книги в библиотеке, а ты пока не решил, заслуживает ли он прощения.

Тарен серьёзно кивнул.

— Очень точное наблюдение.

— Рад, что моя тревога вас развлекает.

— Нас развлекает твоё лицо, — пояснил Каэл. — Тревога — отдельно.

Эллиан посмотрел туда, где мелькнула другая дорога.

— Мне показалось, что я увидел ещё один тракт. Параллельный этому.

Каэл сразу перестал улыбаться.

— Настоящий?

— Не знаю. Скорее возможный. Но вероятность не должна выглядеть как место, уже существующее рядом с нами.

— Это звучит хуже обычного «не знаю», — заметил Тарен.

— Потому что оно хуже.

Каэл поднялся, снова надел перчатку и поправил лук.

— Тогда не будем задерживаться.

Он сделал несколько шагов, но Эллиан окликнул его:

— Каэл.

Тот обернулся.

— Мы продолжаем проверять дорогу, а не быстро и целенаправленно двигаться в неизвестную магическую ловушку.

— Разумеется.

— Ты даже не попытался сделать ответ убедительным.

— Я берегу время.

Они пошли дальше, теперь медленнее. Каэл перестал смотреть только на отпечатки копыт и начал изучать обочины, сломанные ветви, примятую траву и мелкие камни. Через некоторое время он обнаружил первую настоящую странность: следы подков неожиданно исчезали на участке твёрдой земли, а затем снова появлялись через двадцать шагов. Между ними не было ни царапин, ни выбитого мха, ни признаков прыжка. Казалось, лошадь на короткое время перестала касаться дороги.

— Может быть, камни твёрже, чем выглядят? — предположил Эллиан.

Каэл посмотрел на него с таким выражением, будто услышал особенно слабую попытку утешения.

— Даже по камню остаются следы. Пыль, грязь с копыт, сорванный мох. Здесь ничего нет.

Тарен провёл рукой над пустым участком. На его коже вспыхнуло несколько едва заметных серебристо-фиолетовых искр, но сразу погасло.

— Здесь что-то было вырезано, — произнёс он.

— Надпись? — спросил Эллиан.

— Нет. Момент.

Каэл медленно выдохнул.

— Тар, иногда мне кажется, что ты нарочно выбираешь самые тревожные слова.

— Я мог сказать, что часть дороги помнит, как её не существовало.

— Спасибо. Первый вариант был лучше.

Тарен слегка улыбнулся, но быстро снова стал серьёзным. Его взгляд задержался на ветках над дорогой. Несколько капель воды сорвались с листьев, упали вниз — и исчезли прежде, чем коснулись земли.

Эллиан тоже это увидел. На этот раз Каэл не стал спрашивать, что именно произошло. Он лишь сильнее сжал лук и пошёл дальше.

Место нападения они обнаружили примерно через час после выхода от городских ворот. Дорога здесь расширялась возле старого каменного водоотвода, давно наполовину разрушенного корнями. По обе стороны рос густой орешник, а дальше начинался невысокий подъём, за которым тракт разделялся: одна ветвь уходила к заброшенной сторожевой башне, другая спускалась в сторону речных лугов.

Первая повозка лежала набок возле канавы.

Одного колеса не было. Деревянный кузов перекосялся, часть груза высыпалась на дорогу, а полотно, накрывавшее ящики, зацепилось за кусты и хлопало на ветру. Вторая повозка стояла поперёк тракта с разбитым передним бортом. Третья находилась чуть дальше, почти не повреждённая, но брошенная. Упряжных лошадей не было.

На земле темнели пятна крови. Каэл сорвался с места.

Эллиан успел произнести только его имя, прежде чем тот оказался возле первой повозки. Он отбросил в сторону мокрое полотно, заглянул под кузов, потом обошёл его, внимательно осматривая канаву и заросли. Движения стали быстрыми и резкими. Он звал Аэрина, затем караванщиков, но лес отвечал только шелестом листьев и шумом далёкой реки.

Тарен направился к третьей повозке. Эллиан последовал за ним, удерживая жезл в руке. У открытого борта лежали мешки с зерном, деревянные ящики, несколько свёртков ткани и медный дорожный фонарь. Всё выглядело так, словно хозяева собирались вернуться через несколько минут. На козлах остался сложенный плащ. Рядом стояла кружка, наполовину наполненная дождевой водой.

Людей не было. Не было и тел.

— Здесь никто не умер, — сказал Тарен.

Эллиан посмотрел на кровь.

— Ты уверен?

— Нет боли. Нет последнего страха. Только испуг, растерянность и... — Он ненадолго замолчал, вслушиваясь в собственные ощущения. — Ожидание.

— Ожидание чего?

Тарен повернулся к лесу.

— Будто все находившиеся здесь слышали, что их зовут.

Каэл вернулся к ним. На его ладонях была грязь, а дыхание стало тяжелее.

— Никого. Ни под повозками, ни в канаве. В кустах тоже пусто.

— Это хорошо, — сказал Эллиан.

— Это странно.

— Одно другому не мешает.

Каэл провёл рукой по волосам и посмотрел на пятна крови.

— Они не могли просто исчезнуть.

— Учитывая то, что мы уже видели на дороге, я бы пока не исключал такую возможность, — заметил Эллиан.

— Ты совершенно не умеешь успокаивать людей.

— В академии это тоже не входило в обязательную программу.

Тарен присел возле ближайшего пятна, коснулся земли двумя пальцами и потёр их друг о друга.

— Конская кровь.

Каэл быстро подошёл ближе.

— Аэринов конь?

— Возможно. Или одна из упряжных лошадей. Человеческой здесь нет.

Каэл оглядел дорогу ещё раз, уже не как брат пропавшего человека, а как следопыт. Он словно заставил себя отложить страх в сторону и заняться тем, чему был обучен. Начал с первой повозки, осмотрел разбитый борт, спицы оставшегося колеса и землю под осью. Затем перешёл ко второй, измерил расстояние между колеями и долго изучал край дороги, где грязь была взрыта множеством отпечатков.

Эллиан тем временем раскрыл книгу заклинаний на странице с заранее подготовленным поисковым контуром. Он положил ладонь на лист, произнёс короткую формулу и коснулся жезлом земли. По дереву пробежал бледно-синий свет. От кончика разошлась тонкая волна, едва заметная на дневном воздухе, и пространство вокруг повозок на мгновение покрылось сетью прозрачных линий.

Обычная магия оставляла следы, похожие на остаточное тепло. Иллюзии и чары восприятия обычно мерцали по краям предметов, пространственные воздействия деформировали прямые линии, а вмешательство в вероятность проявлялось серебряной пылью или краткими несовпадениями между предметом и его тенью.

Здесь присутствовало всё сразу.

Серебристые частицы висели над землёй, но двигались не по ветру. Тени повозок едва заметно запаздывали за облаками. Между двумя деревьями на склоне повторялся один и тот же блик, словно солнечный свет попадал туда из нескольких разных мгновений.

— Эл? — позвал Каэл.

Эллиан не ответил. Он медленно повернул жезл, следуя за наиболее яркой линией. Та уходила к развилке, разветвлялась вместе с дорогой, а затем становилась сразу двумя одинаково сильными следами.

В первом вероятном исходе он увидел овраг.

Аэрин лежал внизу возле перевёрнутой повозки. Его плащ зацепился за корень, одна рука была прижата к груди. Двое караванщиков пытались поднять раненого товарища, а из-за деревьев к ним спускались вооружённые люди.

Картина была яркой, почти осязаемой. Эллиан слышал крики, видел кровь на лице Аэрина и знал, что им нужно немедленно свернуть к речным лугам, иначе они не успеют.

Затем видение рассыпалось. На его месте появилась сторожевая башня.

Аэрин был внутри, привязанный к старому деревянному столбу. Караванщики сидели у стены. Возле входа стоял человек в сером плаще и держал в руках обломок каменного указателя. Ветер шевелил сухую траву вокруг башни, а на горизонте стучались тучи.

Это будущее казалось столь же убедительным. И столь же срочным.

Эллиан усилил заклинание. Серебряные линии вспыхнули, и два видения наложились друг на друга: овраг проступил сквозь стены башни, фигуры караванщиков раздвоились, а Аэрин одновременно лежал на земле и сидел у столба. На мгновение Эллиан почувствовал знакомое давление за глазами — слишком много несовместимых вероятностей, требовавших от него выбора.

Он разорвал заклинание. Сеть света погасла. Серебристая пыль осела на грязь и исчезла. Эллиан отступил на шаг, тяжело выдохнул и обнаружил, что Каэл стоит совсем рядом. Одна его рука была поднята, будто он собирался поддержать Эллиана за плечо, но пока не решился прикоснуться.

— Что ты видел? — спросил Каэл.

— Два пути. На одном Аэрин находится в овраге возле речных лугов. На другом — в старой сторожевой башне.

Каэл посмотрел на развилку.

— Какой настоящий?

— Оба выглядели настоящими.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ, который у меня есть.

Каэл сжал губы и перевёл взгляд на правую дорогу, ведущую к башне.

— В детстве ты говорил, что видишь возможное будущее. Значит, оба могут существовать?

— Могли бы, если бы события ещё не произошли. Но мы пытаемся увидеть прошлое через оставленные им вероятности. Аэрин не мог одновременно оказаться в двух местах.

— Значит, одно видение ложное.

— Возможно, оба.

Каэл отвернулся. Он не повысил голос и не сделал резкого движения, но Эллиан увидел, как напряглась его челюсть.

— Очень полезная магия.

Слова прозвучали прежде, чем Каэл успел остановиться.

Тарен поднял голову. Эллиан почувствовал короткий укол раздражения, однако ответил спокойно:

— Да. Особенно когда человек рядом требует уверенности там, где её нет.

Каэл резко посмотрел на него. Несколько секунд между ними сохранялось напряжение, непривычное после недавней лёгкости. Потом Каэл закрыл глаза, выдохнул и провёл ладонью по лицу.

— Прости, — сказал он. — Я не на тебя злюсь.

— Знаю.

— Это не делает сказанное менее глупым.

— Не делает.

Уголок рта Каэла дрогнул.

— Ты мог бы иногда облегчать людям извинения.

— Тогда они не научатся делать это правильно.

— Вот теперь я точно вспомнил, почему скучал.

Он коротко коснулся плеча Эллиана — быстро и почти неловко, словно этим жестом хотел окончательно закрыть возникшую трещину. Эллиан кивнул и вернулся к следам, не задерживая внимания на тепле, оставшемся под тканью плаща.

Каэл снова занялся повозками. На этот раз он двигался медленнее. Сначала внимательно осмотрел отсутствующее колесо, потом опустился возле оси и провёл пальцем по светлой древесине.

— Колесо не сломалось на ходу, — сказал он.

Эллиан подошёл ближе.

— Почему?

— Ось перерубили. После того как повозка остановилась.

Тарен заглянул под кузов.

— Удар топором?

— Два удара. Первый неглубокий, второй точный. Потом колесо сняли и откатали в канаву.

Каэл раздвинул кусты и действительно обнаружил колесо, почти полностью скрытое ветвями. Спицы оставались целыми.

— Зачем изображать поломку? — спросил Эллиан.

— Чтобы место выглядело как нападение на остановившийся караван.

— Оно и выглядит как нападение.

— Слишком хорошо выглядит.

Каэл перешёл к рассыпанным ящикам. Один был разбит, но лежавшие внутри железные инструменты остались на месте. Второй оказался открытым; в нём находились рулоны дорогой ткани, нетронутые и лишь слегка испачканные грязью. Возле повозки лежал кошель с медными и серебряными монетами.

Каэл поднял его двумя пальцами.

— Разбойники не оставляют деньги.

— Может быть, искали только камень, — предположил Тарен.

— Тогда зачем разбрасывать товары и ломать повозки?

— Чтобы мы решили, что это разбойники, — ответил Эллиан.

Каэл бросил ему кошель. Эллиан поймал его с некоторым запозданием.

— Именно.

Они начали осматривать землю вместе. Каэл показывал то, что Эллиан не заметил бы без подсказки: следы людей оказались слишком глубокими и равномерными, будто каждый намеренно давил пяткой в грязь; возле кустов отпечатки нескольких пар сапог шли обратно той же дорогой, но были частично затёрты ветвями; лошадиные следы обрывались там, где животных, вероятно, отвязали и увели по твёрдому склону. На стволе дерева обнаружилась стрела, глубоко вошедшая в кору, однако вокруг наконечника не было ни крови, ни обрывков ткани. Её выпустили в пустое дерево.

— Кто-то построил здесь целую сцену, — произнёс Эллиан, глядя на перевёрнутую повозку.

— Плохую сцену, — возразил Каэл.

— Она убедила бы обычного путника.

— Обычный путник не должен выслеживать собственного брата.

Тарен стоял возле середины дороги, закрыв глаза. Ветер шевелил длинные пряди у его лица. Несколько сухих листьев поднялись с земли и медленно закружились вокруг сапог, хотя остальная трава оставалась неподвижной.

— Что ты чувствуешь? — спросил Эллиан.

— Их было тринадцать, — ответил Тарен.

Каэл посмотрел на следы.

— В караване должно было быть восемь человек вместе с Аэрином.

— Значит, появился ещё один.

— Нападавший?

Тарен медленно покачал головой.

— Не совсем. Остальные его знали. По крайней мере, не боялись до того, как всё началось.

— Ты можешь понять, куда они ушли?

Тарен открыл глаза. В них на короткое мгновение мелькнуло фиолетовое сияние.

— Отсюда они разошлись сразу в нескольких направлениях.

Каэл издал тихий, усталый звук.

— Прекрасно. Эллиан видит двух Аэринов, ты чувствуешь тринадцать человек, ушедших по всем дорогам, а следы коня просят им не верить.

— Если собрать всё вместе, — заметил Эллиан, — картина становится достаточно ясной. Каэл посмотрел на него с надеждой.

— Правда?

— Нет. Но звучало обнадеживающе.

Тарен неожиданно рассмеялся. Смех был негромким, но живым, и даже Каэл через несколько секунд покачал головой с кривой улыбкой.

— Два года среди великих магов, — сказал он. — И вот чему тебя научили.

— Ещё я умею создавать огонь.

— Это уже полезнее.

— Пока ты продолжаешь оценивать мои способности, вероятность случайного возгорания растёт.

Каэл поднял обе руки.

— Беру слова обратно.

Лёгкость исчезла так же быстро, как появилась. За развилкой лежали два видимых пути, и оба могли оказаться ловушками. Стража прибудет не раньше чем через час, а следы, если их вообще можно было так называть, становились всё менее надёжными. Солнце уже начало клониться к западу. Под деревьями сгустились тени.

Каэл разложил на неповреждённом борту повозки несколько найденных вещей: сломанную стрелу Аэрина, кусок перерубленного ремня, серебристую пыль, собранную Эллианом во флакон, и веточку с зацепившейся за неё тёмной шерстью. Он долго смотрел на них, затем на развилку.

— Аэрин оставил предупреждение на седле, — произнёс он. — Значит, успел понять, что очевидный путь ложен. Коня направили по дороге к городу, чтобы его нашли. Или он сам вырвался, но тогда стрела всё равно должна была привести нас сюда.

— Возможно, предупреждение относится не только к следам коня, — сказал Эллиан. — Возможно, ложным является всё место.

— Тогда куда идти?

Никто не ответил.

В этот момент на сломанную ось первой повозки села бабочка. Она была небольшой, не больше ногтя, с тонкими серебряными крыльями. Свет не отражался от них, а словно исходил изнутри мягким лунным сиянием, почти незаметным при дневном свете.

Тарен замер. Эллиан увидел, как изменилось его лицо: тревога исчезла, уступив место мгновенному узнаванию. Не удивлению. Не любопытству.

Узнаванию.

Бабочка раскрыла крылья и снова закрыла их. Каэл в это время стоял к ней спиной, рассматривая следы возле развилки. Тарен быстро перевёл взгляд на Эллиана.

Между ними не прозвучало ни слова. Оно и не требовалось. Эллиан помнил старые рассказы о снах, начавшихся, когда Тарену было двенадцать. Помнил серебряное насекомое на фоне луны, растения, распускавшиеся среди зимы, и обещание никому не рассказывать, пока Тарен сам не решит иначе.

Бабочка поднялась с оси и полетела к лесу. Она не направилась ни к оврагу, ни к башне. Серебряный огонёк скользнул между двумя старыми ольхами, росшими слишком близко друг к другу, чтобы там могла проходить дорога. За ними виднелись кусты, переплетённые ветви и крутой склон.

Тарен сделал шаг следом.

— Тар? — окликнул Каэл.

Он остановился. Бабочка исчезла среди листьев.

— Ни одна из дорог, — произнёс Тарен.

Каэл нахмурился.

— Что?

— Мы выбираем между двумя путями, потому что видим два пути. Именно этого от нас и хотят.

Эллиан подошёл к ольхам. На первый взгляд за ними действительно ничего не было. Земля под корнями оставалась нетронутой, кусты росли плотно, а склон спускался к воде. Но когда он сместился на полшага влево, пространство между деревьями словно стало глубже.

Вместо нескольких локтей зарослей он увидел тёмный проход.

Моргнул. Проход исчез.

— Здесь что-то есть, — сказал он.

Каэл подошёл и посмотрел между стволами.

— Кусты.

— Сделай шаг влево.

— Зачем?

— Потому что я прошу.

— Это подозрительно слабое объяснение для человека, который недавно требовал осторожности.

— Каэл.

Тот сместился влево. Его выражение изменилось.

Между ольхами теперь уходила узкая тропа, покрытая серыми каменными плитами. Она выглядела старой, но не заброшенной. На камнях не рос мох, а ветви деревьев образовывали над ней ровную арку. Через несколько десятков шагов тропа поворачивала и исчезала в голубоватой тени.

Каэл медленно поднял руку и коснулся ближайшего ствола.

— Я прошёл здесь утром, — сказал он. — Этой дороги не было.

— Возможно, ты смотрел не с того места, — заметил Тарен.

— Дороги не должны зависеть от того, где я стою.

— Это разумное ожидание, — согласился Эллиан. — Но, судя по всему, не обязательное правило.

Каэл обернулся к нему.

— Ты всегда разговариваешь так, когда напуган?

— Нет. Иногда я молчу.

— Это было бы страшнее, — решил Тарен.

Каэл перевёл взгляд на него.

— Откуда ты понял, что нужно смотреть сюда?

Тарен ненадолго замолчал. Эллиан почувствовал, как между ними снова появляется знакомая тонкая граница. Та самая, которую Тарен провёл много лет назад, решив рассказать одному другу и защитить другого незнанием. Сейчас он мог сказать правду. Мог упомянуть серебряную бабочку, сны и знак богини. Но Каэл и без того был напряжён, а перед ними открывалась дорога, существование которой нарушало привычные законы пространства.

— Здесь всё время было слишком тихо, — наконец ответил Тарен. — Я услышал место, в котором лес не растёт.

Это не было ложью, но и всей правдой не являлось.

Каэл несколько секунд смотрел на него, затем кивнул. Он доверял Тарену достаточно, чтобы не требовать немедленного объяснения. Эллиан не был уверен, облегчает это ситуацию или делает её хуже.

— Хорошо, — сказал Каэл. — Значит, Аэрин мог уйти туда.

— Или его туда увели, — добавил Эллиан.

— Ты действительно не умеешь успокаивать людей.

— Мы это уже установили.

Каэл снял лук с плеча и проверил тетиву. Затем достал стрелу, но пока не накладывал её. Тарен затянул ремень на запястье и провёл ладонью по воздуху. Вокруг его пальцев на мгновение возникло несколько фиолетовых огоньков, похожих на крошечных светляков. Эллиан раскрыл книгу, выбрал защитное заклинание и закрепил сложенный жезл в рабочем положении.

Все трое сделали это почти одновременно. Когда они закончили, Каэл посмотрел на друзей.

— Стража скоро будет здесь.

— Да, — согласился Эллиан.

— Разумнее дождаться её.

— Несомненно.

Тарен перевёл взгляд с одного на другого.

— Вы собираетесь ждать?

— Нет, — ответили оба.

Тарен вздохнул.

— Хорошо. Просто хотел убедиться, что мы принимаем одинаково неразумное решение.

Каэл первым шагнул между ольхами.

На мгновение его фигура дрогнула, словно отражение в потревоженной воде. Затем он оказался на каменной дороге по другую сторону зарослей. Эллиан видел его всего в нескольких шагах от себя, но голос Каэла прозвучал глухо и далеко:

— Здесь холоднее.

Тарен прошёл следом. Воздух вокруг него вспыхнул слабым серебристым светом, а ветви над тропой наклонились, хотя ветра не было.

Эллиан задержался у границы. За спиной оставались разбитые повозки, ложные следы и две дороги, каждая из которых обещала привести к Аэрину. Впереди лежал третий путь — тот, которого они не видели, пока серебряная бабочка не указала на него. Эллиан шагнул между деревьями.

Мир изменился почти незаметно.

Шум реки исчез. Запах мокрой земли сменился холодным ароматом камня и ночных цветов. Солнечный свет стал бледнее, хотя над дорогой по-прежнему виднелось дневное небо. Когда Эллиан обернулся, проход между ольхами остался на месте, но разбитые повозки за ним казались очень далёкими, словно находились на другом конце длинного коридора.

Каэл стоял посреди дороги, всматриваясь вперёд. Тарен смотрел на камни под ногами.

— Что? — спросил Эллиан.

Тарен указал вниз. По влажной пыли тянулись следы.

Три пары.

Одна принадлежала тяжёлым охотничьим сапогам Каэла. Вторая — более узкой обуви Тарена. Третья оставляла на земле чёткий геометрический рисунок подошв дорожных сапог Астрария.

Следы начинались возле их ног и уходили вперёд.

— Мы ещё не проходили здесь, — тихо произнёс Каэл.

Эллиан посмотрел на собственные отпечатки, продолжавшиеся за поворотом дороги.

— Для нас — нет.

Где-то впереди хрустнула ветка. Через несколько мгновений тот же звук повторился у них за спиной.

Глава III. Исчезнувшая миля

Ветка хрустнула у них за спиной.

Каэл развернулся первым, единым движением снимая лук с плеча, накладывая стрелу и смещаясь так, чтобы оказаться между возможной угрозой и Эллианом. Он сделал это прежде, чем успел осознать собственный поступок: ноги сами нашли устойчивое положение, левое плечо подалось вперёд, тетива натянулась до щеки. Тарен без единого слова шагнул в сторону, освобождая ему линию выстрела, а вокруг пальцев Эллиана вспыхнул бледно-голубой защитный знак. Ещё мгновение назад они стояли посреди странной дороги, пытаясь понять, почему их собственные следы уже уходят вперёд; теперь трое друзей выстроились так, словно последние два года не существовали и они по-прежнему ежедневно бродили вместе по окрестностям Риверфолла.

На дороге никого не было. Между двумя ольхами всё ещё виднелся проход наружу, а за ним — оставленные разбитые повозки, мокрая земля и залитый обычным дневным светом склон. Всё находилось там, где должно было находиться, но расстояние до внешней дороги казалось уже не несколькими шагами, а доброй сотней футов. Воздух между деревьями дрожал, словно нагретый над огнём, хотя вокруг было прохладно и пахло сырой листвой.

Каэл не опускал лук. Его взгляд медленно двигался между стволами, обочинами и голубоватой дымкой, но ничего не находил. Затем ветка над их головами начала клониться вниз. Трое друзей одновременно подняли лица. Тонкий сухой сучок на ближайшем дереве треснул, отделился от ствола и, перевернувшись в воздухе, упал на старые каменные плиты. Звук падения раздался только спустя несколько мгновений.

Эллиан нахмурился и посмотрел сначала на ветку, затем вверх, проверяя, не повторится ли странность. Голубой знак вокруг его запястья продолжал мерцать, готовый развернуться в полноценный щит.

— Сначала звук, потом событие, — произнёс он наконец, и в его голосе прозвучало то осторожное академическое недовольство, с каким в Астрарии обычно сообщали, что наблюдаемое явление грубо нарушает сразу несколько основополагающих законов.

Каэл чуть повернул голову, но натянутую тетиву не отпустил.

— Я заметил.

— Это нарушает естественную последовательность причины и следствия.

— И это я тоже заметил, — отозвался Каэл. Он медленно выдохнул, убедился, что из леса никто не бросается, и только после этого немного ослабил натяжение. — Можешь не перечислять всё, что здесь неправильно. Боюсь, дорога воспримет это как вызов и постарается расширить список.

Тарен перевёл взгляд с упавшей ветки на Эллиана. Уголки его губ едва заметно дрогнули, хотя в янтарных глазах оставалась настороженность.

— Ты собираешься объяснить дороге, что она ошибается?

Эллиан опустил руку, однако защитный знак не развеял. Тонкая голубоватая линия обвила его запястье, подобно светящемуся браслету.

— Я рассматриваю такую возможность.

— Тогда предупреди заранее, — попросил Каэл, наконец опуская лук. Он бросил на Эллиана быстрый взгляд и кивнул в сторону прохода. — Я хочу успеть вернуться в Риверфолл прежде, чем ты начнёшь спорить с пространством и временем.

— Пока пространство и время ведут себя менее упрямо, чем ты.

Каэл хмыкнул, убрал стрелу от тетивы, но не вернул её в колчан.

— Значит, у тебя уже есть подходящий опыт.

Он повернулся к следам, которые начинались возле того места, где они стояли, и уходили по дороге за ближайший поворот. Земля здесь была покрыта мелкой сероватой пылью, выглядевшей влажной, хотя дождь, по всей видимости, никогда не достигал скрытого пути. Следы казались совсем свежими: края отпечатков оставались чёткими, в углубления ещё не успела осесть пыль, а на одном из них ясно виднелась тонкая трещина, пересекавшая каблук.

Каэл поставил рядом собственный сапог. Рисунок подошвы совпал до последней царапины.

— Это мои, — сказал он, и теперь в его голосе не было прежней шутливости.

Эллиан наклонился, внимательно сравнивая отпечаток с подошвой друга.

— Да.

Каэл поднял на него взгляд.

— Я не спрашивал.

— Тогда ты выбрал весьма сомнительную интонацию для утверждения, — невозмутимо ответил Эллиан.

— Я хотел убедиться, что ты ещё способен согласиться со мной хотя бы в настолько очевидном вопросе.

— Способен. Просто это редко требуется.

Каэл фыркнул и присел возле следов, провёл пальцами над ближайшим отпечатком, не касаясь его, затем проследил взглядом всю цепочку. Внимание следопыта быстро отделяло случайные детали от значимых: глубину шага, расстояние между отпечатками, небольшие повороты стопы, места, где кто-то замедлялся.

— Мы шли спокойно, — произнёс он после недолгого осмотра. — Не бежали, не крались и не тащили раненого. Здесь наши шаги становятся короче, а через каждые десять или двенадцать ты останавливаешься.

Эллиан посмотрел на собственную цепочку следов. Та действительно прерывалась через равные промежутки, словно он задерживался, чтобы рассмотреть что-то на обочине.

— Откуда ты знаешь, что это я?

Каэл выпрямился и указал стрелой на камни впереди.

— Потому что Тарен не останавливается посреди опасной дороги, чтобы прочитать каждый валун.

— Некоторые камни заслуживают внимания, — возразил Эллиан.

— Именно это я и сказал.

Тарен тем временем подошёл к проходу между ольхами. Он протянул руку, но не пересёк невидимую границу. Воздух перед его пальцами дрогнул, как поверхность спокойной воды, потревоженная лёгким ветром. На мгновение разбитые повозки исчезли. Вместо них за деревьями показался пустой склон, покрытый высокой травой, а далеко внизу сверкнула река. Затем видение сменилось прежней картиной: повозки, грязь, оборванные следы и место ложного нападения.

Тарен медленно убрал ладонь.

— Проход ещё открыт, — сказал он, продолжая смотреть вперёд. — Но я не уверен, что он всё ещё ведёт туда, откуда мы вошли.

Каэл нахмурился.

— Повозки на месте.

— Сейчас.

Одно короткое слово заставило Каэла повернуться к нему всем корпусом.

— Мне всё меньше нравится, когда ты так говоришь.

Тарен посмотрел на него через плечо. На его лице сохранялось обычное спокойствие, но пальцы слегка сжались, выдавая напряжение.

— Мне тоже. Однако дорога, похоже, любит это слово значительно больше нас.

Эллиан достал из поясной сумки небольшой кусок белого мела и подошёл к правой ольхе. На внутренней стороне ствола он начертил знак Астрария — круг, пересечённый тремя короткими линиями. В академии такой символ использовали для обозначения проверенных границ, устойчивых переходов и мест, к которым следовало вернуться после исследования. Сам по себе он почти не обладал силой, но хорошо удерживал простые чары. Эллиан коснулся рисунка концом жезла, и линии засветились мягким голубым светом.

Сияние продержалось одно мгновение. Потом знак оказался на левом дереве.

Некоторое время трое друзей молча смотрели сначала на правую ольху, затем на левую. Эллиан подошёл ближе и провёл пальцами по светящимся меловым линиям. Рисунок был именно его: с чуть более длинной верхней чертой и неровностью в нижней части круга.

— Я совершенно точно нарисовал его на другом дереве, — сказал он.

Каэл медленно кивнул.

— Мы видели.

— Хорошо.

Каэл недоверчиво прищурился.

— Что именно в этом хорошего?

— Мне не придётся доказывать, что я ещё способен различать правую и левую стороны.

Каэл задумчиво оглядел его с головы до ног, словно действительно оценивал состояние друга после двух лет академического обучения.

— Сколько времени должно пройти, прежде чем мы начнём считать это настоящим достижением?

— В твоём случае — примерно два года, — сухо ответил Эллиан.

Пока они обменивались репликами, Тарен достал из кармана небольшой моток тёмной шёлковой нити. Один конец он привязал к низкой ветви ольхи, другой — обмотал вокруг плоского камня, лежавшего уже на скрытой дороге.

Эллиан заметил его действия и спросил:

— Это защитная нить Иары?

— Обычная шёлковая, — ответил Тарен, затягивая узел.

— Без оберегов?

Тарен поднялся и слегка потянул нить, проверяя прочность.

— Если дорога способна переставить зачарованный знак, она, вероятно, сумеет обмануть и магический предмет. Обычная нить может показаться ей недостаточно интересной.

Каэл осторожно взялся за волокно. Нить натянулась между веткой и камнем, а затем её средняя часть просто исчезла. Оба конца оставались на месте, узлы не развязались, но между ними не было видно ничего: ни обрыва, ни провисшего участка. Каэл провёл ладонью через пустое пространство и неожиданно ощутил сопротивление. Невидимая нить всё ещё существовала.

Он несколько раз пошевелил пальцами, после чего посмотрел на Тарена.

— Очень успокаивает.

— Я стараюсь, — с невозмутимым видом ответил тот.

— У тебя получается всё хуже.

— Значит, дорога воздействует и на мои способности.

Они решили не удаляться друг от друга дальше нескольких шагов. Каэл снова занял место впереди, однако теперь двигался значительно медленнее, проверяя подозрительные участки концом стрелы и постоянно оглядывая обочины. Тарен шёл вторым и наблюдал не столько за землёй, сколько за лесом, будто пытался услышать скрытое движение среди молчаливых деревьев. Эллиан замыкал их небольшой строй, время от времени оборачиваясь к проходу между ольхами и следя за голубым светом оставленного знака.

После первого поворота ольхи исчезли из виду.

Не скрылись за деревьями и не растворились в тумане постепенно. Эллиан на мгновение отвёл взгляд, проверяя собственные следы, а когда снова обернулся, входа больше не было. Дорога позади тянулась ещё около сотни шагов и заканчивалась полосой неподвижной голубоватой дымки. Меловой знак, шёлковая нить, разбитые повозки и обычный дневной свет исчезли.

Каэл тоже заметил перемену. Он остановился, молча прошёл назад около двадцати шагов и не сводил глаз с тумана. Дымка отступала вместе с ним, неизменно сохраняя прежнее расстояние. Тогда он ускорился, почти перешёл на бег, но граница дороги продолжала отдаляться.

— Каэл, — позвал Тарен, и спокойствие его голоса лишь подчёркивало серьёзность предупреждения. — Не уходи далеко.

Каэл остановился и резко обернулся.

— Я не ухожу. Я пытаюсь вернуться.

Тарен чуть склонил голову.

— Для этой дороги это может быть одним и тем же.

Несколько секунд Каэл смотрел на исчезающий проход, затем нехотя вернулся к друзьям. Он убрал стрелу в колчан и провёл ладонью по коротким тёмным волосам.

— Значит, назад пока нельзя.

— Возможно, можно, — возразил Эллиан. Он продолжал наблюдать за дымкой, отмечая, что её цвет и плотность не меняются. — Просто не обычным способом.

Каэл повернулся к нему.

— Ты знаешь необычный?

— Пока нет.

— Тогда предлагаю временно считать, что нельзя.

— Это неточная формулировка.

— Зато полезная, — заявил Каэл и указал подбородком на собственные следы, уходящие вперёд. — Пойдём за собой.

Эллиан посмотрел на него с искренним неодобрением.

— Эта фраза звучит хуже всего, что сегодня говорил Тарен.

Тарен едва заметно улыбнулся и двинулся следом за Каэлом.

— День ещё не закончился.

Скрытая дорога постепенно спускалась между деревьями. Лес вокруг не выглядел древним: стволы оставались сравнительно тонкими, кора — гладкой и светлой, а корни почти не разрушали ровные каменные плиты. И всё же в нём было что-то неправильное. Ветви переплетались над дорогой настолько плотно, что должны были полностью закрывать небо, однако рассеянный сероватый свет продолжал проникать сквозь листву. Он не отбрасывал настоящих теней и не менялся, когда облака закрывали солнце. Здесь не пели птицы, не шуршали мелкие звери и не двигался ветер. Даже шаги друзей звучали приглушённо, будто дорога принимала их звук и возвращала лишь часть.

Через несколько минут впереди закричал ворон. Один короткий хриплый звук, затем два быстрых и ещё один одиночный. Каэл поднял голову. На ветке сидела крупная чёрная птица, внимательно наблюдавшая за путниками блестящим глазом. Ворон повернул голову набок, взмахнул крыльями и перелетел через дорогу.

— Наконец что-то живое, — заметил Каэл. Он проводил птицу взглядом, но не стал останавливаться.

Через двадцать шагов тот же крик повторился в той же последовательности. Один раз, дважды, ещё один. На ветке впереди сидел ворон. Птица снова наклонила голову под прежним углом, и теперь друзья заметили, что на её левом крыле не хватает одного длинного пера.

Каэл замедлился.

— Он нас облетел?

— Я не слышал крыльев, — ответил Тарен, внимательно присматриваясь к птице.

— Возможно, другой ворон, — предположил Эллиан, хотя сам уже видел слишком много совпадений.

Каэл указал на повреждённое крыло.

— Тогда этот другой потерял точно такое же перо и научился сидеть на той же ветке.

Птица снова перелетела дорогу. Ещё через двадцать шагов повторились четыре знакомых крика. Ворон сидел впереди, и на левом крыле по-прежнему отсутствовало перо.

Каэл снял лук.

— Не стреляй, — немедленно сказал Эллиан.

Каэл даже не посмотрел на него, продолжая наблюдать за птицей.

— Почему?

— Потому что это может быть одно и то же существо, существующее сразу в нескольких последовательных мгновениях.

— Это мешает стреле попасть?

— Я не знаю.

— Тогда стоит проверить.

Эллиан остановился рядом и холодно посмотрел на друга.

— Мы не станем проводить магический опыт на существе, природу которого не понимаем.

Каэл наконец повернул к нему голову.

— Он действует мне на нервы.

— Ты тоже периодически действуешь мне на нервы. Я пока не пытался выстрелить в тебя.

— Потому что я быстро двигаюсь.

— Разумеется. Только поэтому.

Тарен тем временем осторожно приблизился к дереву. Ворон не улетел и продолжал наблюдать за ним с почти человеческим вниманием. Эльф поднял ладонь, не пытаясь коснуться птицы, а лишь позволяя ей самой решить, приблизиться или нет. Ворон подался вперёд, раскрыл клюв и голосом Каэла отчётливо произнёс:

— Пойдём за собой.

Трое друзей замерли. Фраза прозвучала совершенно точно: с той же интонацией, лёгкой хрипотцой и почти незаметным смешком в конце, с каким Каэл произнёс её у исчезнувшего входа.

Ворон снова раскрыл клюв.

— Пойдём за собой.

Каэл очень медленно опустил лук.

— Теперь я всё-таки хочу его подстрелить.

Эллиан продолжал смотреть на птицу, уже не пытаясь скрыть беспокойство.

— Теперь я понимаю тебя немного лучше.

Тарен протянул руку ещё ближе. Ворон почти коснулся его пальцев, но внезапно распался на вихрь чёрных перьев. Они поднялись над дорогой, закружились вокруг ветвей и исчезли прежде, чем достигли земли.

У ног Тарена осталось только одно перо. То самое, которого не хватало в крыле.

Эльф поднял его и провёл большим пальцем по холодному стержню. Перо было совершенно настоящим, тяжёлым и чуть влажным.

Каэл подошёл ближе, заглянул через его плечо и спросил:

— Оно что-нибудь говорит?

— Нет.

— Уже лучше.

Тарен спрятал перо в карман плаща. Эллиан проследил за его движением.

— Зачем ты его взял?

— Хочу понять, появится ли ворон снова с целым крылом.

Каэл посмотрел на него с неожиданным одобрением.

— Наконец разумный исследовательский подход.

— Ты минуту назад предлагал стрелять.

Каэл повёл плечом, будто различие между этими методами не казалось ему существенным.

— Это тоже исследовательский подход. Просто быстрее.

Следы друзей оборвались сразу за следующим поворотом. Не возле каменного участка, не у ручья и не там, где пыль становилась тоньше. Три цепочки отпечатков исчезли посреди ровной полосы земли, словно их будущие двойники одновременно поднялись в воздух или просто перестали существовать. Дальше поверхность оставалась нетронутой.

Зато на обочине появились две колеи.

Каэл заметил их первым. Борозды пересекали край дороги и уходили вперёд, сопровождаемые отпечатками нескольких лошадей и сапог. Один человек слегка волочил левую ногу. Другой шёл возле повозки и регулярно наступал на край колеи, будто придерживал груз или помогал толкать колесо.

— Караван, — сказал Каэл и опустилсь возле ближайшего отпечатка.

Эллиан подошёл к нему и увидел, как в углублении медленно оседает пыль. В одном следе сапога сохранилась небольшая капля воды. Она дрожала от их шагов, но не впитывалась в сухую землю.

— Свежий? — спросил Тарен.

Каэл коснулся пальцами края отпечатка, после чего растёр пыль между подушечками.

— Слишком свежий. Будто они прошли несколько минут назад.

— Но вошли на дорогу раньше нас, — заметил Тарен.

— Если здесь вообще существует привычное «раньше», — добавил Эллиан.

Каэл поднялся и посмотрел вперёд. В его лице снова появилась решимость, отодвинувшая тревогу.

— Мне достаточно того, что они здесь. Остальное обсудим, когда найдём Аэрина.

Он ускорил шаг. Эллиан и Тарен обменялись короткими взглядами, но останавливать его не стали. Оба понимали, что любые рассуждения о времени, вероятностях и свойствах дороги сейчас будут для Каэла лишь помехой. Брат оставил след. След вёл вперёд. До тех пор, пока направление существовало, Каэл собирался двигаться по нему.

Некоторое время колеи шли по центру дороги, затем разделились. Левая продолжила тянуться прямо, а правая свернула к обочине, пересекла ствол растущего там дерева и снова появилась на другой стороне. Кора не была повреждена, корни оставались целыми, а на земле не виднелось никаких признаков того, что тяжёлая повозка объехала препятствие.

Каэл остановился перед стволом и несколько мгновений смотрел на него.

— Повозка не могла проехать сквозь дерево.

Эллиан тоже осмотрел колею, затем поднял глаза на друга.

— Благодарю за пояснение. Я уже начал сомневаться в устройстве повозок.

Каэл обернулся через плечо.

— Ты два года ждал возможности снова меня раздражать?

— Нет. Возможность появилась почти сразу после встречи.

Тарен подошёл к дереву и положил ладонь на гладкую кору. Под его пальцами поверхность ствола сделалась полупрозрачной, будто древесина превратилась в дымчатое стекло. Внутри проявился тёмный след колеса, пересекавший годичные кольца насквозь. Через несколько секунд видение исчезло.

Тарен убрал руку и задумчиво сказал:

— Дорога помнит оба положения. То, в котором дерево здесь росло, и то, в котором его не было.

Каэл не выглядел особенно впечатлённым.

— Следы продолжаютсЯ?

— Да.

— Тогда идём.

Эллиан ещё раз оглянулся на дерево.

— Ты удивительно быстро принимаешь невозможное.

Каэл двинулся дальше, перешагивая через корень.

— Я вырос рядом с вами двумя.

— Справедливо, — признал Тарен.

Вскоре они нашли первый оставленный человеком знак. На краю каменной плиты виднелась неглубокая царапина: три короткие линии и одна длинная, указывавшая вперёд. Каэл сразу опустился возле неё. В его лице что-то изменилось — тревога не исчезла, но стала более собранной, получила конкретное направление.

— Аэрин, — тихо произнёс он.

Эллиан остановился рядом.

— Это его личный знак?

— Семейный. Три коротких надреза означают, что дорога опасна, но проходима. Длинная линия показывает направление. — Каэл провёл пальцем возле царапин, стараясь не повредить их. — Значит, здесь он ещё мог двигаться самостоятельно. И понимал, что кто-то способен пойти следом.

Он поднялся. В голосе впервые после появления раненого коня прозвучала настоящая уверенность.

— Он жив.

Эллиан по привычке хотел уточнить, что Аэрин был жив лишь в момент, когда оставлял знак. Слова уже почти сорвались с языка, но Каэл посмотрел на него так, словно заранее знал, что именно услышит.

— Иногда ты можешь просто согласиться, — попросил он. Насмешливость на мгновение исчезла, и под ней проступило слишком явное беспокойство.

Эллиан задержал взгляд на его лице, затем спокойно кивнул.

— Он жив.

Каэл слабо улыбнулся.

— Спасибо.

— Это не было предсказанием.

— Я решил не портить момент.

Они продолжили путь. Следующие полчаса могли с равной вероятностью оказаться несколькими минутами или несколькими часами. Свет над дорогой то бледнел до поздних сумерек, то снова становился почти дневным, хотя положение солнца за переплетёнными ветвями не менялось. Несколько раз Эллиан слышал собственные шаги впереди, точно кто-то повторял его движения за поворотом. Однажды из леса донёсся громкий смех Каэла — молодой, беззаботный и почти детский, каким Эллиан помнил его до отъезда. Настоящий Каэл услышал этот звук тоже: его плечи на мгновение напряглись, но он не остановился и ничего не сказал.

Тарен начал оставлять на камнях маленькие фиолетовые огни. Они возникали после прикосновения его пальцев, дрожали подобно светлякам и держались значительно дольше мелового знака. Однако при каждом взгляде назад их количество менялось. Сначала Эллиан насчитал три, через несколько минут — пять, а после следующего поворота остался только один.

Тарен наблюдал за этим молча, словно ещё не решил, стоит ли сообщать друзьям собственные выводы.

За очередным поворотом дорога расширилась, образовав небольшую круглую площадку. В её центре стоял высокий путевой камень, покрытый трещинами и сложенный из серого материала, напоминавшего кладку старого моста Риверфолла. На вершине сохранился почти стёртый знак полумесяца. Камень выглядел древним, но на нём не росли ни мох, ни лишайник, словно время избегало касаться его поверхности.

На обращённой к друзьям стороне была высечена надпись:

РИВЕРФОЛЛ — ТРИ МИЛИ

Каэл медленно обошёл камень, читая слова на обратной стороне. Затем остановился и долго молчал.

— Что там? — спросил Тарен.

Каэл отступил, позволяя друзьям увидеть надпись:

РИВЕРФОЛЛ — СОРОК ТРИ ГОДА

Несколько мгновений никто не произносил ни слова. Свет вокруг площадки казался особенно неподвижным, а лес словно ожидал их реакции.

Каэл первым нарушил тишину:

— Не думаю, что это обычная дорожная мера.

Тарен склонил голову, изучая глубину букв.

— Возможно, раньше мили были значительно длиннее.

Каэл перевёл на него взгляд.

— Благодарю. Мне сразу стало легче.

Эллиан уже обходил камень, удерживая жезл в нескольких дюймах от поверхности. Из наконечника посыпалась тонкая серебряная пыль, но она отозвалась только на слове «года». Остальная надпись не проявляла признаков активной магии.

— Сам камень старый, — сказал Эллиан, присев возле основания. — Значительно старше этой дороги в её нынешнем состоянии. Надпись с милями тоже появилась раньше.

Каэл подошёл ближе.

— Откуда ты знаешь?

— Края букв сильнее истёрты. На обратной стороне резьба глубже и острее. Её добавили позднее.

Тарен тем временем осторожно коснулся символа полумесяца. По камню пробежала тонкая серебристая линия, и пространство вокруг изменилось. Лес исчез. Вместо него открылся широкий заросший склон под ясным небом. По дороге двигались шесть повозок, запряжённых низкими крепкими лошадьми, а сопровождавшие их люди носили длинные плащи старинного покроя. Колёса имели другую конструкцию, камни лежали иначе, а вдалеке не было видно ни стен, ни башен Риверфолла.

Видение продержалось всего несколько секунд и погасло.

Тарен отёрнул руку.

— Что ты увидел? — спросил Каэл, внимательно наблюдая за ним.

— Эту дорогу до леса. Или одно из состояний, в котором леса здесь ещё не было.

— До того, как она исчезла?

Тарен неуверенно пожал плечом.

— Возможно.

Эллиан очистил от пыли нижнюю часть камня. Между двумя трещинами обнаружили остатки ещё одной строки. Большинство букв стёрлось, но несколько слов всё ещё можно было разобрать:

...миля не принадлежит...

Эллиан выпрямился.

— Исчезнувшая миля.

Каэл нахмурился.

— Ты знаешь это название?

— В Астрарии упоминались дороги с нарушенной пространственной протяжённостью. Обычно это были небольшие участки, исключённые из привычного расстояния после повреждения Завесы. Их называли выпавшими, потерянными или исчезнувшими милями.

Каэл облокотился ладонью на лук.

— И что с ними делают?

— Закрывают.

— Это мы уже поняли. Как из них выходят?

Эллиан ещё раз осмотрел камень, хотя подозревал, что нужной подсказки на нём нет.

— В трактате не уточнялось.

Каэл прикрыл глаза, будто заранее ожидал худшего продолжения.

— Конечно. Почему автор решил опустить настолько несущественную деталь?

— Он погиб во время исследования.

Каэл медленно открыл глаза.

— Разумеется.

— Хочешь, чтобы я скрывал подобные подробности?

— Нет. Я хочу, чтобы хотя бы одна книга в твоей академии была написана человеком, умершим дома от глубокой старости.

Эллиан задумался, после чего совершенно серьёзно ответил:

— Такие книги обычно посвящены менее интересным темам.

Тарен, который всё это время смотрел за путевой камень, поднял руку, призывая их к тишине. Колёси каравана продолжались дальше, но теперь поверх них появились крупные отпечатки лап. Они возникали то справа, то слева от повозок, пересекали дорогу и исчезали возле деревьев. Каждый след был слишком велик для обычного волка, а его края мерцали серебристым светом, похожим на отражение луны на тёмной воде.

Каэл опустил ладонь к колчану.

— Сколько?

Вопрос предназначался Тарену, но первым ответил Эллиан:

— Не меньше трёх.

Каэл посмотрел на него.

— Ты их видишь?

— Нет. Однако следы повторяются с разным расстоянием. Либо здесь было три зверя, либо один, способный перемещаться между несколькими положениями.

Каэл наложил стрелу на тетиву.

— Я предпочитаю трёх обычных.

Тарен присел возле ближайшего отпечатка, не касаясь серебристого края.

— Они не выглядят обычными.

— Я стараюсь сохранять умеренный оптимизм.

Они отошли от путевого камня и продолжили путь, теперь почти не разговаривая. Дорога постепенно сужалась. Слева поднималась невысокая каменная стена, опутанная корнями, справа земля обрывалась в заросший овраг. Каэл держал лук наготове, Эллиан сосредоточился на серебряных линиях вероятностей, пытаясь уловить возможное движение за деревьями, а Тарен погасил оставленные огни, чтобы те не выдавали их положения.

Первое рычание донеслось из оврага.

Звук оказался настолько низким и глухим, что казалось, будто зверь находится не среди кустов, а глубоко под дорогой. Каэл мгновенно поднял лук и коротким движением указал друзьям ближе прижаться к каменной стене.

— Не расходиться, — тихо приказал он. В его голосе не осталось ни следа прежней насмешливости.

Тарен занял место у стены, оставив Каэлу пространство для выстрела. Эллиан встал рядом с ним и развернул защитный знак. Голубая линия растянулась перед ними прозрачной дугой.

Между деревьями на противоположной стороне дороги появились два серебряных глаза. Немного дальше вспыхнули ещё два. Третий зверь вышел прямо из каменной стены.

Он не проломил её и не спрыгнул сверху. Сначала на серой поверхности появилась вытянутая тень, затем из камня показались передние лапы, длинная морда, плечи и всё массивное тело. Существо было размером с небольшого пони. Его шерсть казалась чёрной, но по краям распадалась на серебристый туман, а сквозь рёбра просвечивал холодный свет.

Каэл выстрелил.

Стрела ударила точно в грудь зверя — и прошла насквозь. Серебряная тень разошлась вокруг древка, словно дым, после чего сразу сомкнулась. Стрела звякнула о каменную стену и упала на дорогу.

Каэл проследил за ней взглядом.

— Это было предупреждение.

Зверь бросился на него.

За мгновение до прыжка его тело уплотнилось. Серебряный дым превратился в настоящую шерсть, когти заскрежетали по плитам, а удар тяжёлых лап заставил камни дрогнуть. Каэл отскочил в сторону и встретил волка луком, ударив его поперёк морды. Зверь рухнул, перекатился и ещё до того, как поднялся, снова стал полупрозрачным.

— Теперь он настоящий! — крикнул Эллиан, следя за изменением серебряных линий.

Каэл отступил на шаг и снова наложил стрелу.

— Я заметил!

Два других волка вышли из леса. Один начал спускаться в овраг, пока полностью не исчез среди кустов. Второй двинулся по дороге медленно и спокойно, словно ждал, пока люди сами совершат ошибку.

Каэл не отводил глаз от первого зверя.

— Тар, можешь их удержать?

— Попробую.

Тарен опустил ладонь к земле. Между плитами вспыхнул мягкий фиолетовый свет, и из трещин поднялись тонкие корни. Они быстро переплелись вокруг лап ближайшего волка, но прошли сквозь серебряную тень, не встретив сопротивления.

Зверь продолжал двигаться. Тарен выпрямился.

— Не могу.

Каэл коротко кивнул, будто услышал обычный отчёт разведчика.

— Ценю честность.

Первый волк снова прыгнул. Каэл выстрелил, однако стрела прошла сквозь него: зверь всё ещё оставался бесплотным. В следующее мгновение он оказался прямо перед следопытом, внезапно став тяжёлым и настоящим. Каэл успел поднять предплечье, защищённое кожаным наручем. Когти скользнули по нему, вспороли рукав и оставили три длинные царапины на коже.

Эллиан выпустил защитную волну. Голубой свет ударил волка в бок и отбросил к краю дороги. Существо покатилось по камням, но ещё до остановки снова превратилось в тень и поднялось так, словно не получило никакого вреда.

— Ты ранен? — выкрикнул Эллиан, бросив взгляд на руку Каэла.

— Потом!

— Это не ответ.

Каэл едва успел уклониться от очередного броска.

— Значит, сейчас подходящий момент для твоей магии!

Второй волк исчез.

Эллиан увидел сразу четыре возможных продолжения. Зверь мог появиться справа от Каэла, за спиной Тарена, на стене над ними или посреди дороги. Все варианты казались одинаково вероятными, и ни один не успевал вытеснить остальные.

— Тарен, отойди от стены!

Тарен шагнул вперёд без вопросов. Волк вырвался из камня именно там, где мгновение назад находилось его плечо. Когти рассекли пустой воздух. Каэл выстрелил почти в упор, но зверь ещё не успел полностью обрести плоть, и стрела только закрутила серебряный туман вокруг его тела.

Третий волк поднялся из оврага за спиной Эллиана.

Он появился бесшумно. Эллиан почувствовал его присутствие лишь по резкому холоду, коснувшемуся шеи, но обернуться уже не успевал.

Каэл бросился через дорогу и врезался в него плечом.

Они оба упали. Когти волка прошли над головой Эллиана и зацепили плащ Каэла. Ткань с треском разошлась, но плотная кожаная защита под ней выдержала. Зверь приземлился возле оврага и развернулся.

Эллиан быстро поднялся.

— Ты мог просто предупредить!

Каэл перекатился на бок, уходя от когтей.

— Я был занят!

— Слово «сзади» короче этого прыжка!

— Обсудим после боя!

Тарен поднял обе руки. Воздух вокруг третьего волка наполнился фиолетовыми огнями. На мгновение каждый из них превратился в маленькую серебряную бабочку. Зверь дёрнул головой, отвлёкшись на движение, и Каэл успел отступить.

Но вместе с иллюзиями изменилась сама дорога.

Камни под ногами дрогнули. Стена слева отделилась, овраг справа подступил ближе, а поворот впереди исчез. За спинами друзей внезапно появился путевой камень, хотя они оставили его далеко позади.

— Тарен! — крикнул Эллиан, едва удержав равновесие.

Эльф резко развёл руки, пытаясь прекратить заклинание.

— Я не планировал этого!

Фиолетовые бабочки погасли. Дорога перестала двигаться, однако путевой камень остался стоять в нескольких шагах от них.

На обращённой к друзьям стороне теперь было высечено:

РИВЕРФОЛЛ — ДВЕ МИЛИ

Каэл поднялся и быстро оглядел новую надпись.

— Мы стали ближе.

Тарен тоже посмотрел на камень.

— Или потеряли год.

Каэл тяжело выдохнул.

— Мне значительно больше нравился первый вариант.

Волки окружили их с трёх сторон. Первый двигался по дороге. Второй стоял на каменной стене, глядя сверху. Третий медленно поднимался из оврага. Каэл прижал раненую руку к груди лишь на мгновение, проверяя, слушаются ли пальцы, затем снова поднял лук.

— Предложения?

Эллиан попытался увидеть ближайшие варианты. Серебряные линии вспыхнули перед глазами, но вместо отдельных будущих событий возникла запутанная сеть. Волки одновременно нападали и отступали, появлялись сразу в нескольких местах, стрелы попадали в цель и проходили сквозь туман. Чем сильнее Эллиан старался охватить всю картину, тем менее полезным становилось видение.

Он заставил себя перестать следить за тем, где окажется каждый зверь. Вместо этого сосредоточился на том, когда тот станет настоящим.

Каждый раз перед нападением волк выбирал одну цель. В этот момент множество возможных положений сходилось в одном, а бесплотная тень уплотнялась, потому что существу требовалось настоящее тело, чтобы причинить настоящий вред.

— Они становятся плотными, когда решают атаковать, — сказал Эллиан, не отрывая взгляда от линий.

Каэл чуть передвинулся, удерживая всех трёх волков в поле зрения.

— Я тоже это заметил.

— Не во время прыжка. Раньше. В тот момент, когда они выбирают цель.

— Насколько раньше?

Эллиан следил за ближайшим зверем.

— Примерно на один удар сердца.

Каэл натянул тетиву.

— Этого достаточно.

— Для тебя, возможно.

Каэл коротко взглянул на него, и в зелёных глазах мелькнула знакомая уверенность.

— Ты предупреди. Я попаду.

Тарен наблюдал за волками не менее внимательно, но смотрел не на их тела, а на серебряные глаза.

— Они чувствуют страх, — произнёс он. — Или намерение. Чем сильнее мы ждём нападения, тем легче им выбрать путь.

Каэл не сводил лука с ближайшего зверя.

— Предлагаешь не бояться?

— Предлагаю заставить их выбрать одну цель.

— Меня, — сразу сказал Каэл.

— Нет, — одновременно ответили Эллиан и Тарен.

Каэл бросил на них раздражённый взгляд.

— У меня доспех.

Эллиан указал на окровавленный рукав.

— У тебя уже повреждена рука.

— Именно поэтому я выгляжу более убедительной целью.

— Это делает тебя раненой целью.

— Волки не будут разбираться в терминологии.

Тарен шагнул к середине дороги.

— Они сильнее реагируют на мою магию.

Каэл свободной рукой схватил его за плечо и вернул назад.

— Даже не начинай.

Тарен спокойно снял его пальцы со своего плаща.

— Ты только что предложил себя.

— Я крепче.

— Это не аргумент.

— Для волка — вполне.

Эллиан посмотрел на путевой камень. Серебряный полумесяц на его вершине светился немного ярче, а вокруг основания лежали длинные тени, хотя сам камень не закрывал свет. В голове начала складываться другая возможность.

— Ни один из нас не будет приманкой, — сказал он. — Тарен, ты можешь создать образ человека?

— Обычную иллюзию — да, — ответил Тарен, не сводя глаз с волков. — Но они чувствуют эмоции. Пустой образ их не заинтересует.

— Тогда дай ему страх.

Тарен нахмурился и повернулся к Эллиану.

— Это сложнее.

— Ты способен ощущать чужие эмоции.

— Ощущать не значит создавать.

— Возьми мой.

Каэл резко посмотрел на него.

— Твой что?

Эллиан протянул Тарену руку.

— Страх. Используй его как основу.

Тарен не спешил касаться его. В янтарных глазах появилось сомнение.

— Эл, я не знаю, что это с тобой делает.

— Ничего приятного, — признал Эллиан. — Но это лучше, чем ждать, пока один из них выберет настоящую цель.

Первый волк начал опускать голову. Серебряный туман возле лап сгустился.

Времени на дальнейший спор не оставалось. Тарен сжал запястье Эллиана.

Прикосновение оказалось ледяным. На мгновение Эллиан почувствовал, как собственная тревога перестаёт быть скрытым ощущением и превращается почти в физическую силу: холод в груди, напряжение в пальцах, страх не успеть, выбрать неверную возможность, увидеть пустую дорогу там, где только что находились друзья. Тарен резко вдохнул, принимая эту эмоцию и придавая ей форму.

Между путевым камнем и оврагом появился второй Эллиан.

Иллюзия была почти совершенной. Тот же дорожный плащ, светлое лицо, жезл в поднятой руке. Только глаза двойника были широко раскрыты, плечи напряжены, а дыхание сбилось от паники.

Все три волка одновременно повернули головы.

Каэл быстро оглядел иллюзию и, несмотря на опасность, усмехнулся.

— Приятно видеть, каким спокойным ты выглядишь со стороны.

Эллиан продолжал следить за линиями вероятности.

— Это не лучший момент.

— Напротив. Очень познавательно.

Иллюзорный Эллиан отступил к путевому камню. Первый волк выбрал его. Эллиан увидел, как серебряные линии вокруг зверя сходятся в одну, как темнеет тень под лапами и становится настоящей шерсть.

— Сейчас!

Каэл выстрелил. Стрела вошла волку под переднюю лапу. Зверь дёрнулся, но не успел раствориться: фиолетовые нити Тарена обвилились вокруг древка и удержали тело в выбранной форме. Каэл выпустил вторую стрелу, не дожидаясь нового приказа. Она ударила в грудь.

Волк рассыпался серебряным дымом, но на этот раз туман не собрался обратно. Он закружился вокруг путевого камня и втянулся в его трещины.

Два оставшихся зверя бросились одновременно.

Один выбрал Каэла. Второй — настоящего Эллиана.

— Левый! — крикнул Эллиан.

Каэл развернулся к зверю, стоявшему на стене, и выстрелил ещё до прыжка. Стрела вошла в плечо в момент уплотнения, сбив волка с края. Тот рухнул на дорогу, а Тарен ударил ладонью по камням. Из трещин рванулись корни и обвили уже настоящее тело. Теперь они затянулись вокруг лап и шеи, не позволяя зверю снова стать тенью.

Третий волк оказался быстрее.

Эллиан поднял защиту. Прозрачный голубой щит развернулся перед ним, но удар пришёлся сбоку. Когти скользнули по свету, раскалывая поверхность тонкими трещинами. Эллиан отступил, удерживая барьер обеими руками, а зверь навалился на него всем весом. За серебряными глазами не было ярости.

Только голодное ожидание.

Щит начал ломаться. Каэл не мог выстрелить, не рискуя попасть в Эллиана. Он отбросил лук, выхватил короткий клинок и бросился к волку, но тот ещё оставался частично тенью. Лезвие прошло сквозь бок, не причинив ему вреда.

— Он не выбрал до конца! — крикнул Эллиан. По защитному полю пробежала ещё одна трещина.

Каэл обошёл зверя сбоку.

— Что это значит?

— Он ждёт, когда защита рухнет!

Тарен продолжал удерживать второго волка корнями. Его лицо побледнело, фиолетовые линии на руках становились всё ярче.

— Заставь его решиться, — сказал он сквозь напряжение.

Эллиан бросил на него быстрый взгляд.

— Каким образом?

Каэл посмотрел на растрескавшийся щит, затем поднял клинок.

— Убери защиту.

Эллиан повернул голову настолько, насколько позволял давящий на барьер зверь.

— Это худшая идея из всех, что ты предложил сегодня.

— Доверься мне.

Один коготь прошёл сквозь свет и задел плечо Эллиана. Боль оказалась неглубокой, но резкой. Каэл стоял сбоку от зверя с поднятым клинком. В его лице не было сомнения — только полная сосредоточенность на движениях волка и на Эллиане.

— Эл.

Эллиан развеял щит. Волк немедленно обрёл плоть.

Каэл ударил. Клинок вошёл под нижнюю челюсть, но зверь успел развернуться. Его плечо врезалось в Каэла и отбросило к краю оврага. Эллиан отступил, освобождая пространство, поднял жезл и снова увидел множество исходов.

На этот раз он не пытался охватить их все. Он выбрал один. Тот, в котором Каэл успевал подняться.

Серебряная линия вспыхнула перед глазами. Эллиан поймал её и выпустил короткий магический импульс. Волк шагнул вперёд, но его лапа попала в узкую трещину между плитами. Зверь потерял равновесие.

Каэл поднялся на одно колено и вонзил клинок глубже. Серебряное тело рассыпалось вокруг него холодным туманом.

Последний волк рванул удерживавшие его корни. Несколько лопнули. Тарен пошатнулся, но не отпустил заклинание.

— Каэл! — позвал он.

Каэл уже поднимал лук. В колчане оставалась последняя готовая стрела.

— Эллиан?

Волк дёрнулся, пытаясь снова стать тенью. Эллиан увидел мгновение, когда должно было произойти превращение.

— Ещё нет, — произнёс он, удерживая выбранную вероятность.

Серебряный свет начал размывать края зверя.

— Ещё нет.

Тарен сжал ладони. Корни покрылись фиолетовым сиянием, но волк почти исчез.

— Сейчас!

Каэл выстрелил.

Стрела прошла через серебряный дым и на мгновение пропала. Затем зверь снова обрёл тело прямо вокруг неё. Наконечник оказался в груди.

Волк застыл. Свет в его глазах погас, а тело распалось на тысячи серебряных частиц. Они поднялись над дорогой, закружились среди ветвей и исчезли.

Корни Тарена упали на плиты обычными сухими лозами.

На дороге воцарилась тишина. Несколько мгновений никто из друзей не двигался. Каэл всё ещё держал лук поднятым, Тарен стоял, опираясь ладонью о стену, а Эллиан медленно опускал жезл, убеждаясь, что новые линии нападения больше не возникают.

Наконец Каэл тяжело выдохнул и посмотрел на первую стрелу, лежавшую у стены.

— Всё ещё считаю, что тот выстрел был предупреждением.

Эллиан прислонился плечом к путевому камню.

— Кому?

— Мне. О том, что обычные стрелы не работают.

Тарен устало сел прямо на край дороги и поднял на него взгляд.

— Очень полезное предупреждение.

Каэл убрал лук.

— Я быстро учусь.

— Ты после этого выстрелил ещё дважды, — напомнил Эллиан.

Каэл совершенно серьёзно ответил:

— Проверял вывод.

Эллиан не выдержал и рассмеялся. Сначала тихо, почти беззвучно, затем громче, чем собирался. Напряжение, державшее его с момента появления первого волка, отступило слишком резко. Каэл улыбнулся, услышав знакомый смех. На мгновение дорога, теневые волки и прошедшие два года отступили, и всё снова стало почти таким же, как в их детских вылазках за город.

— Наконец, — сказал он.

Эллиан сразу посерьёзnel.

— Что?

Каэл уже улыбался.

— Два года не слышал.

Эллиан выпрямился и поправил повреждённый плащ.

— Не придавай этому значения.

— Уже придал.

Тарен поднялся с земли и подошёл к Каэлу.

— Покажи руку.

Каэл посмотрел на разорванный рукав.

— Там царапины.

Тарен протянул ладонь.

— Именно поэтому покажи.

Рукав был разорван от локтя до запястья. Три длинные раны на предплечье кровоточили, но выглядели неглубокими. На спине плащ тоже оказался рассечён, однако когти не пробili кожаную защиту.

Эллиан осмотрел собственное плечо. На мантии осталась длинная прореха, а на коже — тонкая красная линия.

Каэл сразу заметил это.

— Ты ранен.

— Царапина.

Каэл приподнял бровь.

— Ты только что возмутился, когда я ответил то же самое.

— Моя формулировка точнее.

— Разумеется.

Тарен достал из сумки свёрток с чистыми бинтами и небольшой пузырёк настоя. Каэл увидел лекарство и подозрительно нахмурился.

— Иара заставляет тебя носить это постоянно?

— Она знает моих друзей.

Каэл протянул руку, но продолжал рассматривать пузырёк.

— Очень разумная женщина.

— Она положила двойной запас после того, как ты попытался перепрыгнуть ручей и сломал мост.

— Мост уже был плохим.

Тарен начал промывать раны.

— Ты на нём приземлился.

— Именно поэтому он и сломался.

Настой коснулся повреждённой кожи, и Каэл поморщился, пытаясь отдернуть руку. Тарен крепче удержал его за запястье.

— Не двигайся.

— Печёт.

— Значит, работает.

— Это не доказательство.

Эллиан приблизился, рассматривая цвет настоя.

— Перед тобой два мага. При необходимости мы составим подробное теоретическое обоснование.

Каэл посмотрел на них обоих с выражением человека, окружённого заговорщиками.

— Иногда я сучал по вам значительно меньше, чем мне казалось.

Тарен перевязал его предплечье, затем обработал царапину Эллиана. Она действительно оказалась поверхностной, но это не помешало Каэлу внимательно наблюдать за каждым движением и несколько раз спросить, не повреждено ли плечо глубже.

Когда с ранами было закончено, друзья осмотрели дорогу. От волков не осталось ни тел, ни крови, ни шерсти. На камнях лежали только три стрелы Каэла. Две были целы, третья почернела и покрылась тонким слоем инея.

Возле путевого камня сохранилось серебристое пятно. Эллиан коснулся его жезлом, и на поверхности на мгновение появились тонкие линии, напоминавшие карту. Он уже собирался наклониться ближе, когда Каэл окликнул его.

У края оврага лежала ещё одна стрела.

Она не принадлежала Каэлу. Древко было тёмным, оперение — серо-зелёным, а возле наконечника виднелись три тонкие насечки.

Каэл поднял её обеими руками.

— Аэрин.

На древке засохло немного крови. Каэл сжал губы, но его голос оставался ровным.

— Она попала в одного из волков? — спросил Тарен.

— Похоже.

Каэл осмотрел землю возле оврага. Там, где третий зверь появился за спиной Эллиана, в пыли проступил отпечаток сапога. Затем второй. Цепочка вела вниз по склону.

— Раньше их не было, — сказал Эллиан.

Тарен посмотрел на место, где исчез волк.

— Возможно, существа скрывали следы.

Каэл начал спускаться по склону. Через несколько шагов он остановился возле куста и осторожно снял с ветки обрывок серой ткани.

— Плащ Аэрина.

Он спрятал ткань за пояс и продолжил изучать землю. Следы нескольких людей и лошадей поднимались обратно к дороге немного дальше. Караван двигался вперёд, отбиваясь от волков. Один человек постоянно оставался позади остальных, задерживаясь там, где отпечатки лап подходили ближе.

— Он прикрывал их, — произнёс Каэл. В его голосе одновременно прозвучали гордость и раздражение.

Эллиан посмотрел на следы, затем на него.

— Ты поступил бы точно так же.

— Именно поэтому я знаю, насколько это глупо.

Они вернулись на дорогу. Над путевым камнем снова сидел ворон. На этот раз оба его крыла были целыми.

Тарен достал из кармана найденное перо и поднял его так, чтобы птица могла увидеть. Ворон перевёл взгляд с пера на него, открыл клюв и голосом Аэрина произнёс:

— Не слушайте меня.

Каэл застыл. Птица повторила тем же спокойным, чуть хрипловатым голосом:

— Не слушайте меня.

После этого ворон взлетел и скрылся за поворотом. Несколько мгновений слышался шум крыльев. Затем тот же звук раздался позади.

Каэл сжал стрелу брата.

— Это был его голос.

— Да, — подтвердил Тарен.

— Значит, он проходил здесь.

Эллиан не хотел разрушать появившуюся уверенность, но промолчать не мог.

— Или дорога знает, как он говорит.

Каэл посмотрел вперёд. На камнях один за другим проступали новые следы Аэрина. Они уходили за поворот вместе с колеями каравана.

— В любом случае мы идём туда.

Он сделал первый шаг, но Эллиан удержал его за край плаща.

— Подожди.

Каэл обернулся.

— Что ещё?

Эллиан указал на путевой камень. Надпись снова изменилась. Теперь на стороне, обращённой к ним, было высечено:

РИВЕРФОЛЛ — ОДНА МИЛЯ

Каэл медленно обошёл камень и прочитал слова на обратной стороне. Он не произнёс их вслух, а просто отступил, позволяя друзьям увидеть:

РИВЕРФОЛЛ — СОРОК ЧЕТЫРЕ ГОДА

Эллиан почувствовал, как по спине проходит холод.

— Мы потеряли год? — спросил Каэл. Он говорил спокойно, но его пальцы сильнее сжались вокруг стрелы Аэрина.

— Не обязательно.

— Тогда почему число изменилось?

Эллиан попытался найти разумное объяснение, перебирая возможные значения надписи.

— Возможно, она измеряет не время, прошедшее снаружи. Это может быть расстояние до определённого события, возраст дороги или...

— Эл.

Эллиан замолчал. Каэл стоял напротив, внимательно глядя ему в лицо.

— Сколько времени прошло в Риверфолле?

Эллиан открыл рот и понял, что не знает ответа.

Тарен повернулся к дороге, по которой они пришли. За деревьями сгущались сумерки, хотя ещё несколько мгновений назад свет оставался почти дневным. Где-то впереди заскрипело колесо. Затем слышались тяжёлые шаги.

Из-за поворота донёсся голос Аэрина:

— Каэл!

Каэл мгновенно развернулся. Тот же голос прозвучал за их спинами:

— Каэл, не ходи сюда!

Друзья оказались между двумя одинаковыми дорогами. И обе вели на голос Аэрина.

Глава IV. Люди непройденных дорог

Каэл шагнул на голос, звавший его из-за поворота.

Эллиан схватил его за край плаща прежде, чем тот успел сделать второй шаг. Каэл резко остановился, ткань натянулась между ними, и на одно короткое мгновение Эллиану показалось, что друг всё равно рванётся вперёд, оставив у него в пальцах оторванную застёжку. Однако Каэл лишь обернулся. В его лице не было раздражения — только напряжённое, почти болезненное внимание человека, который слышал голос близкого там, где не должно было звучать ничего человеческого.

— Отпусти, — произнёс он негромко.

С противоположной стороны дороги снова донеслось предупреждение:

— Каэл, не ходи сюда!

Голос звучал настолько убедительно, что даже Эллиан почувствовал желание повернуться. В нём были узнаваемая сдержанность Аэрина, привычная лёгкая хрипотца и раздражение старшего брата, вынужденного объяснять очевидное человеку, который почти наверняка не слушается. Другой голос, впереди, позвал снова — теперь ближе:

— Каэл!

Каэл перевёл взгляд с одного поворота на другой. Его рука сжимала найденную стрелу Аэрина так крепко, что костяшки побелели.

— Один из них настоящий, — сказал он.

— Мы этого не знаем, — ответил Эллиан. Он не выпустил плащ, хотя немного ослабил хватку. — Дорога уже воспроизводила наши голоса. Ворон повторил твою фразу и предупреждение Аэрина. Любой из этих голосов может быть таким же отражением.

— А может быть, один из них действительно он.

— Может.

Каэл посмотрел на него с явным ожиданием продолжения.

Эллиан сдержал вздох.

— Именно поэтому нельзя выбирать наугад.

— Я не собирался выбирать наугад.

Тарен, стоявший у путевого камня, перевёл взгляд на следопыта.

— Ты собирался бежать на первый голос, который назвал тебя по имени.

— Это не первый голос. Это Аэрин.

— Это голос Аэрина, — мягко уточнил Тарен. — Пока мы знаем только это.

Каэл отвернулся к дороге. Его плечи оставались напряжёнными, но он больше не пытался идти вперёд. Эллиан наконец отпустил его плащ и отступил на полшага, убедившись, что Каэл больше не собирается бросаться на голос. По обе стороны от них тянулись одинаковые дороги: те же серые плиты, те же деревья, наклонённые над ними под одинаковым углом, те же неровные полосы голубоватого света между ветвями. Даже путевой камень, стоявший позади, отбрасывал две тени — каждая указывала в свою сторону.

Каэл поднёс два пальца к губам и издал короткий свист: две быстрые ноты, пауза, одна длинная. Звук был негромким, но чистым и далеко разошёлся по неподвижному лесу. Эллиан слышал этот сигнал в детстве. Ривены использовали его на охоте, когда не хотели кричать через заросли. Он означал: **назовись и укажи положение**.

Обе дороги ответили одновременно.

Спереди раздались две короткие ноты и длинная. Сзади — те же две короткие ноты и длинная, только чуть тише.

Каэл выругался себе под нос.

— Убедительная проверка, — заметил Эллиан, внимательно прислушиваясь к затихающему эху.

— Обычно она работает.

— Обычно дорога не подслушивает семейные сигналы.

Каэл повернулся к нему.

— Это не семейный сигнал. Им пользуется половина охотников марки.

— Тогда проверка была ещё менее надёжной, чем я предполагал.

— Я рад, что в Астрарии тебя научили быть полезным после совершённой ошибки.

Тарен поднял ладонь, останавливая начинавшуюся перепалку. Он закрыл глаза и несколько мгновений стоял неподвижно, вслушиваясь не в звуки, а в то, что оставалось под ними. Вокруг его пальцев возникли тонкие серебристо-фиолетовые нити, похожие на паутину, освещённую луной. Они потянулись в обе стороны, дрогнули и почти сразу распались.

— Там нет человека, который зовёт сейчас, — произнёс Тарен. Он открыл глаза и посмотрел сперва вперёд, затем назад. — В обоих голосах остались чувства, но они уже произошли.

Каэл нахмурился.

— Что это значит?

— Первый голос испуган. Он зовёт тебя, потому что ожидает помощи. Второй тоже испуган, но пытается остановить. Оба принадлежат Аэрину. Или принадлежали ему в разные мгновения.

— Значит, он был на обеих дорогах?

Тарен медленно покачал головой.

— Возможно, дорога сохранила два его решения.

Каэл провёл ладонью по лицу. На перевязанном предплечье проступило небольшое красное пятно: недавнее движение снова потревожило раны. Он этого не заметил или решил не придавать значения.

— Прекрасно, — сказал он, снова оглядывая одинаковые пути. — Мой брат одновременно просит меня прийти и не приходить. У тебя есть теория, которая сделает это ещё хуже, Эл?

Эллиан посмотрел на серебряную стрелу в руке друга, затем на расходящиеся следы. Колёи каравана действительно продолжались в обе стороны. Отпечатки колёс, лошадиных копыт и сапог совпадали настолько точно, будто дорогу разрезали посередине и приложили две одинаковые половины к их ногам.

— Есть, — признал он. — Но я могу некоторое время её не произносить.

— Благодарю.

— Примерно минуту.

Каэл закрыл глаза.

— Я слишком рано поблагодарил.

Эллиан опустился возле ближайшей колеи и провёл над ней жезлом. Бледный свет скользнул по углублению, выявляя остаточный магический след. Серебряные частицы поднялись из пыли, закружились над дорогой и разделились на два потока. Один потянулся к зовущему голосу, другой — к предупреждавшему. Эллиан повернул жезл, пытаясь определить, какой из следов старше, но оба мерцали с одинаковой силой.

— Дорога не просто показывает две возможности, — сказал он, сосредоточенно следя за светом. — Она удерживает их рядом. Для неё караван прошёл в обе стороны. Возможно, каждый раз, когда кто-то здесь принимал решение, путь сохранял и сделанный выбор, и тот, от которого отказались.

Каэл присел рядом.

— Можно короче?

— Обе дороги настоящие.

— Это не короче. Это хуже.

— Ты сам просил теорию.

— Я передумал ещё до того, как ты начал.

Тарен подошёл к ним и посмотрел на две серебряные линии. Его лицо оставалось спокойным, но Эллиан заметил, как взгляд друга на мгновение задержался на пустом воздухе над левой дорогой.

Там появилась бабочка.

Она возникла без света и движения, словно всегда сидела на невидимой ветке, а Тарен лишь сейчас сумел её заметить. Серебряные крылья медленно раскрылись. По ним проходил тонкий узор, напоминавший лунные дорожки на воде. Бабочка повернулась к Тарену, затем взлетела и направилась к дороге, откуда прозвучало предупреждение.

Тарен ничего не сказал.

Он лишь проследил за ней взглядом, пока серебряное сияние не исчезло за поворотом.

— Что ты видишь? — спросил Эллиан.

Тарен перевёл глаза на него слишком быстро.

— Следы.

Ответ прозвучал спокойно, но Эллиан знал его достаточно давно, чтобы услышать короткую паузу перед словом.

— Какие именно?

— Те, которые Аэрин оставил намеренно.

Тарен подошёл к путевому камню и присел у его основания. На первый взгляд камни вокруг ничем не отличались от остальных, однако между двумя плитами застряла тонкая веточка орешника. Она была сломана почти у самой почки и направлена острым концом к дороге с предупреждающим голосом. Рядом лежали три мелких камня, сложенные в неровный треугольник.

Каэл опустился возле него. Напряжение в лице сменилось сосредоточенностью.

— Это его знак, — сказал он и осторожно коснулся одного камня. — Не семейный. Аэрин использует его, когда считает, что за ним могут идти по ложному следу. Ветка показывает направление, камни означают: «не доверяй тому, что услышишь».

Эллиан посмотрел в сторону зовущего голоса.

— Значит, Аэрин ожидал, что дорога станет подражать ему.

— Или уже слышал собственный голос, — ответил Каэл. Он поднялся и убрал стрелу брата за пояс. — Идём туда, где он предупреждает не идти.

Эллиан тоже выпрямился.

— Тебя не смущает противоречие?

— Смущает. Но если Аэрин действительно оставил знак, он хотел, чтобы мы увидели его, а не просто подчинились голосу.

Тарен посмотрел на дорогу, по которой исчезла бабочка.

— Я согласен.

Каэл бросил на него внимательный взгляд.

— Ты уверен?

— Нет.

— Прекрасно. Значит, мы снова принимаем решение на основе общей неуверенности.

— Это почти командная работа, — заметил Эллиан.

Каэл коротко усмехнулся и первым направился к предупреждающему голосу.

Как только они прошли мимо путевого камня, вторая дорога исчезла. Не погасла и не скрылась за поворотом — просто перестала существовать. Там, где ещё мгновение назад тянулись плиты, поднялась сплошная стена деревьев. Между стволами лежал глубокий сумрак, а корни переплетались так плотно, что через них не смогло бы пройти даже небольшое животное.

Каэл обернулся на исчезнувший путь.

— Надеюсь, это означает, что мы выбрали правильно.

— Или что дорога приняла выбор, — ответил Тарен.

— Есть разница?

— Обычно есть.

— Я начинаю понимать, почему Эллиан жаловался на твои ответы в письмах.

Эллиан посмотрел на Каэла.

— Я не жаловался.

— Ты трижды написал: «Тарен снова выразился крайне неоднозначно».

— Это наблюдение.

— На четырёх страницах.

— Я стремился привести необходимый контекст.

Тарен шёл впереди них, скрывая лёгкую улыбку.

— Я сохранил эти письма.

Эллиан замедлил шаг.

— Зачем?

— Они очень неоднозначные.

Каэл рассмеялся — коротко, но по-настоящему. Звук быстро затих среди деревьев, и дорога снова стала безмолвной.

Вскоре голос Аэрина прозвучал впереди ещё раз, однако теперь он не обращался к Каэлу.

— Держите левую сторону! Не останавливайтесь!

За приказом последовал треск дерева, чей-то крик и тяжёлый удар. Звуки казались близкими — за следующим поворотом, не дальше нескольких десятков шагов. Каэл ускорился, но уже не бежал без оглядки. Он внимательно смотрел под ноги, отмечал следы на обочине и то и дело поднимал руку, заставляя друзей замедляться у подозрительных мест.

— Аэрин командует караванщиками, — произнёс он. В его голосе появилась уверенность, которой не было у развилки. — Они двигались этим путём.

Эллиан прислушался. Через несколько мгновений тот же приказ прозвучал снова — слово в слово, с теми же паузами и треском в конце.

— Это повторение, — сказал он. — Отрезок прошлого.

— Я понял.

— Я лишь уточняю.

— Ты всегда лишь уточняешь.

— Обычно после этого выясняется, что уточнение было необходимо.

Каэл собирался ответить, но впереди раздался новый голос. Женщина кричала, что колесо застряло. Мужчина отвечал, что лошади больше не слушаются. Затем Аэрин приказал всем оставить груз и идти вперёд.

Шум оборвался посреди слова.

Дорога под ногами изменилась. Старые плиты уступили место утрамбованной земле, испещрённой свежими следами. Здесь прошли по меньшей мере две повозки, несколько лошадей и больше десятка людей. Колеи то углублялись, то исчезали, а один и тот же отпечаток сапога повторялся через каждые семь шагов, словно человек несколько раз наступал в точно то же место.

Каэл опустил руку возле следов и провёл ладонью над землёй.

— Караван двигался быстро. Одна повозка повреждена. Люди шли по обе стороны и помогали толкать. Здесь кто-то упал, — он указал на смазанное углубление и отпечаток ладони, — но поднялся самостоятельно.

Тарен приблизился к краю дороги. На низкой ветке висела полоска синей ткани. Она выглядела новой, однако стоило ему снять её, как цвет выцвел, а края покрылись старой пылью.

— Время здесь не согласно само с собой, — сказал он.

— Я тоже с ним не согласен, — отозвался Каэл, поднимаясь. — Но оно пока не спрашивало моего мнения.

Дальше лес постепенно редел. Между деревьями появились просветы, заполненные бледным золотистым сиянием, напоминавшим поздний вечер. Однако над самой дорогой сохранялся холодный серый день. Два света лежали рядом, не смешиваясь: золотой окрашивал одну сторону стволов, серый — другую. Тени вытягивались в противоположных направлениях.

Эллиан старался не смотреть в просветы слишком долго. В одном из них он увидел Риверфолл — не такой, каким оставил его два года назад, а изменившийся. Над городской стеной поднималась новая башня, пятиарочный мост был украшен серебряными фонарями, а по дороге шёл он сам, старше лет на десять, в тёмной мантии Астрария. Рядом не было ни Каэла, ни Тарена.

Видение исчезло прежде, чем он успел рассмотреть подробности.

Эллиан продолжил идти.

— Что там было? — негромко спросил Тарен, поравнявшись с ним.

— Один из вариантов города.

— Хороший?

Эллиан задумался.

— Ухоженный.

Тарен посмотрел на него, понимая невысказанное различие, но не стал расспрашивать. Вместо этого он немного замедлился, чтобы идти рядом.

Каэл обернулся.

— Вы отстали.

— На три шага, — ответил Эллиан.

— Здесь три шага могут оказаться сорока тремя годами.

— Ты начинаешь усваивать теорию.

— Я всегда быстро учился.

— Кроме тех случаев, когда обучение требовало чтения.

Каэл направил на него палец.

— Именно поэтому у меня есть ты.

— Это довольно сомнительный способ распределения обязанностей, — заметил Эллиан.

— Но работающий.

Эллиан покачал головой, однако не смог полностью скрыть улыбку. После двух лет разлуки их старые роли вернулись удивительно быстро: Каэл находил дорогу, Эллиан читал инструкции, Тарен объяснял, почему сама дорога не обязана с ними соглашаться.

Тарен посмотрел на обоих.

— В таком случае постарайся не потерять единственного человека, который читает за тебя инструкции.

Каэл усмехнулся.

— Я стараюсь. Он всё время идёт туда, где опасно.

— Ты ведёшь нас, — напомнил Эллиан.

— Не меняй тему.

За следующим поворотом лес закончился.

Перед ними лежала широкая низина, окружённая полукругом деревьев. В центре стояли три повозки. Первая была целой, аккуратно накрытой полотном и запряжённой двумя спокойными лошадьми. Вторая лежала на боку, охваченная огнём. Третья почти полностью заросла мхом, её колёса ушли в землю, а сквозь прогнившие доски проросло молодое дерево.

Все три занимали одно место.

Изображения накладывались друг на друга, то становясь прозрачными, то обретая плотность. На мгновение Эллиан видел только целую повозку; затем сквозь её борт проступало пламя, а ещё через секунду огонь превращался в длинные зелёные ветви. Запряжённые лошади спокойно перебирали ногами, пока внутри их тел мерцали обугленные кости и спутанные корни.

Вокруг двигались люди.

Их было больше, чем могло находиться в небольшом караване.

Полупрозрачная женщина в дорожном платье стояла возле целой повозки и смеялась, обнимая мальчика лет десяти. В нескольких шагах от неё та же женщина лежала на земле, прижав руки к окровавленному животу. Ещё одна её версия, заметно старше, сидела перед маленькой лавкой, которой не существовало в низине, и пересчитывала мотки ткани.

Мужчина в кожаном фартуке одновременно разгружал ящики, убегал в лес и стоял перед могильным камнем с собственным именем.

Возле перевёрнутой повозки молодой охранник снова и снова отбивал удар невидимого противника. Его меч сталкивался с пустотой, тело дёргалось от раны, фигура падала и через мгновение возникала в нескольких шагах, начиная всё сначала.

Ни один из призраков не обращал внимания на троих друзей.

Каэл остановился на краю низины. Лицо его стало неподвижным.

— Где настоящие?

Тарен медленно оглядывал множество фигур. Их эмоции накатывали на него слоями: радость возвращения, страх смерти, скука долгой мирной жизни, сожаление, облегчение и бесконечная усталость. Он прижал пальцы к виску.

— Не знаю. Здесь слишком много одного и того же человека.

Эллиан поднял жезл. При обычном магическом зрении фигуры должны были проявиться как иллюзии, призраки или остаточные чары. Вместо этого каждая отбрасывала собственный след в Ткани. Они не были полноценными живыми людьми, но и пустыми изображениями их назвать было нельзя. Дорога взяла возможность, которая никогда не осуществилась, и на короткое время придала ей форму.

— Это непрожитые исходы, — произнёс Эллиан. — Дорога вытягивает варианты их жизни и удерживает рядом.

Каэл посмотрел на женщину, которая одновременно смеялась с сыном и умирала возле горящей повозки.

— Они чувствуют происходящее?

— Не думаю. Скорее повторяют отдельные моменты.

— Ты не думаешь или знаешь?

Эллиан выдержал его взгляд.

— Не знаю.

Каэл кивнул. На этот раз он принял ответ без раздражения.

Они спустились в низину, стараясь не касаться полупрозрачных фигур. Это оказалось сложнее, чем казалось издали. Некоторые отражения пересекали одно и то же пространство, внезапно меняли направление или появлялись прямо перед ними. Один старый караванщик прошёл сквозь Каэла, и следопыт резко отшатнулся. На мгновение его лицо изменилось: волосы поседели, плечи опустились, а в руках появилась резная деревянная трость. Затем чужая старость соскользнула с него серебряной пылью.

Эллиан схватил друга за локоть.

— Ты в порядке?

Каэл посмотрел на собственные руки, проверяя, не осталось ли на них морщин.

— Кажется.

— Что ты почувствовал?

— Боль в колене, недовольство погодой и непреодолимое желание рассказывать молодёжи, что раньше дороги были лучше.

Тарен, несмотря на напряжение, тихо рассмеялся.

— Значит, старость прошла бесследно.

Каэл посмотрел на него.

— Я рад, что вам весело.

— Ты сам начал описывать симптомы, — заметил Эллиан и отпустил его локоть, убедившись, что чужое отражение больше не влияет на друга.

— Не проходите сквозь них, — добавил он. — Даже краткое соприкосновение может передать часть чужого варианта.

— Очень своевременное предупреждение, — отозвался Каэл. — Особенно после проверки.

Они продвигались между отражениями, разыскивая хоть что-то устойчивое: настоящий след, предмет, который не менялся при каждом взгляде, или человека, способного увидеть их. Тарен время от времени останавливался и называл имена, найденные на дорожных сумках и ящиках. Большинство фигур не реагировало. Женщина у лавки однажды повернула голову, но посмотрела сквозь него и продолжила пересчитывать ткань.

Возле третьей повозки Эллиан услышал кашель.

Не повторяющийся, не совпадающий с движением призрачных фигур. Сначала один слабый звук, затем тяжёлый вдох и новый кашель, оборванный стоном.

— Там кто-то есть, — сказал он.

Каэл уже обходил повозку. В одной вероятности она стояла целой, в другой горела, в третьей давно сгнила. Пространство под кузовом постоянно менялось: то становилось пустым, то заполнялось пламенем, то оказывалось переплетено корнями.

Кашель повторился.

— Эй! — позвал Каэл, присаживаясь возле колеса. — Ты меня слышишь?

Из-под повозки донёсся неразборчивый ответ.

Каэл попытался просунуть руку под кузов, но пальцы прошли сквозь целые доски и наткнулись на горячий металл другой версии. Он резко отдернул ладонь. На коже осталась красная полоса.

— Он между ними, — сказал Эллиан, опускаясь рядом. — Настоящий человек оказался зажат между несколькими состояниями повозки.

— Как его вытащить?

Эллиан посмотрел на три накладывающиеся версии. Целая повозка была наиболее плотной, но именно её кузов перекрывал доступ. В горячей версии передняя ось сломалась, оставляя узкий проход снизу. В заросшей корни удерживали корпус выше земли.

— Нужно заставить дорогу удержать один вариант достаточно долго.

Каэл повернулся к нему.

— Какой?

— Тот, в котором он ещё жив и доступен.

— Очень конкретно.

— Я работаю над подробностями.

Тарен присел с другой стороны и положил ладонь на землю. Фиолетовый свет разошёлся от пальцев, проникая под все три повозки. Он закрыл глаза, вслушиваясь в эмоции скрытого человека.

— Он боится, — сказал Тарен. — Но слышит нас. И знает своё имя.

— Это хорошее начало, — произнёс Эллиан. — Спроси его.

Тарен наклонился ближе к земле.

— Как тебя зовут?

Ответ пришёл не сразу. Мужчина несколько раз попытался вдохнуть, затем хрипло произнёс:

— Дейр... Дейр Мосс.

Имя повторили сразу несколько призрачных голосов. Один Дейр кричал его стражнику у городских ворот. Другой представлялся женщине на ярмарке. Третий шептал его лекарю, лёжа на кровати. Четвёртый произносил собственное имя у виселицы.

Тарен открыл глаза.

— Дейр Мосс, слушай меня. Не смотри на другие дороги. Ты находишься под повозкой. Мы рядом.

— Какая... повозка? — выдохнул мужчина.

Каэл и Эллиан переглянулись.

— Та, под которой ты сейчас лежишь, — ответил Каэл. Он говорил громко и уверенно, словно обычной силой голоса мог придать реальности устойчивость. — Я Каэл Ривен. Аэрин Ривен — мой брат. Где он?

Из-под кузова донёсся болезненный смешок.

— Ривен... Конечно. Такой же... спокойный.

Каэл наклонился ниже.

— Значит, видел его.

— Слишком много раз.

Ответ заставил его замереть.

Эллиан положил ладонь на плечо Каэла, не давая ему немедленно продолжить расспросы.

— Сначала вытащим Дейра.

Каэл резко выдохнул, но кивнул.

Эллиан сосредоточился на повозке. Серебряные линии вероятности были настолько запутаны, что напоминали клубок тонкой проволоки. Он перестал пытаться увидеть каждую возможность целиком и искал только одну подробность: пространство между землёй и осью, достаточное, чтобы Каэл мог добраться до человека.

В одной версии повозка обрушивалась.

В другой огонь перекидывался на одежду Дейра.

В третьей корни поднимали кузов, но мужчина исчезал вместе с непрожитой дорогой.

Наконец Эллиан увидел краткий исход, в котором переднее колесо целой повозки попало в углубление, кузов наклонялся, а зазор увеличивался на несколько ладоней. Возможность была слабой и быстро рассыпалась.

— Мне понадобится, чтобы ты поднял ось, — сказал он Каэлу.

Каэл посмотрел на тяжёлую повозку.

— Насколько?

— Примерно на ширину плеч.

— Моих или твоих?

— Дейра.

— Очень полезное уточнение.

— Ты жаловался на недостаток конкретики.

Каэл передал лук Тарену, снял колчан и лёг на землю возле передней оси. Он нащупал руками участок дерева, который оставался плотным во всех трёх версиях, упёрся плечом в кузов и приготовился.

— Говори когда.

Эллиан поднял жезл. Тарен переместился ближе к повозке и продолжал говорить с Дейром, повторяя его имя, место и настоящее мгновение. Каждый раз, когда голос мужчины начинал удаляться или отвечать из другой жизни, Тарен возвращал его:

— Ты Дейр Мосс. Ты сопровождал караван в Риверфолл. Ты лежишь под повозкой. Каэл рядом. Эллиан удерживает дорогу. Слушай только нас.

Вокруг ладоней Тарена возникли серебристо-фиолетовые нити. Они протянулись под кузов и оплели невидимую фигуру, не связывая её, а словно очерчивая границы тела.

Эллиан нашёл нужную возможность.

— Сейчас.

Каэл напрягся. Дерево застонало, мышцы на его плечах и спине обозначились под разорванным плащом. Сначала повозка не сдвинулась. Затем выбранная вероятность совпала с усилием: колесо провалилось в небольшую яму, кузов качнулся и приподнялся.

Призрачные версии наложились друг на друга. Огонь вспыхнул ярче. Корни рванулись из земли. Эллиан удерживал жезл обеими руками, не позволяя возможности распасться.

— Держи! — крикнул он.

— Я и держу! — процедил Каэл сквозь зубы.

Тарен потянул нити на себя. Из-под повозки показалась рука — сначала прозрачная, затем покрытая копотью и кровью. Тарен схватил её за запястье, однако фигура снова начала исчезать.

— Дейр! — резко произнёс он. — Назови город, куда ты шёл.

— Риверфолл.

— Зачем?

— Доставить... груз.

— Кто вёл охрану?

— Аэрин Ривен.

Рука стала плотной.

Тарен потянул сильнее. Каэл, продолжая удерживать ось плечом, высвободил одну ладонь и ухватил Дейра за ремень. Мужчина закричал, когда повреждённую ногу протащило по земле, но через мгновение его тело полностью оказалось снаружи.

— Отпускай! — сказал Эллиан.

Каэл оттолкнулся от оси и перекатился в сторону. Повозка рухнула. Три версии столкнулись с грохотом, огнём, треском корней и облаком серебряной пыли. Затем осталась только одна — лежащая на боку, с разбитым колесом и тёмными следами старого пожара на борту.

Эллиан опустил жезл. Перед глазами плавали серебряные пятна, а виски пронзила тупая боль. Он сделал шаг назад и едва не потерял равновесие.

Каэл успел подхватить его под руку.

— Осторожно.

— Я в порядке, — сказал Эллиан, пережидая головокружение.

— Ты стоишь только потому, что я тебя держу.

— Именно поэтому я пока не спорю.

— Запомню этот способ.

Эллиан позволил ему поддерживать себя ещё несколько секунд, пока земля не перестала двигаться под ногами, а затем осторожно выпрямился.

Тарен тем временем опустился возле Дейра. Мужчина оказался лет тридцати пяти, крепкий, коротко стриженный, в потёртой кожаной куртке караванного охранника. Лицо было покрыто копотью и мелкими порезами. Левая нога лежала под неправильным углом, но кость, по счастью, не прорвала кожу. На виске запеклась кровь.

Дейр открыл глаза. Зрачки сначала смотрели в разные стороны, затем сосредоточились на Тарене.

— Вы настоящие?

Тарен слегка склонил голову.

— Пока да.

Каэл, всё ещё поддерживавший Эллиана, посмотрел на него.

— Это худший возможный ответ.

— Он честный.

— Иногда честность требует более удачной формулировки.

Дейр неожиданно рассмеялся. Смех сразу перешёл в кашель, но в его взгляде появилось больше ясности.

— Значит, настоящие, — хрипло произнёс он. — Призраки редко спорят так убедительно.

Тарен осторожно осмотрел повреждённую ногу и достал из сумки остатки бинтов. Каэл помог Эллиану сесть на целый ящик, после чего опустился рядом с Дейром.

— Где Аэрин?

Вопрос прозвучал резко. Дейр вздрогнул и посмотрел на Каэла внимательнее. Сходство он, вероятно, заметил сразу: те же зелёные глаза, линия челюсти и привычка наклоняться вперёд, будто любое расстояние до ответа было слишком большим.

— Ты младший, — сказал охранник.

— Каэл.

— Он говорил о тебе.

На лице Каэла мелькнуло удивление.

— Что именно?

— Что ты полезешь следом, даже если он оставит знак не ходить.

Эллиан, сидевший рядом, тихо заметил:

— Поразительно точная оценка.

Каэл не обернулся.

— Эл.

— Я лишь подтверждаю надёжность свидетельства.

Дейр снова попытался улыбнуться, но боль заставила его стиснуть зубы. Тарен зафиксировал ногу двумя короткими досками, найденными возле повозки, и затянул повязку.

— Аэрин жив? — повторил Каэл, на этот раз медленнее.

Дейр закрыл глаза.

— Да.

Каэл выдохнул так, словно только сейчас позволил себе вдохнуть по-настоящему.

— Где?

— Впереди. Или позади. Иногда... — Дейр нахмурился и провёл грязной ладонью по лицу. — Я видел, как он погиб. Видел, как ушёл один. Видел, как вытащил нас всех. Видел его стариком. Но настоящий Аэрин был жив, когда дорога разделила нас.

— Что произошло? — спросил Эллиан. Головная боль немного отступила, и он снова мог сосредоточиться. — Начни до появления дороги.

Дейр долго молчал, собирая разбитые воспоминания. Вокруг продолжали двигаться непрожитые жизни караванщиков. Их голоса смешивались с шелестом деревьев, случайным смехом, предсмертными криками и разговорами, которые никогда не состоялись.

— Мы шли к Риверфоллу, — начал он. — Три повозки. Ткани, зерно, железные инструменты. И камень в ящике. Нашли после обвала возле старого тракта. На нём были знаки, поэтому хозяин решил отвезти его вашему архивисту Торвису.

Эллиан кивнул.

— Моему отцу.

— Тогда понятно, почему Аэрин сказал, что за находкой приедут умные люди. — Дейр приоткрыл глаза и посмотрел на него. — Не обижайся, но он, кажется, имел в виду кого-то старше.

— Я постараюсь пережить разочарование.

— Не слушай его, — сказал Каэл. — Он считает старше любого, кто успел завести бороду.

— Ты до сих пор пытаешься вырастить свою? — пробормотал Дейр.

Каэл на мгновение растерялся, затем провёл ладонью по гладкой челюсти.

— Аэрин слишком много разговаривал в дороге.

Тарен закончил перевязку и сел рядом.

— Кто остановил караван?

Дейр снова посерьёзnel.

— Галлен Роуд. Бывший городской землемер. Я видел его раньше — он размечал новые участки южнее стены, проверял старые дороги, составлял карты для совета. Пришёл с четырьмя людьми. Показал бумагу с печатью, будто совет приказал передать находку ему.

— Печать была поддельной? — спросил Эллиан.

— Аэрин заметил. Не знаю как. В бумагах я ничего не понимаю.

Каэл слегка усмехнулся.

— Он считает слишком глубокую складку на документе основанием для подозрения.

— Печать стояла поверх складки, — продолжил Дейр. — А должна была треснуть вместе с воском. Аэрин попросил Галлена дожидаться городской стражи. Тот начал уговаривать. Потом кричать. Говорил, что камень принадлежит дороге и что никто в Риверфолле не поймёт, что у них в руках.

— Откуда он знал о находке? — спросил Тарен.

— Не знаю. Может, услышал в посёлке, где мы остановились. Может, следил от самого обвала.

Дейр посмотрел на призрачную женщину, которая продолжала обнимать несуществующего мальчика.

— Галлен говорил о сестре. Она пропала восемь лет назад. Ушла по старой лесной дороге и не вернулась. Он был уверен, что камень может найти путь туда, где она осталась жива.

Эллиан опёрся локтями о колени.

— Дорожный камень не выбирает желаемую реальность. Даже Астрарий не способен открыть полноценный проход в конкретное неосуществившееся будущее.

— Скажи это Галлену, — пробормотал Дейр. — Он вырезал что-то на земле. Нарисовал круг вокруг ящика. Один из его людей испугался и попытался уйти. Аэрин велел нам отвести повозки назад. Потом кто-то схватился за ящик.

— Камень раскололся? — спросил Тарен.

Дейр кивнул.

— Звук был как от колокола. Только будто ударили под землёй. Дорога появилась сразу. Не из леса — поверх обычной. На мгновение всё стало серебряным. Я видел Риверфолл впереди и одновременно за спиной. Видел себя дома. Видел, как никогда не нанимался в этот караван.

Он умолк. Неподалёку один из его прозрачных двойников сидел за столом в небольшой кухне. Женщина ставила перед ним миску, а двое детей спорили из-за последнего куса хлеба. Настоящий Дейр смотрел на них с таким выражением, что Эллиан понял: этих детей не существовало.

— Потом пришли волки, — продолжил охранник. — Аэрин собрал людей и повёл нас вперёд. Сказал, что дорога реагирует на попытки вернуться. Мы потеряли одну повозку. Потом другую. Люди начали слышать голоса. Кого-то звали родители, кого-то дети, кого-то они сами.

Каэл положил ладонь на стрелу брата за поясом.

— Почему Аэрин отделился?

— Не сразу. Он шёл последним, прикрывал нас. Когда появились эти... другие жизни, двое караванщиков последовали за ними. Аэрин вернул одного. Второй исчез. Затем дорога

замкнулась. Мы несколько раз проходили мимо одного указателя, но каждый раз с другой стороны.

— Нулевая верста, — тихо произнёс Эллиан.

Дейр повернулся к нему.

— Что?

— Центр старой дороги. Место, от которого она измеряет расстояние. Если путь свернулся вокруг собственного начала, там может находиться источник искажения.

— Галлен ушёл туда, — сказал Дейр. — С большим осколком камня. Он слышал голос сестры и больше ничего не замечал. Аэрин пошёл за ним. Сказал, что, пока камень у Галлена, дорога не отпустит остальных.

Каэл поднялся.

— Значит, идём к нулевой версте.

Дейр протянул руку и схватил его за край куртки.

— Подожди.

Каэл остановился.

Охранник смотрел на него снизу вверх. В его лице появился настоящий страх — не растерянность человека, пережившего слишком много противоречивых воспоминаний, а ясное понимание опасности.

— Дорога не позволит вам дойти вместе.

Тарен слегка нахмурился.

— Почему?

— Потому что вместе вы можете отличить настоящее. — Дейр перевёл взгляд с одного друга на другого. — Она разделяет людей. Показывает им путь, который они больше всего хотят выбрать, или тот, которого больше всего боятся. Пока человек идёт один, любая ложь кажется убедительной.

Каэл убрал его руку со своей одежды, но сделал это осторожно.

— Аэрин тоже один?

— Не совсем. — Дейр сглотнул. — Он снова и снова попадает в один и тот же бой. Я слышал его. Иногда видел. Каждый раз он пытается вывести караванщиков, и каждый раз дорога возвращает их в начало. Он не помнит всё, но становится слабее.

Каэл повернулся к дороге, уходившей за низину. Его лицо снова стало неподвижным.

Эллиан поднялся с ящика.

— Мы не оставим Дейра здесь.

— Я останусь, — возразил охранник. — С такой ногой только замедлю вас.

— Оставшись, ты снова попадёшь между вариантами, — сказал Тарен. — Повозка уже начала меняться.

Действительно, обгоревший борт становился прозрачным. Сквозь него проступала целая древесина, а под колёсами появлялся молодой мох.

Каэл оглядел низину. Возле одной из повозок лежала широкая доска. Он поднял её, проверил прочность и посмотрел на ремни, свисавшие с упряжи.

— Сделаем волокушу.

Дейр поморщился.

— Я сказал, что замедлю вас.

— Ты также сказал, что Аэрин говорил обо мне. Значит, должен понимать, насколько бесполезно спорить.

— В этом вы действительно похожи.

— Он хуже.

— Не уверен.

Эллиан подошёл помочь с ремнями.

— Разговор становится всё более достоверным.

Через несколько минут они соорудили простую волокушу из доски, двух поперечных жердей и кожаных ремней. Каэл проверил каждый узел дважды, после чего Тарен и Эллиан помогли Дейру лечь. Охранник стиснул зубы, когда повреждённую ногу пришлось поднять, но не издал ни звука.

— Я понесу первым, — сказал Каэл, продевая ремень через плечо.

— У тебя повреждена рука, — напомнил Эллиан.

— Ноги целы.

— Эти части тела участвуют в переносе груза не полностью независимо.

Каэл посмотрел на него.

— Ты собираешься объяснить мне ходьбу?

— При необходимости.

— Он способен, — предупредил Тарен. — И будет делать это долго.

Каэл затянул ремень.

— Тогда пойдём быстрее.

Они двинулись через низину. Призрачные жизни продолжали окружать их, однако теперь некоторые фигуры начали замечать путников. Женщина у лавки прервала пересчёт ткани и посмотрела прямо на Дейра. Молодой охранник, бесконечно сражавшийся с невидимым врагом, опустил меч. Старик возле могильного камня повернул голову к Каэлу.

— Вы могли остаться, — произнесли они разными голосами.

Трое друзей не остановились.

— Здесь безопасно, — сказала женщина, обнимавшая сына.

— Здесь всё уже закончилось, — прошептал умирающий мужчина.

— Здесь никто не ждёт от вас невозможного, — произнёс старый Каэл, стоявший у края дороги с деревянной тростью.

Настоящий Каэл вздрогнул, но продолжил тянуть волокушу.

Эллиан шёл справа и следил, чтобы Дейр не соскользнул с доски. По левую сторону двигался другой Эллиан — старше, в дорогой мантии, украшенной серебряным знаком Астрария. Его волосы были убраны назад, на груди висела цепь архимага, а лицо выражало спокойную уверенность человека, давно нашедшего своё место.

— Тебе не обязательно идти дальше, — сказал двойник. — Ты уже вернулся. Этого достаточно.

Эллиан не посмотрел на него.

— Он говорит с тобой? — тихо спросил Каэл.

— Да.

— Хочешь, я его ударю?

Эллиан всё-таки повернул голову. Рука Каэла оставалась на ремне, лицо покрылось потом от тяжести, но взгляд был совершенно серьёзным.

— Это бесплотная возможность.

— Я уже сталкивался сегодня с бесплотными существами. Иногда они становятся достаточно настоящими.

— Исключительно убедительный научный подход.

— Значит, разрешаешь?

— Пока нет.

— Скажешь, если передумаешь.

Двойник Эллиана шёл рядом ещё несколько шагов, затем растворился. На его месте появилась пустая дорога.

Тарен двигался позади волокуши, стирая следы серебристо-фиолетовым светом, чтобы призрачные фигуры не последовали за ними. Он видел собственные отражения реже остальных.

ных. Они не обращались к нему и не предлагали иной жизни. Просто стояли между деревьями и наблюдали. В каждом Тарен был старше, спокойнее и один. На ладонях некоторых сидели серебряные бабочки.

Настоящая бабочка появилась впереди. Она парила низко над дорогой и вела их к выходу из низины.

Тарен снова промолчал.

Когда последняя повозка осталась позади, голоса непрожитых жизней слились в единый шёпот. Он следовал за ними ещё некоторое время, становясь всё тише, пока окончательно не растворился в шелесте листвы.

Дорога сузилась. Каэл тянул волокушу первым, Эллиан поддерживал её сбоку, Тарен шёл позади. Дейр время от времени терял сознание, но каждый раз просыпался, когда Тарен называл его имя. Вокруг снова сгущались сумерки, хотя свет над деревьями не менялся.

Впереди показался низкий каменный столб.

На нём не было надписей. Только круглая выемка в центре, из которой исходило слабое серебряное сияние. Дорога перед столбом разделялась на три узких пути.

Один уходил через солнечный Риверфолл.

Второй поднимался к башням Астрария.

Третий исчезал в серебряном лесу, где между деревьями мерцали бесчисленные огни.

Каэл остановился. Волокуша тихо скользнула по камням и замерла.

— Дейр, — сказал он, не сводя глаз с трёх дорог. — Это то место, о котором ты говорил? Охранник приподнял голову. Его лицо побледнело.

— Нет. Это начинается раньше.

— Что именно?

Дейр посмотрел на троих друзей.

— Она уже выбирает, как вас разделить.

Солнечный Риверфолл наполнился звуками. С дальней улицы донёсся голос Аэрина:

— Каэл, ты пришёл слишком поздно.

В башнях Астрария зазвонили серебряные колокола, и незнакомый наставник позвал Эллиана по имени.

В серебряном лесу раскрылись тысячи крыльев.

Тарен увидел бабочку, сидевшую в центре третьей дороги.

На этот раз она заговорила.

Не вслух — прямо внутри его сознания, голосом, который он слышал во снах с двенадцати лет:

Теперь выбери, кому ты доверишь больше — им или мне.

Три дороги одновременно шагнули навстречу путникам.

Глава V. Три дороги

Три дороги одновременно шагнули навстречу путникам.

Иного слова Эллиан подобрать не смог бы. Они не удлиннились, не расширились и не скрыли под собой прежний путь. Каждая приблизилась целиком, вместе с собственным небом, воздухом и далёкими звуками. Солнечные улицы Риверфолла наполнили лес запахом дыма, речной воды и свежееиспечённого хлеба. С башен Астрария потянуло прохладой туманного озера и сухой пылью старых книг. Из серебряного леса пришёл ночной ветер, хотя над настоящей дорогой всё ещё сохранялся тусклый серый день.

Каменный столб остался позади них, однако его тень вытянулась вперёд тремя длинными полосами. Каждая указывала на отдельный путь.

Каэл отступил на полшага и натянул ремень волокуши, не позволяя ей соскользнуть в сторону Риверфолла. Эллиан поднял жезл. Вокруг его пальцев вспыхнули тонкие голубые линии, но почти сразу разделились на три одинаковых заклинания, каждое из которых указывало в свою сторону. Тарен стоял неподвижно. Серебряная бабочка продолжала сидеть в глубине фейского леса, и голос, прозвучавший внутри его сознания, ещё не успел окончательно затихнуть.

Выбери, кому ты доверяешь больше — им или мне.

Тарен сжал посох так сильно, что металлические украшения на древке тихо звякнули.

— Не отвечай, — негромко произнёс Эллиан.

Тарен повернул голову. Эллиан смотрел на него, хотя не мог слышать слов, обращённых только к нему.

— Я ничего не сказал.

— Именно поэтому я предполагаю, что тебе задали вопрос.

Каэл коротко оглянулся на них. Его рука уже лежала на луке, а взгляд метался между знакомыми городскими воротами и друзьями.

— Вам тоже кто-то что-то предлагает?

— Пока только Астрарий, — отозвался Эллиан, не сводя глаз с трёх дорог. — Но, судя по настойчивости колоколов, предложение скоро станет официальным.

Со стороны академии снова донёсся звон. Он был мягким и чистым, совсем не похожим на тяжёлый подземный удар, разбудивший Исчезнувшую милю. Так в Астрарии созывали учеников на вечернее собрание. Эллиан знал точный порядок звуков: три коротких, один долгий, ещё два коротких. После последнего удара открывались двери Главной башни, а серебряные циферблаты на её стенах начинали показывать вероятности ближайшей ночи.

Колокола прозвучали совершенно правильно. Это пугало сильнее любой ошибки.

Дейр застонал на волокуше и попытался приподняться. Тарен сразу опустился возле него, придерживая за плечо.

— Не двигайся.

— Я и не собирался, — хрипло ответил охранник. Его взгляд блуждал между тремя мирами, каждый из которых казался достаточно настоящим, чтобы войти в него. — Хотел убедиться, что вы всё ещё здесь.

— Мы здесь, — сказал Тарен.

— Все трое?

Тарен посмотрел на Эллиана и Каэла.

— Пока да.

— Снова худший возможный ответ, — заметил Каэл. Он достал из снаряжения Дейра длинный кожаный ремень, обычно служивший для крепления груза, и перебросил один конец Эллиану. — Обвяжи вокруг пояса.

Эллиан поймал ремень, но выполнять распоряжение не торопился.

- Ты полагаешь, что обычная кожа удержит нас внутри вероятностного разделения?
- Нет. Я полагаю, что, если ты попробуешь уйти в одну из своих башен, я замечу.
- У дороги уже получалось перемещать предметы и следы.
- Тогда предложи что-нибудь лучше.

Эллиан посмотрел на ремень. Возможностей лучше у него действительно не было. Он обвязал кожу вокруг талии и передал конец Тарену. Тот закрепил его на своём поясе, после чего Каэл продел ремень через лямку волокуши и завязал последний узел на себе.

Теперь они оказались соединены неровной цепью: Каэл, Эллиан, Тарен и лежавший на доске Дейр.

Охранник осмотрел крепление и поднял бровь.

— Если дорога потянет вас в разные стороны, меня разорвёт первым.

Каэл замер.

— Об этом я не подумал.

— Я заметил.

— Можно пропустить ремень иначе, — предложил Эллиан, уже развязывая ближайший узел. — Дейра оставим в центре, но крепление распределим между волокушей и поперечными жердями. Тогда основная нагрузка придётся на них.

— Ты действительно анализируешь узлы посреди магической дороги? — спросил Каэл, однако тут же присел помогать.

— Ты предложил связать четырёх людей одним ремнём, не подумав, что один из них лежит со сломанной ногой.

— У меня было мало времени.

— Это объяснение, но не оправдание.

— Я вспоминал, как ты едва не упал после заклинания. И как Тарен чуть не остался в своём серебряном лесу. Мне не хочется проверять, кого дорога попытается утащить следующим.

Эллиан сильнее затянул узел.

— Тогда ремень действительно имеет смысл.

— Наконец-то ты признал, что мой план не безнадежен.

— Я признал только существование плана.

— Узел затяни сильнее, — добавил он уже деловым тоном. — Этот разойдётся.

— Не разойдётся.

— Разойдётся.

Тарен наклонился и одним движением потянул нужную петлю. Узел затянулся.

— Теперь не разойдётся.

Оба посмотрели на него.

— Благодарю, — сухо произнёс Эллиан.

— Я и сам собирался это сделать, — одновременно с ним сказал Каэл.

Дейр закрыл глаза.

— Удивительно, что дорога вообще решила вас разделять. Возможно, она просто хочет тишины.

Каэл издал короткий смешок, но тут же снова посерьёзней. Риверфолл впереди становился всё отчётливее. Теперь за воротами можно было разглядеть людей. По городской стене ходили дозорные, на мосту стояли повозки, а со стороны северо-восточной окраины поднимался дым домашних очагов. Возле ворот появился высокий мужчина с собранными в хвост тёмными волосами.

Аэрин.

Он был цел. На нём не было крови, плащ оставался невредимым, а лук висел за спиной. Старший Ривен поднял руку, увидев Каэла.

— Ты наконец пришёл, — позвал он.

Каэл сделал движение вперёд. Ремень натянулся и остановил его.

Эллиан почувствовал рывок на поясе.

— Это не он.

— Я знаю, — сказал Каэл слишком быстро.

Аэрин за воротами улыбнулся. Это была редкая, спокойная улыбка, которую Каэл видел только дома, когда старший брат позволял себе ненадолго перестать следить за дорогой и за всеми людьми вокруг.

— Всё закончилось, — сказал он. — Караванщики вернулись. Галлена взяла стража. Вам больше не нужно идти дальше.

Позади него появилась Мара. Она вытерла руки о кожаный фартук и сердито посмотрела на младшего сына.

— Каэл Ривен, если ты ещё раз исчезнешь в лесу в тот день, когда я жду Эллиана к ужину, будешь неделю спать в мастерской.

— Звучит убедительно, — тихо заметил Тарен.

Каэл не ответил. Он смотрел туда, где вслед за Марой появились Элвар и Элина. Отец лишь кивнул, как будто возвращение сына никогда не вызывало сомнений. Элина что-то крикнула, но её слова утонули в городском шуме. Потом возле ворот показался сам Каэл.

Он был старше.

Не намного — возможно, на десять или пятнадцать лет, что для полуэльфа почти не отражалось на лице. Волосы стали чуть длиннее, через подбородок проходил новый шрам, а на плече лежал плащ лесного дозора. Рядом стоял Аэрин, такой же спокойный и надёжный. Оба выглядели именно так, как Каэл когда-то представлял своё будущее: защитниками дорог, людьми, которых знали и уважали в каждом окрестном поселении.

Семья была рядом. Все были живы.

Только Эллиана и Тарена среди них не было.

Каэл медленно опустил руку с лука.

— Не смотри слишком долго, — предупредил Эллиан.

— Я не смотрю.

— Ты смотришь уже дольше, чем на большинство следов, которые сегодня изучал.

— Может, я пытаюсь понять, чего она хочет.

— Она хочет, чтобы ты пошёл туда.

— Это я понял.

Риверфолл приблизился ещё на один шаг. Каменная мостовая оказалась почти у носков сапог Каэла. Он видел знакомые трещины между плитами, пятно старой краски на воротах и даже вырезанные Элиной буквы на нижней перекладине ограды. Она сделала это в двенадцать лет, а затем три месяца обвиняла в порче городского имущества Лорена.

Подделать такую деталь могла только сила, способная читать память.

Или сам Каэл.

— Что показывают вам? — спросил он, не отрывая взгляда от города.

— Академию, — ответил Эллиан.

Тарен помолчал.

— Лес.

— Очень подробное описание, — сказал Каэл.

— Ты спросил, что нам показывают, а не что там происходит.

Обычный уклончивый ответ должен был бы вызвать новую шутку, однако теперь Каэл повернулся к нему.

— Тар.

В одном коротком слове не было ни требования, ни раздражения. Только просьба не уходить туда, куда остальные не смогут последовать.

Тарен встретил его взгляд.

Серебряная бабочка в лесу раскрыла крылья.

— Пока ничего, чему стоит верить, — сказал он.

Ремень между ними внезапно дёрнулся.

Не Каэл, не Эллиан и не Тарен потянули его. Сама дорога схватилась за кожаную полосу и рванула в три стороны. Дейр вскрикнул. Волокушу развернуло поперёк пути, одна жердь треснула, а Эллиан едва удержался на ногах.

— Ближе друг к другу! — крикнул Каэл.

Они попытались сойтись, но расстояние между ними стало увеличиваться, хотя каждый стоял на месте. Ремень растягивался невозможным образом. Два шага между Каэлом и Эллианом превратились в десять, потом в двадцать. Тарен оказался по другую сторону каменного столба, отделённый от них серебряным туманом. Дейр исчез из виду, хотя его тяжесть по-прежнему ощущалась через ремень.

Каэл намотал кожу на предплечье и потянул.

— Эл!

Эллиан видел, как его губы произнесли имя, но голос пришёл со стороны Астрария.

Из ворот академии вышел высокий маг в тёмной мантии. Его лица Эллиан сначала не различил. Затем серебряный туман расступился, и он увидел самого себя.

Не восемнадцатилетнего ученика, только что вернувшегося домой, а зрелого волшебника. На тёмной мантии сияла серебряная эмблема Астрария, вокруг плеч проходили тонкие линии вероятностей, а в руке он держал жезл из лунного гранита. Будущий Эллиан выглядел старше примерно на полвека, однако полуэльфийская кровь почти не изменила мягкие черты его лица. Лишь взгляд стал увереннее и холоднее.

— Ты уже знаешь, чем заканчивается эта дорога, — сказал он.

Настоящий Эллиан поднял жезл.

— Нет. Я видел только отдельные исходы.

— Ты видел достаточно.

За спиной будущего Эллиана раскрывались башни академии. На их стенах вращались серебряные циферблаты, а над озером висели семь отражений луны. По галерее проходили ученики, почтительно склоняя головы перед молодым архимагом. Один из них передал ему свиток с золотой печатью. Другой попросил совета о повреждённой линии времени.

Эллиан видел просторный кабинет. Высокие окна выходили на туманное озеро, стены были заставлены книгами, а на столе лежала законченная работа о вероятностных путях. На обложке серебром значилось его имя.

Эллиан Торвис. Магистр Тонких Линий.

— Ты можешь понять эту дорогу, — произнёс будущий маг. — Не сегодня. Но однажды. Вернись в Астрарий. Продолжи обучение. Здесь тебе дадут знания, необходимые, чтобы больше никогда не идти вслепую.

Эллиан почувствовал, как ремень на талии ослаб.

Он повернул голову. Каэл и Тарен исчезли за туманом.

— Где они?

— Дома.

— Покажи.

Будущий Эллиан слегка улыбнулся.

Астрарий растаял, уступая место знакомой комнате дома Торвисов. Арден сидел в кресле у огня и читал письмо. Серелия стояла возле окна, Лорен рассказывал что-то с такой скоростью, что едва успевал дышать. Все выглядели спокойными. Счастливыми.

На столе лежали письма.

Несколько были написаны крупным неровным почерком Каэла. Другие — аккуратной рукой Тарена. Верхнее письмо оказалось раскрыто.

У нас всё хорошо. Аэрин снова ушёл с караваном. Тарен говорит, что лес в этом году слишком тихий, но он всегда так говорит, когда не хочет признаться, что волнуется. Элина утверждает, что твоё последнее письмо состояло из одного приветствия и двенадцати страниц о зеркалах. Я объяснил ей, что это обычное состояние твоего разума.

Эллиан узнал бы почерк Каэла даже через сто лет.

— Они не нуждаются в тебе, чтобы жить, — сказал будущий маг. — А ты не обязан отказываться от своего дара ради того, чтобы каждый вечер сидеть с ними в одной таверне.

— Я и не собирался отказываться.

— Тогда чего ты боишься?

Вопрос прозвучал спокойно, почти доброжелательно. Именно поэтому Эллиан не смог ответить сразу.

Перед ним возникли другие годы. Каэл становился опытным следопытом, принимал место в лесном дозоре, сопровождал Аэрина и возвращался домой. Тарен помогал Вейлам, изучал святилище и всё чаще исчезал на тайных фейских тропах. Эллиан приезжал в Риверфолл раз в несколько лет. Они встречались, смеялись, вспоминали детство, а затем снова расходились.

Никто не погибал.

Никто не ссорился.

Никто не говорил о том, что расстояние между встречами каждый раз становилось немного длиннее.

Это было хорошее будущее.

Именно таким Эллиан назвал бы его, рассматривая чужую жизнь в одном из зеркал Астрария: безопасным, достойным, наполненным знаниями и полезными делами. Каждый нашёл своё место. Дружба сохранилась, не требуя от них жертв.

Только одна подробность нарушала совершенство картины.

Каэл в каждом видении смотрел на дорогу после отъезда Эллиана.

Не звал его. Не просил остаться. Просто стоял у ворот, пока экипаж не исчезал за поворотом.

Эллиан почувствовал боль в боку. Ремень снова натянулся, напоминая о настоящем мире. Где-то очень далеко Каэл звал его по имени.

— Это будущее возможно, — сказал будущий Эллиан. — Ты знаешь это.

— Да.

— И оно безопаснее того, что ждёт на дороге.

— Вероятно.

— Тогда выбери его.

Эллиан посмотрел на книги, башни, спокойную семью и письма друзей. Всё было устроено так, чтобы ни одна потеря не стала окончательной. Он мог любить их издали, возвращаться достаточно часто, чтобы не назвать себя покинувшим, и достаточно редко, чтобы никогда не узнать, что случилось бы, останься он рядом.

— Нет, — сказал Эллиан.

Будущий маг нахмурился.

— Почему?

— Потому что ты предлагаешь мне не безопасность.

— Разве?

— Ты предлагаешь расстояние, на котором потеря становится менее заметной.

Образ дрогнул. За окнами Астрария туман поднялся выше и закрыл озеро.

— Ты всё равно не можешь обещать им остаться навсегда.

— Я ничего не обещаю.

— Тогда твой выбор неразумен.

— Возможно.

Эллиан перехватил жезл обеими руками.

— Но он мой.

Он ударил концом жезла о каменную плиту.

Голубой свет разошёлся вокруг него, прочерчивая не вероятное будущее, а настоящее положение предметов. Заклинание не смогло разрушить Астрарий, зато на мгновение показало тонкую кожаную полосу, уходившую сквозь стены кабинета. Эллиан обмотал ремень вокруг ладони и потянул.

— Каэл!

Видение лопнуло.

Не рассыпалось серебром и не растворилось постепенно. Башни, кабинет и будущий Эллиан исчезли с резким хлопком, словно огромная книга захлопнулась у самого лица.

Эллиан оказался на узкой каменной дороге. Ремень врезался в ладонь, оставляя кровавую полосу. Впереди, за несколькими слоями тумана, кто-то тянул его в ответ.

Каэл вошёл в Риверфолл.

Он понимал, что не должен этого делать. Слышал голос Эллиана, предупреждения Дейра и собственное дыхание. Чувствовал ремень, натянутый вокруг пояса. Однако следующий миг стёр всё это с такой естественностью, будто странная дорога осталась далеко позади и вспоминалась лишь как тяжёлый сон.

Аэрин шёл рядом.

— Ты долго, — сказал старший брат.

— Я искал тебя.

— Нашёл.

— Ты был ранен.

Аэрин посмотрел на целый рукав и слегка приподнял бровь.

— Очевидно, не очень сильно.

Они миновали ворота. Стражники приветствовали братьев, не проявляя ни удивления, ни тревоги. На мостовой шумели повозки, торговцы открывали лавки, посыльные протискивались между людьми. Над крышами кружили птицы. Сарвен гремел у последних порогов, и его шум проникал между домами вместе с прохладным речным ветром.

Всё было именно таким, каким Каэл помнил город.

Только лучше.

Ни следов нападения, ни раненого коня, ни людей, ищущих пропавший караван. День возвращения Эллиана прошёл спокойно. Они встретили его у дороги, дошли до дома Торвисов, а вечером собрались у Ривенов. Мара приготовила ужин, Элина подшучивала над Каэлом, Лорен засыпал Эллиана вопросами об академии, а Тарен сидел у окна и время от времени добавлял к общему разговору одну фразу, после которой остальные несколько минут пытались понять, шутил он или нет.

Каэл видел всё это так ясно, будто действительно прожил вечер.

Потом прошло лето.

Эллиан помогал отцу в архиве и несколько раз сопровождал Каэла в лес. Сначала их движения не совпадали: Эллиан слишком долго выбирал заклинания, Каэл забывал предупредить перед тем, как броситься вперёд, а Тарен оказывался единственным, кто успевал следить сразу за обоими. Через несколько недель прежний ритм вернулся.

Каэл смеялся чаще, чем за последние два года.

Он начал верить, что возвращение действительно может означать возвращение.

Затем пришло письмо из Астрария.

Каэл увидел серебряную печать ещё до того, как Эллиан разломил её. Увидел, как изменилось его лицо при чтении: сначала удивление, потом сосредоточенность, затем тщательно сдерживаемая радость.

— Мне предлагают продолжить обучение, — сказал Эллиан.

Они стояли на городской стене. Внизу темнели крыши Риверфолла, за Сарвеном уходил на северо-запад дальний тракт.

— Я думал, ты закончил, — произнёс Каэл.

— Только первый этап.

— Ты говорил, что вернулся домой.

— Я и вернулся.

Ответ был спокойным и совершенно искренним. Именно это делало его таким трудным. Для Эллиана возвращение домой и новый отъезд не противоречили друг другу. Риверфолл оставался его городом, семьи — семьёй, а Каэл и Тарен — ближайшими друзьями. Просто теперь существовала ещё одна часть его жизни, которую он не мог оставить навсегда.

Каэл хотел спросить, надолго ли тот уедет. Хотел напомнить, что два года уже изменили слишком многое. Хотел сказать, что едва успел снова привыкнуть к их общим утрам, спорам о маршрутах и голосу Эллиана за соседним столом.

Вместо этого он спросил:

— Ты поедешь?

— Я ещё не решил.

Но он уже решил. Каэл видел это по тому, как Эллиан держал письмо, снова перечитывал отдельные строки и смотрел на северо-запад.

— Тебе нужно ехать, — сказал Каэл.

Эллиан внимательно посмотрел на него.

— Ты уверен?

— Конечно.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Видение изменилось.

Каэл стоял у северо-западных ворот. Академический экипаж ждал за мостом. Эллиан прощался с семьёй. Арден проверял ремни на сундуке, Серелия говорила что-то тихое, Лорен держался рядом с братом. Тарен обнял Эллиана и отступил.

Каэл остался последним.

— Я буду писать, — сказал Эллиан.

— Знаю.

— На этот раз чаще.

— Лучше короче. Иначе твоим письмам понадобится отдельная повозка.

Эллиан улыбнулся.

— Береги себя.

— Это моя фраза.

— Ты редко следуешь собственным советам.

— Потому и раздаю их другим.

Они крепко обнялись — как друзья, выросшие вместе и уже однажды пережившие долгую разлуку. Когда Эллиан отступил, Каэл хлопнул его по плечу и заставил себя улыбнуться.

— Возвращайся.

— Обязательно.

Экипаж тронулся.

Прошёл год.

Потом второй.

Письма приходили. Сначала каждую неделю, затем дважды в месяц, потом раз в несколько месяцев. Эллиан писал о занятиях, исследованиях, новых зеркалах и людях, которых Каэл никогда не встречал. Между строк постепенно появлялась другая жизнь — огромная, сложная, наполненная вещами, которых Каэл не понимал.

Когда Эллиан приезжал, они по-прежнему смеялись над старыми шутками. Он ходил с Каэлом в лес, спорил с ним о маршрутах и помогал Ардену в архиве. Однако теперь ему приходилось объяснять всё больше имён, событий и мест. Их общие воспоминания оставались прежними, а новые возникали всё реже.

Каэл говорил себе, что так и должно быть.

У каждого появляется собственная дорога.

Аэрин стал главой лесного дозора. Каэл работал рядом с ним, защищал караваны, возвращал пропавших путников и охотился на существ Старого Леса. Его уважали. Семья оставалась рядом. У него была важная и нужная жизнь.

Тарен однажды ушёл к древнему святилищу и вернулся через три месяца с серебряной прядью в тёмных волосах. После этого он стал чаще исчезать и реже отвечать на вопросы. Его письма приходили без посыльных, иногда лежали утром на подоконнике и рассказывали о дорогах, названий которых Каэл никогда не слышал.

Сначала Каэл пытался ждать обоих.

Потом привык не спрашивать, когда они вернутся.

Прошли годы.

Эллиан стал магистром Астрария. Тарен — хранителем тайн, о которых не мог рассказывать. Каэл занял место старшего дозорного Риверфолла. Каждый из них выбрал достойную жизнь.

Они не поссорились.

Не предали друг друга.

Не забыли детство.

Раз в несколько лет все трое встречались за одним столом. Эллиан рассказывал об исследованиях, Тарен — ровно столько, сколько позволяли его обещания, Каэл — о новых дорогах и людях, которых удалось спасти. Они смеялись, вспоминали прежние приключения и каждый раз обещали не откладывать следующую встречу так надолго.

Но общих воспоминаний становилось меньше, чем рассказов о времени, проведённом порознь.

Однажды Элина нашла Каэла в мастерской после того, как Эллиан и Тарен снова уехали.

— Ты мог бы попросить их остаться подольше, — сказала она.

— У них есть дела.

— У тебя тоже.

— Именно.

Она села рядом.

— Ты всегда первым говоришь им, что всё понимаешь.

— Потому что понимаю.

— Это не значит, что тебе не может быть тяжело.

Каэл не ответил.

Видение снова изменилось.

Он стоял на стене Риверфолла уже один. Волосы поседели у висков. На плече лежал плащ старшего дозорного, а за спиной возвышался город, который он защищал всю жизнь.

По дороге к мосту уходили два силуэта.

Один экипаж направлялся в Астрарий. В стороне от него серебряная тропа растворялась среди деревьев.

Каэл не мог вспомнить, в который раз провожал друзей.

Рядом появился другой Каэл — тот самый, которого он видел у ворот. Старше, со шрамом на подбородке и усталыми зелёными глазами.

— Всё сложилось хорошо, — сказал двойник. — Ты остался дома. Они нашли своё предназначение. Никому не пришлось выбирать между дружбой и собственной жизнью.

— Дружба тоже была частью нашей жизни.

— И осталась. Вы всё ещё встречаетесь.

— Когда получается.

— Разве этого недостаточно?

Каэл посмотрел на две расходящиеся дороги.

— Я не знаю.

— Тогда зачем сопротивляться? Здесь все живы. Все занимаются тем, что считают важным. Никто никого не удерживает.

Слова не были жестокими. В этом и заключалась их сила. Дорога показывала будущее, в котором никто не поступил неправильно. Их дружба не закончилась — просто постепенно превратилась в память о времени, когда они ежедневно шли рядом.

Ремень на поясе натянулся. Откуда-то пришёл голос Эллиана, но Каэл не разобрал слов.

С другой стороны отозвался Тарен.

Старший двойник протянул руку.

— Останься. Здесь всё понятно. Ты знаешь своё место.

Каэл посмотрел на Риверфолл. Внизу горели окна дома Ривенов. Мара спорила с Аэрином, Элина смеялась, Элвар сидел у огня. Дом ждал его.

Это была не ложь.

Но дорога снова пыталась убедить его, что любовь к дому требует заранее смириться с потерей всех остальных дорог.

— Где Тарен? — спросил Каэл.

— Он выбрал то, что ему предназначалось.

— Он сам мне это сказал?

Двойник промолчал.

— А Эллиан? Он решил, что хочет приезжать раз в несколько лет?

— У него важная работа.

— Я не об этом спросил.

Ответа не последовало.

Каэл почувствовал, как страх уступает место злости. Не на Эллиана, не на Тарена и не на себя. На дорогу, которая показывала возможное будущее так, словно оно уже стало единственным, и говорила за людей, которые имели право выбрать сами.

— Ты плохо их знаешь, — сказал он.

— Я — это ты.

— Нет. Ты — то, чего я боюсь.

Двойник опустил руку.

— Разве есть разница?

— Есть. Они могут уйти. Эллиан может выбрать Астрарий. Тарен может выбрать свой лес. Я могу остаться в Риверфолле. Но мы решим, что это значит для нас, вместе.

Каэл сорвал ремень с плеча и намотал на ладонь.

— Ты не будешь превращать возможное будущее в уже принятое решение.

Он потянул изо всех сил.

Риверфолл дрогнул. Стены пошли волнами, крыши вытянулись, а окна домов превратились в бесчисленные серебряные глаза. Две уходящие дороги остановились.

Из тумана донёсся голос Эллиана:

— Каэл!

Почти одновременно с другой стороны прозвучал голос Тарена:

— Не отпускай ремень!

На этот раз они звучали неправильно для видения — слишком близко, раздражённо и совершенно не похоже на спокойные голоса людей, навсегда выбравших отдельные пути.

Каэл усмехнулся.

— Вот теперь убедительно.

Он рванул ремень ещё раз.

Город раскололся от ворот до центральной площади.

Серебряный лес встретил Тарена тишиной.

Здесь не было ни ветра, ни голосов птиц, ни шелеста листьев. Высокие деревья поднимались вокруг, подобные колоннам древнего дворца. Их кора сияла изнутри, а вместо обычной листвы на ветвях росли тонкие пластины серебра, отражавшие тысячи разных ночей. Под ногами текла узкая река лунного света. В ней не отражалось лицо Тарена — только бесконечное небо, незнакомые звёзды и крылья бабочек.

Ремень всё ещё охватывал его пояс, но уходил в темноту и казался лёгким, почти невесомым.

Серебряная бабочка сидела на навершии его посоха.

Ты снова не ответил, произнёс голос.

Тарен посмотрел на неё.

— Я не знаю, кто спрашивает.

Ты знаешь.

— Я знаю, чей образ ты используешь.

Бабочка раскрыла крылья. Серебряный узор на них изменился, образовав полумесяц.

Разве этого недостаточно?

Тарен продолжил идти. Лес сам расступался перед ним, создавая дорогу, которой секунду назад не существовало. На полянах появлялись картины его прошлого. Он видел себя двенадцатилетним мальчиком, впервые проснувшимся после сна о бабочке. На подоконнике танцевали огоньки, растения тянулись к его рукам, а за окном сидел белый олень.

Потом появился Эллиан — ещё худой, неловкий, с книгой под мышкой. Тарен рассказывал ему о сне, тщательно подбирая слова. Эллиан не смеялся и не испугался. Он выслушал, задал несколько вопросов и пообещал сохранить тайну.

Каэла в воспоминании не было.

— Я хотел защитить его, — сказал Тарен.

Разумеется.

— Он начал бы беспокоиться.

И мешать тебе идти туда, куда ты должен.

— Возможно.

Следующая поляна показала их троих в четырнадцать лет.

Каэл и Эллиан спорили на берегу Сарвена. Каэл размахивал руками и доказывал, что самый короткий путь всегда является лучшим. Эллиан сохранял серьёзное лицо и перечислял обстоятельства, при которых короткий путь мог закончиться болотом, обрывом или необходимостью возвращаться назад.

Тарен сидел рядом и слушал.

Он уже тогда понимал, что спор не имеет отношения к дороге. Каэл злился из-за того, что Эллиан снова собирался провести несколько дней в магической башне. Эллиан раздражался, потому что Каэл высмеял занятие, которое было для него важным. Ни один не хотел признать, что просто боялся остаться без другого.

Тарен дождался паузы.

— Есть третий путь, — сказал он.

Оба одновременно повернулись к нему.

— Какой? — спросил Каэл.

— Ты проводишь Эллиана до башни. А после занятий мы втроём идём к реке.

Каэл нахмурился.

— Это не решение спора.

— Потому что вы спорили не о дороге.

Эллиан отвёл взгляд. Каэл пробормотал что-то о людях, которые делают слишком много выводов из обычного разговора.

Но на следующий день они поступили именно так.

Ты всегда понимал их лучше, чем они понимали себя, произнёс голос.

— Иногда.

Ты знал, когда Каэл сердится от страха. Когда Эллиан прячет тревогу за рассуждениями. Когда один из них собирается уйти только потому, что не хочет первым попросить другого остаться.

Тарен молчал.

Ты удерживал вашу дружбу. Останавливал ссоры прежде, чем они становились настоящими. Говорил нужные слова, когда они не могли найти собственные. Разве это не забота?

— Забота.

Тогда почему ты должен останавливаться сейчас?

Лес изменился.

Тарен увидел будущее, в котором трое друзей путешествовали вместе. Он предупреждал их об опасностях прежде, чем те успевали спросить. Смягчал страх Каэла, незаметно влияя на его чувства. Отводил внимание Эллиана от вероятностей, которые могли заставить его отказаться от дороги. Создавал иллюзии, чтобы скрывать следы собственной магии, и каждый раз говорил себе, что делает это ради них.

Они оставались живы.

Побеждали.

Возвращались домой.

Тарен видел, как легко можно было бы направлять их, зная, чего каждый боится и чего желает. Каэл доверял его ощущениям. Эллиан доверял его словам. Для этого не требовалось принуждения — только небольшие умолчания, осторожно подобранные фразы и решения, принятые прежде, чем друзья узнают, что выбор вообще существовал.

Ты можешь сохранить их, сказал голос. Они нужны тебе. Ты нужен им. Но они слишком упрямы, чтобы всегда выбирать правильно.

— Поэтому я должен выбирать за них?

Не всегда. Лишь когда они не понимают опасности.

Тарен остановился.

Перед ним возникли Каэл и Эллиан. Немного старше, уставшие после долгого путешествия, но живые. Каэл положил руку на плечо Тарена.

— Ты снова нас вытащил, — сказал он.

Эллиан улыбнулся.

— Я начинаю подозревать, что ты заранее знаешь значительно больше, чем сообщаешь.

Видение продолжилось.

Прошли годы. Каэл перестал спрашивать, куда ведёт дорога, потому что доверял Тарену. Эллиан перестал проверять его догадки, потому что они всегда оказывались верны. Любой спор заканчивался одной спокойной фразой Тарена. Любая опасность обходила их стороной.

Их дружба стала идеальной.

Неподвижной.

Затем однажды Эллиан нашёл спрятанное воспоминание.

Тарен не видел, что именно скрывал. Лес показывал лишь последствия. Эллиан стоял напротив него с бледным лицом. Каэл был рядом, но впервые не заслонял Тарена от опасности и не пытался понять его.

— Сколько раз? — спросил Эллиан.

— Я пытался вас защитить.

— Сколько раз ты менял наш выбор?

— Я не менял. Только направлял.

Каэл покачал головой.

— Это не твой выбор, Тар.

— Вы бы погибли.

— Тогда нужно было сказать.

— Вы бы не послушали.

— Значит, следовало позволить нам решить.

В их голосах не было ненависти. Только утрата доверия, настолько глубокая, что Тарен предпочёл бы гнев.

Картина исчезла.

Серебряная бабочка перелетела с посоха на его плечо.

Этого можно избежать.

— Как?

Не позволяй им узнать.

Тарен закрыл глаза.

Он почувствовал далёкое натяжение ремня. Каэл и Эллиан всё ещё находились где-то рядом. Возможно, всего в нескольких шагах. Возможно, уже в иных жизнях.

— Это не защита, — сказал он.

Ты уже скрываешь от них правду.

Слова попали точно в то место, которого он старался не касаться.

Каэл не знал о серебряной бабочке. Не знал о снах, начавшихся шесть лет назад, о странных знаках и о том, что Тарен видел её с момента входа на Исчезнувшую милю. Эллиан знал о первых снах, но не обо всём, что последовало позднее. Тарен каждый раз находил разумное объяснение молчанию. Каэл стал бы беспокоиться. Эллиан начал бы искать ответы. Родители попытались бы вернуть Тарена под защиту дома. Дорога требовала быстрых решений.

Каждое объяснение было правдой.

И ни одно — полной.

Они не смогут понять.

— Возможно.

Каэл увидит в тебе угрозу. Эллиан захочет исследовать связь. Они будут смотреть на тебя и спрашивать, осталось ли хоть что-то твоим.

Тарен открыл глаза.

Бабочка стала крупнее. Крылья закрывали половину леса, и в серебряном узоре проступало женское лицо — прекрасное, изменчивое и слишком древнее, чтобы принадлежать смертному существу.

Я могу дать ответы.

— За какую цену?

Лицо улыбнулось.

Ты уже знаешь.

— Тогда назови её.

Лес замолчал.

Тарен почувствовал почти незаметную перемену. Не разочарование и не гнев — скорее любопытство существа, которому задали неожиданный вопрос.

Выбери меня.

— Я не заключаю договор, условия которого мне не называют.

Я не предлагала договор.

— Тогда ты не имеешь права требовать выбора.

Серебряные ветви наклонились к нему.

Ты думаешь, что знаешь мои законы?

— Нет.

Тарен поднял руку. Бабочка на плече не улетела.

— Но я знаю их.

Он дёрнул ремень.

Сначала ничего не произошло.

Тогда Тарен сделал то, чего дорога от него не ожидала.

Он перестал скрывать.

— Каэл! — крикнул он в серебряный лес. Голос разошёлся между деревьями, и каждая серебряная пластина повторила имя. — Эллиан! Я вижу бабочку!

Лес содрогнулся.

Лицо в крыльях исчезло.

— Я видел её с самого входа на дорогу! Она показывала путь. Сейчас она говорит со мной.

Ремень резко натянулся. Где-то впереди Каэл закричал его имя.

Тарен продолжил, хотя каждое слово словно разрывало тонкие нити, которыми лес оплетал его мысли:

— Я не знаю, Лирантэль ли это. Не знаю, помогает она или дорога использует её образ. Я не сказал вам, потому что боялся, что Каэл начнёт беспокоиться, а Эллиан попытается всё объяснить.

Издалека донёсся возмущённый голос Каэла:

— Я не всегда начинаю беспокоиться!

Даже серебряный лес на мгновение будто замер.

Тарен не удержался от короткого смеха.

— Ты кричишь это через три разорванные вероятности.

— Это не доказательство!

— Позднее обсудим методику, — раздался голос Эллиана. Он звучал сдавленно, словно пробивался через толстую стену. — Рен, продолжай говорить.

Личное обращение, тихое и знакомое, оказалось сильнее голоса леса.

Тарен намотал ремень на запястье.

— Она предложила выбрать между ней и вами.

— И что ты ответил? — спросил Каэл.

— Что не доверяю тому, кто требует выбора, скрывая цену.

— Хороший ответ.

— Поразительно прямой, — добавил Эллиан.

— Я умею говорить прямо.

— Сохраним это утверждение для последующего обсуждения.

Серебряные деревья начали двигаться. Их корни вырывались из земли, перекрывая путь к голосам друзей. Тарен ударил посохом о землю. Из реки лунного света поднялись фиолетовые нити и обвилились вокруг ближайших стволов.

— Теперь тяните!

Ремень рванулся сразу с двух сторон.

Тарен потянул в ответ. Кожа врезалась в запястье. Серебряный лес сопротивлялся: деревья вытягивались, дорога удлинялась, бабочки облепили лицо и руки. Каждая показывала отдельное будущее, в котором он мог сохранить друзей, если продолжит молчать.

Он закрыл глаза и шёл на голоса.

— Каэл!

— Здесь!

— Эллиан!

— Иду к вам!

— Дейр?

После короткой паузы раздался слабый ответ:

— Всё ещё привязан к доске. Начинаю сомневаться, что это худшая часть дня.

Тарен шагнул сквозь стену серебряных крыльев.

Лес исчез.

Эллиан первым увидел чужую руку, протянувшуюся из тумана.

Он схватил её, не проверяя, настоящая ли она. Пальцы оказались тёплыми, запястье — тонким и покрытым следами от ремня. Тарен вышел к нему, пошатнулся и почти сразу оглянулся в поисках Каэла.

— Он там.

Кожаная полоса уходила в сторону Риверфолла, который теперь представлял собой беспорядочное нагромождение стен, крыш и ворот. Изнутри доносился треск дерева и громкая ругань.

— По крайней мере, жив, — сказал Тарен.

— Этот вывод обычно можно сделать по громкости, — согласился Эллиан.

Они вдвоём потянули ремень.

Сначала из разрушенного города показалась рука Каэла. Потом плечо, тёмные волосы и крайне недовольное лицо. Он выбрался наружу, таща за собой кусок городской ограды, который ещё несколько мгновений оставался зажат вокруг его ноги. Ограда рассыпалась серебряной пылью.

Каэл поднялся и сразу схватил обоих за плечи, словно проверяя плотность.

— Настоящие?

— Насколько возможно установить в данных условиях, — ответил Эллиан.

— Да или нет?

— Да, — сказал Тарен.

Каэл посмотрел на него. Некоторое время никто не говорил. Тарен ожидал вопроса о бабочке, упрёка или хотя бы сердитого замечания о шестилетнем молчании.

Каэл лишь крепче сжал его плечо.

— Потом поговорим.

Тарен кивнул.

— Да.

— Подробно.

— Вероятно.

— Это значит «нет», — сообщил Каэл Эллиану.

— Я знаком с особенностями перевода с таренского.

— Я стою рядом, — напомнил Тарен.

— Именно поэтому обсуждение особенно эффективно.

Ремень снова дёрнулся. Все трое одновременно вспомнили о Дейре.

Они бросились к волокуше. Она лежала возле каменного столба, перевёрнутая набок. Дейр оставался привязан, однако одна из жердей сломалась, а повязка на ноге сбилась. Сам охранник выглядел бледнее прежнего, но сохранял сознание.

— Рад, что вы закончили выбирать судьбу, — произнёс он сквозь стиснутые зубы. — У моей ноги тоже были предложения, но мы решили остаться вместе.

Каэл опустился возле него.

— Прости.

— Поздно. Я уже составил крайне неблагоприятное мнение о твоём плане с ремнём.

Эллиан поправил повязку, стараясь не тревожить повреждённую ногу.

— План всё-таки удержал нас вместе.

— Если под «вместе» понимать три разных мира, соединённых через мою волокушу.

— Совершенного решения не существовало.

— Тебе обязательно защищать его?

Эллиан на мгновение замолчал.

Каэл посмотрел на него с неожиданным интересом.

— Хороший вопрос.

— Я защищаю не Каэла, а точность формулировки.

— Разумеется, — пробормотал Дейр. — Совершенно разные вещи.

Они быстро восстановили волокушу. Тарен укрепил треснувшую жердь живыми ветвями, которые выросли из его ладони и плотно оплели дерево. Эллиан заново распределил ремни. Каэл проверил узлы, на этот раз не споря с его замечаниями.

Три дороги тем временем исчезали. Риверфолл рассыпался серым пеплом, башни Аст-рария уходили в туман, серебряный лес закрывался за стеной обычных деревьев. Спустя несколько минут перед путниками остался единственный путь.

Узкий.

Тёмный.

На камнях лежали следы когтей.

Каэл поднялся, взял лук и внимательно осмотрел дорогу.

— Она не разделила нас.

— Почти разделила, — поправил Эллиан.

— Но мы вернулись.

Тарен посмотрел на исчезнувшее серебряное сияние между деревьями.

— Возможно, именно этого она и хотела.

Каэл повернулся к нему.

— Давай хотя бы несколько минут считать, что мы победили.

— Для душевного равновесия?

— Для моего.

— Тогда мы победили, — согласился Тарен.

Эллиан поднял жезл и направил слабый свет на следы.

— Боюсь, праздновать рано.

Когти оставили на камне глубокие борозды. Они начинались сразу за местом, где сходились три дороги, и шли по обеим сторонам пути. Некоторые отпечатки казались обычными волчьими, только слишком крупными. Другие обрывались посреди шага и появлялись на противоположной стороне, будто зверь перескакивал не через дорогу, а между двумя её версиями.

Каэл опустился возле ближайшего следа.

— Не меньше четырёх.

— Шести, — сказал Дейр с волокуши.

Все посмотрели на него.

— Откуда ты знаешь?

— Я видел их раньше. Иногда четыре. Иногда восемь. Настоящих, кажется, шесть.

— «Кажется» становится самым употребительным словом этого дня, — заметил Эллиан.

— Можешь внести его в академический словарь, когда вернёшься.

Эллиан посмотрел на него.

— Я уже вернулся.

Каэл медленно поднял голову.

Их взгляды встретились.

Эллиан понял, что произнёс фразу с большей уверенностью, чем собирался. Она не означала отказа от Астрария, от будущего обучения или от той части его жизни, которая осталась в академии. Он пока не знал, что будет через месяц или через год.

Но сейчас ответ был именно таким.

Каэл отвёл взгляд первым. На его губах появилась короткая, почти незаметная улыбка.

— Хорошо, — сказал он.

Тарен увидел улыбку. Эллиан увидел, как Тарен её увидел, и предупреждающе нахмурился.

Тарен сохранил совершенно невинное выражение лица.

Из леса донёлся протяжный вой.

Он начался далеко впереди, затем повторился справа, слева и прямо у них за спиной. Звук был слишком низким для обычного волка. В нём слышалось несколько голосов, сливавшихся в один: рычание зверя, скрежет камня и тихий человеческий плач.

Каэл медленно поднялся.

— Шесть?

Дейр побледнел.

— Сейчас — да.

Между деревьями появились глаза.

Первая пара сияла серебром. Затем вторая, третья и четвёртая. Тени вокруг них сгущались, постепенно обретая форму крупных волчьих тел. Звери выходили не из леса — они отделялись от теней деревьев, вытягивая из них лапы, морды и длинные дымчатые хвосты. Серебряный свет струился между рёбрами, словно внутри каждого волка горела холодная луна.

Две оставшиеся пары глаз открылись впереди на дороге.

Стая окружала их с обеих сторон.

Каэл снял с плеча ремень волокуши и передал его Эллиану.

— Отведи Дейра к столбу.

— Я могу одновременно удерживать защиту и помогать—

— Эл.

Одно слово заставило его остановиться.

Каэл говорил не как человек, пытающийся заслонить его от любой опасности. Он уже осмотрел местность и выбрал позицию. Каменный столб прикрывал волокушу с одной стороны, а узкая дорога не позволяла всей стае напасть разом.

Эллиан кивнул.

— Хорошо. Но ты не отходишь дальше десяти шагов.

— Двенадцати.

— Десяти.

— Одиннадцати.

— Каэл.

— Десяти, — согласился он и наложил стрелу.

Тарен встал с другой стороны дороги, сжимая посох обеими руками. Серебристо-фиолетовый свет пробежал по металлическому полумесяцу на навершии. Вокруг его сапог из щелей между плитами показались тонкие корни.

— Они созданы дорогой, — сказал он. — В них почти нет обычной жизни.

— Значит, твои растения их не удержат? — спросил Каэл.

— Удержат. Только им это не понравится.

— Растениям?

— Волкам.

Эллиан отвёл волокушу к столбу и поднял вокруг неё полупрозрачный щит. Магия отозвалась с задержкой. Голубая поверхность появилась сперва в нескольких шагах правее, затем дрогнула и встала на нужное место.

— Здесь мои заклинания всё ещё выбирают между вариантами, — предупредил он. — Не полагайтесь на защиту полностью.

Каэл не сводил взгляда с ближайшего зверя.

— А я уже надеялся провести остаток дня, полагаясь исключительно на магию.

— Ты никогда этого не делал.

— Именно поэтому надежда казалась такой свежей.

Первый волк вышел на дорогу.

Он был выше Каэлу по пояс, с длинными передними лапами и неестественно узкой грудью. Шерсть состояла из тёмного дыма. Сквозь неё проступали серебряные кости, но при каждом шаге их количество менялось. Иногда у зверя оказывалось восемь рёбер, иногда двенадцать, а временами внутри не было ничего, кроме холодного света.

Каэл натянул тетиву.

Волк оскалился.

— Наконец-то, — тихо произнёс следопыт, — что-то, с чем можно не разговаривать.

Эллиан поднял жезл.

— Учитывая сегодняшний опыт, я бы не был настолько уверен.

Волк прыгнул.

Стрела Каэла встретила его в воздухе. Она прошла сквозь серебряную дымку, не замедлив зверя ни на мгновение.

Глава VI. Серебряная стая

Стрела прошла сквозь серебряную дымку, не замедлив зверя ни на мгновение.

Каэл успел лишь развернуть лук поперёк тела. Волк ударил в него всей тяжестью, которая возникла одновременно с прикосновением: ещё в воздухе существо оставалось полупрозрачной тенью, а у самой земли внезапно обрело кости, мышцы и когти. Дровесина лука застонала, Каэла отбросило на несколько шагов, и он едва удержался у края дороги. Когти полоснули по кожаной защите на груди, не пробив её, но сила удара выбила воздух из лёгких.

Волк приземлился между ним и остальными.

Защитный щит Эллиана вспыхнул вокруг волокуши с Дейром. Голубая поверхность возникла с опозданием и на мгновение оказалась вывернута в противоположную сторону, прикрывая пустой участок дороги. Эллиан резко повернул жезл, заставляя заклинание занять нужное положение, а Тарен ударил посохом о камни. Из трещин вырвались корни, оплели задние лапы зверя и сразу прошли сквозь них, не встретив сопротивления.

— Пока тень! — крикнул Эллиан.

Каэл уже знал, что это означает. Он не стал тратить новую стрелу, отступил от волка и позволил ему выбрать цель. Серебряная морда повернулась к нему. По рёбрам существа пробежал холодный свет, туман вокруг лап начал сгущаться.

— Сейчас, — произнёс Эллиан.

Каэл выстрелил почти в упор.

На этот раз стрела вошла зверю в шею. Корни Тарена мгновенно затянулись вокруг ставших плотными лап, удерживая выбранное состояние. Волк дёрнулся, раскрыл пасть, но Каэл уже выхватил короткий клинок и вонзил его под нижнюю челюсть. Серебряное тело дрогнуло и распалось холодным дымом.

Первый зверь исчез быстрее тех, с которыми они сражались возле путевого камня.

Каэл отступил к друзьям, тяжело вдохнул и бросил на Эллиана короткий взгляд.

— Мы уже умеем это делать.

Эллиан не разделял его уверенности. Остальные волки не бросились следом. Они стояли между деревьями и наблюдали, словно первый нападавший был не членом стаи, а проверкой. Серебряные глаза двигались от Каэла к Тарену, затем к голубому щиту вокруг Дейра. Два зверя перекрывали дорогу впереди, три оставались в лесу, образуя вокруг путников широкий полукруг.

Тень убитого волка всё ещё лежала на камнях. Она не исчезла вместе с телом.

Тонкая серебристая полоса скользнула по дороге, достигла ближайшего дерева и поднялась по стволу. На коре открылись два глаза.

Шестой волк снова вышел из тени. На его шее не было раны.

Каэл медленно опустил клинок.

— Возвращаю предыдущие слова.

— Разумное решение, — ответил Эллиан. Он пытался проследить путь серебряной полосы, но та не оставила обычного магического следа. Стая не просто состояла из существ, способных становиться бесплотными. Дорога хранила возможность каждого волка остаться невредимым и возвращала её после уничтожения тела. — Они восстанавливаются из собственных несостоявшихся смертей.

Каэл посмотрел на него.

— Можно без красивой формулировки?

— Мы можем убивать их сколько угодно. Дорога будет выбирать вариант, в котором они выжили.

— Вот теперь достаточно плохо и понятно.

Дейр приподнял голову над краем волокуши. Боль сделала его лицо серым, но взгляд оставался ясным.

— Они не всегда возвращаются сразу. Рядом с Нулевой верстой быстрее.

— Мы ещё не у Нулевой версты, — заметил Тарен.

Охранник посмотрел на окружающий лес.

— Ближе, чем кажется.

Волки начали двигаться.

На этот раз они не нападали поодиночке. Двое вышли на дорогу спереди и медленно двинулись к Каэлу, вынуждая его отступать. Ещё один скользнул вдоль правой обочины, скрываясь то в корнях, то в тенях стволов. Оставшиеся разделились слева, выбирая Тарена и защищённую волокушу.

Каэл снова поднял лук.

— Они обходят нас.

— Они не охотятся, — произнёс Тарен, наблюдая за тем, как стая растягивается вокруг группы. — Они направляют.

— Куда?

Тарен посмотрел назад. Три дороги исчезли, но в тумане за ними вновь проступали неясные силуэты Риверфолла, Астрария и серебряного леса.

— Обратно.

Первый волк впереди опустил голову. Второй повторил его движение с небольшим запозданием. Эллиан увидел, как линии вероятностей вокруг обоих зверей сходятся одновременно.

— Два нападения, — предупредил он. — Каэл, справа первым.

Каэл выстрелил в правого волка в момент уплотнения. Стрела вошла в грудь, но второй зверь не прыгнул на него. Он бросился к Эллиану, изменив цель уже после того, как прорицатель увидел движение.

Эллиан развернул щит перед собой. Волк ударил в голубую поверхность, и она покрылась трещинами. Каэл попытался выпустить вторую стрелу, однако первый зверь, всё ещё удерживавший древко в груди, превратился в дым и скользнул по земле. Он возник прямо под ногами следопыта, обрёл плотность и ударил снизу.

Каэл перекатился через плечо. Когти прошли по боку, вспоров край куртки. Он приземлился на одно колено, но лук не выпустил.

— Они меняют решение! — крикнул Эллиан, отступая под давлением волка.

— Я заметил!

— Раньше не меняли!

— Это тоже заметил!

Тарен поднял посох. Фиолетовые нити обвили зверя, навалившегося на щит Эллиана, но тот оставался тенью. Заклинание прошло сквозь тело и зацепилось за его отражение на камнях. Тарен почувствовал сопротивление и неожиданно понял: тень была плотнее самого волка.

Он резко потянул.

Существо остановилось в воздухе, будто его удержали за невидимый ошейник. Серебряное тело продолжало рваться вперёд, но тень растянулась за ним, не позволяя приблизиться к Эллиану.

— Их следы настоящие! — сказал Тарен. — Не тела. Тени.

Эллиан не стал спрашивать, насколько это возможно. Он развернул треснувший щит ребром и ударил им по зависшему зверю. Голубой свет прошёл сквозь дымчатую плоть, зато рассклёб тень на камнях.

Волк завыл. Звук пришёл из всех шести пастей одновременно.

Существо перед Эллианом рухнуло, обрело тело и начало рассыпаться. Серебряная полоса попыталась уйти к деревьям, но края разрезанной тени не соединялись. Туман поднялся над камнями и погас.

Пять волков замерли.

— Один не вернулся, — произнёс Эллиан.

Тарен продолжал удерживать посох над рассечённой тенью. На его лице проступило напряжение.

— Потому что мы уничтожили путь, по которому дорога возвращала его.

Каэл поднялся с колена и проверил порез на боку. Когти задели кожу лишь краем. Крови было мало.

— Значит, стреляем в тени?

— Ты не сможешь ранить их обычной стрелой, — сказал Эллиан. — Нужна магия.

— У меня осталось не так много магических стрел, — заметил Каэл, бросив взгляд на колчан.

— У тебя нет магических стрел.

— Тогда их осталось ещё меньше, чем я думал.

Тарен отпустил рассечённую тень и быстро огляделся. Волки начали расходиться шире. Теперь они понимали, что путники нашли их слабость. Серебряные силуэты уходили за деревья, но тени продолжали скользить по дороге, соединяясь между собой в единую тёмную сеть.

— Я могу удержать одну, — сказал Тарен. — Возможно, две. Но не всю стаю.

Эллиан посмотрел на стрелы Каэла.

— Мне нужен наконечник.

Каэл вытащил одну стрелу и передал ему.

— Что ты собираешься сделать?

— Привязать заклинание к металлу.

— Ты умеешь?

Эллиан уже проводил жезлом вдоль древка. Голубая линия обвилась вокруг наконечника, сложилась в несколько мелких знаков и погасла внутри стали.

— Теоретически.

Каэл внимательно посмотрел на стрелу.

— В твоём исполнении это слово звучит как угроза.

— Стрела будет удерживать защитный импульс до столкновения с магическим следом. Не стреляй в тело. Только в тень.

— А если промахнусь?

Эллиан поднял на него глаза.

— Ты редко промахиваешься.

Каэл проверил наконечник и наложил стрелу на тетиву. Спокойная уверенность Эллиана была полезнее любых дополнительных объяснений: каждый из них знал, что остальные выполнят свою часть работы.

— Иногда всё-таки умеешь говорить полезные вещи.

— Я говорил их и раньше. Ты просто был занят.

— Чем?

— Собственным голосом.

Ближайшая тень рванулась к ним прежде, чем Каэл успел ответить.

Она двигалась отдельно от волка. Чёрная полоса проскользнула под ногами Тарена и поднялась по каменному столбу, вокруг которого находился щит Дейра. Серебряный зверь появился на вершине столба, нарушая всякое представление о равновесии: передние лапы стояли на узком краю, задняя половина тела оставалась дымом.

Каэл выстрелил в тень.

Зачарованный наконечник ударился о камень. Голубой импульс разошёлся кругом, и тень волка прибило к поверхности, словно чёрную ткань. Зверь попытался прыгнуть, но его тело растянулось между столбом и землёй, не способное уйти дальше собственной тени.

Тарен направил посох. Корни поднялись вдоль камня и разорвали тёмный силуэт на несколько частей.

Волк рассыпался. На этот раз он не вернулся.

— Работает, — сказал Каэл.

Эллиан уже зачаровывал следующую стрелу.

— Ты удивлён?

— Я стараюсь поддерживать твою уверенность.

— Не нужно.

— Значит, ты всё-таки был не уверен.

— Каэл.

— Молчу.

Он действительно замолчал, потому что остальные четыре волка напали одновременно.

Два бросились с дороги. Ещё один вырвался из тени Каэла, а последний появился внутри голубого щита, рядом с волокушей.

Дейр увидел его раньше остальных. Он рванулся в сторону, забыв о сломанной ноге, и закричал от боли. Волк склонился над ним, оставаясь полупрозрачным, словно намеренно ждал момента, когда страх заставит человека попытаться бежать.

Эллиан развернулся к щиту. Остальные три зверя исчезли из его поля зрения, но он слышал крик Тарена, звон тетивы и тяжёлый удар тела о землю.

— Дейр, не двигайся! — приказал Эллиан.

— Великолепный совет!

Волк начал обретать плотность. Эллиан ударил жезлом по краю собственного щита. Голубая поверхность сложилась внутрь, захлопываясь вокруг зверя, как прозрачная клетка. Существо оказалось заперто между двумя слоями магии. Его тень металась по внутренней стороне защиты, не находя дороги к лесу.

— Сейчас! — крикнул Эллиан.

Дейр поднял лежавший возле волокуши обломок жерди и ударил по тени. Дерево не обладало магией, но на нём остались живые корни Тарена. Фиолетовое сияние вспыхнуло в месте удара, тень разорвалась, и волк исчез.

Дейр откинулся на доску, тяжело дыша.

— Я тоже умею быть полезным.

— Никто не сомневался, — ответил Эллиан, возвращая щиту прежнюю форму.

— Я сомневался.

— Тогда пересмотри вывод.

У Каэла времени на разговоры не было. Волк, появившийся из его собственной тени, успел обрести плотность и вцепился зубами в кожаный наруч. Следопыт ударил зверя рукоятью клинка, но тот не разжал челюсти. Второй заходил сбоку, вынуждая его повернуться спиной к лесу.

Тарен удерживал третьего волка фиолетовыми нитями. Он обвязал ими тень, но существо рвалось так сильно, что каждый рывок отдавался болью в плечах. Корни под ногами дрожали и ломали старые плиты.

— Эллиан! — позвал Тарен.

Прорицатель увидел сразу несколько опасностей. Каэл мог оказаться повален первым волком. Второй прыгал ему в спину. Тарен терял контроль над третьим. Щит вокруг Дейра снова запаздывал, отражая атаки, которых ещё не произошло.

Нужно было выбрать.

Раньше Эллиан пытался бы найти возможность спасти всех одновременно. Астрарий учил, что идеальный исход иногда существует в самой тонкой из вероятностей, и задача прорицателя — удержать её. Но сейчас поиски идеального решения отнимали время.

Он выбрал ближайшую угрозу.

— Каэл, вниз!

Каэл без колебаний упал на колено. Голубой луч прошёл над его головой и ударил во второго волка в момент прыжка. Заклинание не ранило тело, зато заставило тень проявиться на воздухе — чёрная форма повисла за зверем, как оборванный плащ.

Каэл свободной рукой выхватил зачарованную стрелу из колчана и, не используя лук, вонзил наконечник прямо в тень.

Голубой свет вспыхнул.

Волк исчез.

Первый всё ещё держал его за наруч. Каэл развернул предплечье, обмотал ремень наруча вокруг нижней челюсти зверя и всем весом перевернул его через плечо. Серебряное тело ударилось о камни. В момент падения оно стало плотным, и Каэл наступил сапогом на шею.

— Тар!

Тарен понял без объяснений. Он отпустил удерживаемого зверя лишь одной рукой и направил посох на тень под ногой Каэла. Фиолетовая нить прошла по дороге и рассекла её.

Волк рассыпался, оставив на наруче глубокие следы зубов.

Оставалось два. Но Тарен заплатил за помощь. Волк, которого он удерживал, вырвался из ослабевших нитей и ударил его в грудь. Эльф отлетел к обочине. Посох выпал из рук и покатился между камнями.

— Тарен! — Каэл бросился к нему.

Последний зверь перекрыл путь.

Он появился между ними из тени сломанной жерди, став плотным уже в момент возникновения. Каэл едва успел остановиться. Пасть щёлкнула в нескольких дюймах от его лица.

Эллиан направил жезл, но линия вероятности распалась. Волк существовал сразу в трёх местах: перед Каэлом, над упавшим Тареном и возле Дейра. Любая атака могла попасть лишь в одно из возможных тел, а тень уже соединялась с другими тенями дороги.

— Не вижу настоящего! — крикнул Эллиан.

Каэл отступал, не сводя глаз со зверя перед собой.

— Тогда выбери любого!

— Это не так работает.

— Сегодня уже работало!

Волк прыгнул.

Каэл ушёл в сторону, но когти зацепили плечо и развернули его. Он упал на спину. Зверь оказался сверху, однако не кусал. Серебряные глаза смотрели прямо в его лицо, а вокруг начали возникать другие исходы.

В одном волк разрывал ему горло. В другом Каэл успевал ударить клинком. В третьем Эллиан закрывал его щитом. В четвёртом Тарен поднимался и отбрасывал зверя.

Все возможности становились одинаково плотными. Каэл видел собственные смерти, накладывавшиеся одна на другую, и не понимал, какое движение ещё принадлежит настоящему.

— Не смотри на него! — донёсся голос Эллиана.

Каэл закрыл глаза.

Зверь завыл. Вой превратился в человеческие голоса: Мары, Аэрина, Эллиана и Тарена. Каждый звал его с другой стороны.

Каэл нащупал рукой ремень, которым они недавно связывали себя. Он всё ещё проходил через пояс и тянулся к волокуше.

Ремень был настоящим.

Каэл потянул его.

Где-то рядом Эллиан потерял равновесие, но натяжение указало направление. Каэл перекинулся в противоположную сторону. Когти ударили туда, где мгновение назад находилась его грудь.

— Слева от меня! — крикнул он.

Эллиан не пытался увидеть волка. Он посмотрел на тень Каэла. Та лежала на дороге под неправильным углом, раздваиваясь возле плеча.

Прорицатель выпустил импульс в место раздвоения.

Серебряные исходы схлопнулись. Остался один зверь — тот, что только что промахнулся. Каэл поднялся, ударил его клинком в бок и заставил повернуться.

Тарен, всё ещё лежавший у обочины, протянул руку к посоху. До него не хватало нескольких футов. Тогда он коснулся корней под камнями. Тонкая лоза выросла из трещины, обвилась вокруг древка и потянула его к хозяину.

Посох скользнул в ладонь.

Тарен ударил по тени волка. Она треснула, но не разорвалась. Зверь взвыл и бросился к нему, таща за собой повреждённый силуэт.

Каэл перехватил лук и выпустил последнюю зачарованную стрелу. Наконечник попал в тень возле задних лап. Голубой свет прибил её к земле.

Тарен провёл посохом вдоль трещины. Тень разделилась, и последний волк исчез.

Тишина наступила настолько внезапно, что некоторое время друзья продолжали ждать следующего прыжка. Каэл держал лук поднятым, Эллиан не опускал жезл, а Тарен сидел возле обочины и смотрел на пустую дорогу.

Серебряные частицы ещё несколько мгновений кружились между деревьями. Затем погасли.

Дейр первым нарушил молчание:

— Шесть.

Каэл медленно оглядел лес.

— Уверен?

— Нет.

— Тогда зачем сказал?

— Хотел проверить, действует ли это слово на вас успокаивающе.

Каэл опустил лук.

— Не действует.

— Жаль. На меня тоже.

Эллиан подошёл к Тарену и помог ему подняться. На груди эльфа темнел широкий след удара, но плотные слои одежды смягчили когти. Тарен сделал осторожный вдох и поморщился.

Каэл сразу оказался рядом.

— Рёбра?

— Кажется, целы.

— «Кажется» запрещено.

Тарен посмотрел на Дейра.

— Он сказал, что это самое употребительное слово дня.

— Именно поэтому запас исчерпан.

Эллиан провёл ладонью над повреждённым местом, используя слабое диагностическое заклинание. Голубой свет повторил контуры рёбер и погас.

— Перелома нет. Сильный ушиб.

Каэл выдохнул и только теперь заметил, что продолжает держать Тарена за плечо. Он убрал руку, но перед этим коротко сжал её.

— Хорошо.

Тарен посмотрел на разорванный бок его куртки.

— Теперь ты.

— Царапина.

Эллиан повернулся.

— Эта формулировка уже дважды оказалась неточной.

— Но раны оба раза действительно были неглубокими.

— Один успешный исход не доказывает надёжность метода.

— Два.

— Именно поэтому тебе нельзя позволять заниматься наукой.

Каэл осмотрел бок. Когти оставили три длинных пореза, но ни один не был глубоким. Плечо болело после падения, наруч почти полностью испорчен, однако двигаться он мог.

— Я жив, — заключил он.

— Это не медицинское заключение, — сказал Эллиан.

— Зато главное.

Дейр снова закрыл глаза.

— Когда вернёмся, я буду выбирать лекаря, который говорит меньше всех вас.

Они перевязали новые раны остатками ткани. Запас Иары почти закончился, и Тарену пришлось разрезать внутренний край собственного плаща на полосы. Каэл попытался возразить, но эльф напомнил, что его куртка уже больше напоминала доказательство нападения, чем пригодную одежду.

Пока они занимались ранами, дорога менялась.

Места, где исчезли волки, покрывались тонкими трещинами. Из них выходил серебряный туман, но теперь не собирался в новые тела. Он стелился по камням и медленно уходил вперёд, словно течение неглубокой реки.

Эллиан проследил за ним взглядом.

— Стая была частью петли. Разрушив тени, мы освободили удерживаемые ею варианты.

— И куда они ведут? — спросил Каэл.

— К источнику.

Дейр открыл глаза.

— К Нулевой версте.

Каэл поднялся и снова надел ремень волокуши, хотя Эллиан сразу заметил, как он бережёт повреждённое плечо.

— Я потяну, — сказал прорицатель.

Каэл посмотрел на него так, словно услышал предложение доверить архивную рукопись дождю.

— Ты едва удерживаешь собственный сундук с книгами.

— Сундук значительно тяжелее Дейра.

Охранник приподнял голову.

— Не уверен, что это комплимент.

— Это оценка массы.

— Стало лучше.

Тарен взял второй ремень.

— Потянем вдвоём.

Каэл открыл рот, собираясь возразить, но Эллиан уже снимал с него лямку.

— У тебя повреждены плечо, бок и предплечье. Можешь идти впереди и изображать человека, который всё контролирует.

— Я не изображаю.

— Тогда задача не потребует усилий.

Каэл посмотрел на обоих, понял, что спор проигран, и с явным неудовольствием отдал ремень. Он занял место впереди, держа лук в опущенной руке.

— Если волки вернутся, волокушу бросаете.

Дейр приоткрыл один глаз.

— Благодарю.

— Я имел в виду не тебя.

— Стало лучше во второй раз.

Они двинулись вслед за серебряным туманом. Лес вокруг постепенно терял цвет. Зелёные листья становились серыми, кора деревьев — бледной, а небо над ветвями темнело до глубокого синего. Свет исходил не сверху, а от самой дороги. Каждая каменная плита мерцала по краям, показывая, что когда-то лежала немного иначе.

Следы каравана появлялись всё чаще.

Здесь люди бежали. Отпечатки сапог накладывались друг на друга, колеи резко уходили в сторону, на камнях темнела засохшая кровь. Возле обочины лежал разорванный мешок с зерном, но зёрна висели в воздухе, не падая. Каэл провёл ладонью рядом, не касаясь их.

— Время остановилось в момент разрыва.

Эллиан посмотрел на мешок.

— Или повторяется слишком быстро, чтобы мы заметили движение.

— Это одно из тех уточнений, которые не помогают.

— Я предупреждал, что перестал стремиться к идеальным исходам, а не к точности.

Тарен шёл рядом с волокушей и время от времени называл имя Дейра. Охранник снова начинал проваливаться в чужие варианты. Однажды он назвал Тарена именем незнакомой женщины, другой раз потребовал остановить повозку у Южных ворот, хотя Риверфолл находился далеко отсюда. Каждый раз голос Тарена возвращал его к настоящему.

— Дейр Мосс. Караван. Исчезнувшая миля. Мы идём к Аэрину.

— Я помню, — раздражённо ответил охранник после очередного напоминания.

— Хорошо.

— Ты повторяешь каждые двадцать шагов.

— Ты забываешь каждые девятнадцать.

Дейр несколько секунд молчал.

— Тогда продолжай.

Впереди раздался звон.

Один удар.

Глубокий, подземный и долгий. Воздух дрогнул, серебряный туман поднялся над камнями, а все следы каравана одновременно сделались свежими. Кровь на плите заблестела, мешок с зерном разорвался снова, и зависшие зёрна рухнули на землю.

Из-за поворота донёсся крик Аэрина:

— Держите строй! К дороге не приближаться!

Затем послышался вой волков, звон оружия и треск дерева.

Каэл сорвался с места.

На этот раз никто не попытался его остановить. Эллиан и Тарен подхватили волокушу быстрее, насколько позволяла повреждённая нога Дейра, и последовали за ним.

Поворот вывел их на широкую круглую площадку.

В её центре стоял низкий чёрный камень, похожий на обломанную верстовую колонну. На вершине лежал крупный осколок дорожного знака. Серебряные линии расходились от него по земле, образуя сложный круг, пересечённый десятками дорог. Одни исчезали в лесу, другие обрывались у края площадки, третьи уходили вверх по воздуху или опускались прямо в камень.

Возле осколка на коленях стоял мужчина.

Его седые волосы прилипли ко лбу, дорожный плащ был разорван, а руки покрыты кровью и серебряными ожогами. Галлен Роуд держал ладони над камнем и не замечал ничего вокруг. Перед ним стояла молодая женщина в светлом платье. Она была полупрозрачной, но улыбалась.

На противоположной стороне площадки шёл бой.

Аэрин Ривен стоял между пятью караванщиками и тремя серебряными волками. На его лице темнела кровь, левая рука висела плетью, а в правой он держал короткий меч. Лук лежал сломанным у ног. Один караванщик пытался поднять упавшую женщину, другой закрывал ребёнка собственным телом.

Волк бросился на Аэрина.

Старший Ривен шагнул навстречу, ушёл от когтей и вонзил меч в грудь существа. Серебряная тень разошлась вокруг клинка. Зверь ударил его лапой, сбивая на землю.

— Аэрин! — кричал Каэл.

Брат не услышал.

Второй волк прыгнул. Аэрин перекатился, схватил лежавшее копьё и ударил снизу. Наконецник прошёл сквозь тень. Третий зверь оказался у него за спиной.

Каэл поднял лук, но прежде чем он успел выстрелить, всё исчезло.

Не только волки и караванщики. Аэрин, кровь, сломанный лук и упавшие люди рассыпались серебряным светом. Площадка на мгновение опустела.

Затем колокол ударил снова.

Следы вернулись на исходные места. Сломанный лук оказался целым в руках Аэрина. Раны исчезли. Караванщики поднялись. Волки снова вышли из теней.

Аэрин крикнул:

— Держите строй! К дороге не приближаться!

Бой начался сначала.

Каэл стоял на краю площадки, не двигаясь. На его лице не осталось ни цвета, ни прежней уверенности.

— Он не знает, что повторяет, — тихо сказал Дейр.

Эллиан смотрел на серебряные линии круга. Каждая петля возвращала людей к началу боя, но не полностью. Раны исчезали с тел, однако усталость оставалась. Движения Аэрина во втором повторении были немного медленнее. Один караванщик поднялся не сразу. Женщина, которую пытались спасти, смотрела перед собой пустыми глазами.

— Их тела восстанавливаются, — произнёс Эллиан. — Но память места забирает часть сил при каждом повторе.

— Сколько раз? — спросил Каэл.

Дейр не ответил.

Тарен посмотрел на землю вокруг круга. В нескольких местах лежали сломанные стрелы Аэрина. Десятки стрел. Некоторые были свежими, другие почернели от времени, третьи почти полностью превратились в пыль.

— Много, — сказал он.

Каэл шагнул к кругу.

Серебряная линия вспыхнула под его ногой и отбросила назад. Он упал на камни, но сразу поднялся.

— Аэрин!

Старший брат снова не услышал. Петля не допускала внешние звуки.

Галлен наконец повернул голову.

Его лицо было измученным, глаза покраснели от бессонницы, но в них горело почти счастливое выражение. Он посмотрел на друзей так, словно они пришли не остановить его, а разделить открытие.

— Она жива, — сказал он.

Женщина перед ним улыбнулась и протянула руку.

— Галлен, — произнесла она. — Ты нашёл меня.

Мужчина рассмеялся. В этом звуке было облегчение восьми лет поисков.

— Видите? — спросил он. — Я говорил им. Дорога хранит всё. Каждый выбор. Каждый миг, который мир отбросил. Мира не умерла. Она просто осталась на другой дороге.

Эллиан посмотрел на полупрозрачную женщину. Вокруг неё не было цельного магического следа. Она состояла из десятков накладывающихся возможностей: Мира, вернувшаяся домой; Мира, погибшая в лесу; Мира, ушедшая в Фейский план; Мира, никогда не встретившая брата. Дорога собрала их в один образ, выбрав те черты, которые Галлен сильнее всего хотел увидеть.

— Это не ваша сестра, — сказал Эллиан.

Улыбка Галлена исчезла.

— Ты не знаешь её.

— Нет. Но я вижу, что перед вами не один человек. Это множество возможностей, удерживаемых вашим желанием.

— Возможность — не ложь.

— Но ни одна из них не является той женщиной, которую вы потеряли.

Галлен поднялся. Его ноги дрожали, однако руки продолжали удерживать осколок дороги внутри серебряного круга.

— Астрарий учит вас смотреть на будущее и выбирать нужное. Чем это отличается?

Эллиан невольно вспомнил кабинет над туманным озером и собственное имя на серебряной обложке.

— Тем, что возможность не становится правдой только потому, что мы предпочитаем её остальным.

— Удобные слова человека, который ещё ничего не потерял.

Каэл подошёл к границе круга. Серебряная линия вновь вспыхнула, но теперь он остановился раньше удара.

— Мой брат умирает перед тобой снова и снова.

Галлен посмотрел на петлю. В этот момент Аэрин получил удар когтями по груди и упал. Каэл дёрнулся, но удержался за границей.

— Он восстановится, — сказал Галлен.

— Он становится слабее.

— Когда Мира полностью перейдёт, я закрою дорогу.

— Сколько ещё людей должно повторить смерть, пока ты решаешь, достаточно ли она настоящая?

Галлен стиснул осколок сильнее. Серебряный свет обжёг ладони, но он не отпустил.

— Ты не понимаешь.

— Я понимаю, что ты выбрал её за всех остальных.

Мира повернула голову к Каэлу.

На мгновение её лицо изменилось.

Вместо молодой женщины у камня стоял Эллиан, окровавленный и неподвижный.

Каэл отшатнулся.

Образ снова стал Мирой.

Тарен увидел произошедшее.

— Она показывает каждому то, что удержит его возле дороги, — сказал он. — Галлен, она не возвращается к вам. Она использует вашу память, чтобы оставаться открытой.

Женщина посмотрела на Тарена. Серебряные глаза стали тёмными, почти бездонными.

— Ты уже выбрал их, — произнесла она.

Галлен резко повернулся к ней.

— Что?

Мира снова улыбнулась брату, словно ничего не сказала.

Эллиан поднял жезл и начал осматривать круг. Нулевая верста была не просто центром петли. Осколок дорожного камня соединял три отдельных узора: бой Аэрина, отражение Миры и сеть дорог, уходивших за пределы площадки. Галлен удерживал их своим желанием, но основная сила исходила из чёрной колонны.

— Нужно разорвать петлю до следующего возвращения, — сказал Эллиан. — Иначе она закрепится глубже.

— Как? — спросил Каэл.

— Я должен удержать возможность, в которой Аэрин и караванщики выходят за границу круга. Тарену придётся разрушить связь между дорогой и образом Миры.

Каэл посмотрел на повторяющийся бой.

— А мне?

Эллиан проследил линии петли. Они возвращали каждого участника к месту, на котором тот находился в момент первого удара колокола. Только одно движение постоянно менялось: перед каждым новым повторением Аэрин оказывался чуть ближе к краю круга. Он учился, даже не сохраняя сознательной памяти. Тело запоминало путь.

— Аэрин почти нашёл выход, — сказал Эллиан. — В каждом повторении он проходит немного дальше. Но ему не хватает времени.

Каэл понял раньше, чем прозвучало продолжение.

— Я войду и вытащу его.

— Если пересечёшь границу, петля включит тебя в повторение.

— Тогда вытащите обоих.

— Каэл...

— Другой способ есть?

Эллиан посмотрел на круг.

Не было.

Тарен подошёл ближе к ним. После удара волка он всё ещё дышал осторожно, но держался прямо.

— Мы не сможем говорить с тобой внутри.

— Значит, объясните сейчас.

Эллиан хотел возразить. Перечислить неизвестные условия, вероятность неудачи и то, что Каэл уже ранен. Вместо этого заставил себя сосредоточиться на задаче.

— Петля длится около сорока ударов сердца. При каждом повторении Аэрин сначала отводит караванщиков к левой стороне, затем принимает удар первого волка, уклоняется от второго и оказывается возле центра. Третий нападает со спины.

Каэл следил за боем.

— Я видел.

— Тебе нужно войти после первого удара, не раньше. Добраться до него до появления третьего волка. Когда коснёшься Аэрина, петля попытается вернуть тебя в собственное исходное положение.

— Которого у меня внутри нет.

— Она создаст его.

— Где?

— Не знаю.

Каэл коротко усмехнулся.

— Наконец что-то новое.

Эллиан схватил его за предплечье.

— Это не шутка.

Каэл посмотрел на пальцы, сжимавшие повреждённый наруч, затем в лицо друга.

— Я знаю.

Вокруг них нарастал звон. Текущий повтор подходил к концу. Аэрин стоял на одном колене, опираясь на сломанный меч. Волк поднялся над ним.

— Эл, — сказал Каэл тихо. — Ты удержишь путь.

В этих словах не было вопроса.

Эллиан чувствовал, как внутри поднимается страх: не отвлечённая тревога перед возможной ошибкой, а ясное знание, что через несколько мгновений Каэл войдёт в место, где уже существуют десятки его смертей. Прорицатель мог перечислить причины запретить это. Мог попытаться найти другой вариант и потерять ещё одно повторение.

Он разжал пальцы.

— Удержу.

Каэл кивнул и повернулся к Тарену.

— А ты не позволишь дороге закрыться.

— Не позволю.

— Даже если бабочка попросит?

Тарен выдержал его взгляд.

— Особенно если попросит.

Каэл снял с пояса запасной ремень и обвязал один конец вокруг талии. Другой передал Эллиану.

— Только не повторяй прошлый план.

— Я собирался привязать его к столбу.

— Именно это я и имел в виду.

Тарен забрал ремень, пропустил вокруг основания чёрной колонны за пределами магического круга и вернул конец Эллиану.

— Теперь нагрузка распределится.

Каэл проверил узел.

— Вы учитесь.

— Рядом с тобой это неизбежно, — ответил Эллиан. — Ошибки повторяются слишком часто.

Колокол ударил. Площадка очистилась. На одно мгновение Аэрин и караванщики исчезли.

Каэл шагнул к границе. Серебряные линии загорелись.

Аэрин появился с целым луком в руках.

— Держите строй! К дороге не приближаться!

Первый волк вышел из тени.

— Сейчас! — крикнул Эллиан.

Каэл прыгнул внутрь круга. Серебряный свет сомкнулся за его спиной.

Глава VII. Сорок ударов сердца

Серебряный свет сомкнулся за спиной Каэла.

На одно мгновение он ослеп. Не от яркости — свет внутри круга был не сильнее лунного, — а от количества движений, наложенных друг на друга. Площадка перед ним одновременно была пустой, заполненной людьми, залитой кровью, покрытой пеплом, нетронутой, разбитой, заросшей травой и выжженной до камня. Каэл видел Аэрина у центра круга, у края дороги, на коленях, с луком, с мечом, падающим, поднимающимся, живым и уже мёртвым. Видел караванщиков, которые бежали к лесу и в ту же секунду лежали на земле. Видел серебряных волков в таком множестве положений, что стая казалась не шестью существами, а одной длинной тенью, обвившей всю Нулевую версту.

Потом удар сердца вернул мир в один порядок.

— Держите строй! К дороге не приближаться! — крикнул Аэрин.

Каэл оказался ровно там, где вошёл: у внешней границы круга, на правом краю площадки. Перед ним караванщики отступали к левой стороне, как и сказал Эллиан. Аэрин стоял между ними и волками, ещё не раненый, но уже измученный. Его движения были точными, экономными, узнаваемыми до боли. Каэл видел эту стойку сотни раз на тренировках: левое плечо немного вперёд, вес перенесён на заднюю ногу, взгляд не на ближайшем звере, а на пространстве между всеми угрозами сразу.

Первый волк вышел из тени.

Каэл не бросился к брату. Это оказалось труднее, чем войти в сам круг. Всё в нём требовало рвануть вперёд, закрыть расстояние, крикнуть, схватить Аэрина за плечо и вытащить силой. Но он помнил слова Эллиана. После первого удара. До третьего волка. Сорок ударов сердца.

Он начал считать.

Первый.

Аэрин выпустил стрелу. Она прошла через серебряную грудь зверя, не причинив вреда. Каэл знал, что это произойдёт, и всё равно сжал зубы. Брат тоже понял. Лицо его не изменилось, но лук опустился на долю мгновения слишком быстро.

Второй.

Аэрин отступил на полшага, вынуждая первого волка прыгнуть не на караванщиков, а на себя. В этот момент второй зверь должен был появиться справа.

Третий.

Каэл уже двигался. Он шёл не по прямой, а вдоль внешнего края круга, используя ящики, разбитую оглоблю и опрокинутую бочку как укрытия. Странность петли заключалась в том, что предметы внутри неё повторяли свои положения, но не становились полностью неподвижными. Бочка каталась каждый раз одинаково, мешок падал с повозки в один и тот же миг, а испуганный караванщик спотыкался о тот же камень. Каэл видел это впервые, но следопыт в нём сразу начал пользоваться повторением как картой.

Четвёртый.

Первый волк стал плотным в прыжке. Аэрин ушёл в сторону и ударил его ножом в шею. Клинок рассёк серебряную шерсть, но тень зверя осталась целой.

Пятый.

Второй волк бросился справа. Аэрин развернулся, принимая удар на лук. Дерево хрустнуло. Именно здесь лук должен был сломаться позднее, но пока ещё держался.

Шестой.

Каэл добрался до середины площадки. Брат был в десяти шагах.

— Аэрин! — крикнул он.

Звук ударился о серебряную стену и вернулся к нему же. Аэрин не услышал. Даже голова не повернулась.

Седьмой.

Каэл выругался и побежал быстрее.

За границей круга Эллиан видел только часть происходящего. Серебряная петля пыталась скрыть внутреннее пространство под слоями повторяющихся исходов: то Каэл появлялся у края площадки, то исчезал, то оказывался уже на коленях у центра, то лежал неподвижно, придавленный волком. Ни один образ не был достаточно устойчивым, чтобы доверять ему.

Эллиан держал ремень обеими руками. Кожа уже оставила глубокую красную полосу на ладони, но он не ослаблял хватку. Ремень был единственной настоящей линией, соединявшей Каэла с внешним миром. Прорицатель не мог слышать его шагов, не мог передать голос и не мог войти следом, не разрушив всю возможность выхода. Поэтому он делал единственное, что мог: искал путь, в котором Каэл успевал.

Серебряные линии петли сопротивлялись. Любая вероятность спасения тут же обрастала десятками возражений: волк прыгал раньше; Аэрин разворачивался не в ту сторону; караванщик падал под ноги; Каэл включался в петлю и возвращался к начальному положению; Галлен усиливал круг.

Дорога пыталась остановить Каэла знакомыми лицами. Мира становилась то Аэрином, зовущим его обратно, то Марой, умоляющей не рисковать, то Эллианом или Тареном, предупреждающими, что путь уже потерян. Каждый образ отнимал долю мгновения, потому что дорога использовала против него всех, кого он боялся подвести или потерять.

Эллиан стиснул зубы.

— Не смотри на варианты, — пробормотал он себе. — Смотри на правило.

Тарен, стоявший в нескольких шагах от него, услышал.

— Нашёл?

— Почти.

— Это значит «нет»?

— Это значит, что мне мешают.

— Дорога?

Эллиан коротко посмотрел на Галлена. Тот стоял у центрального камня, протянув руки к полупрозрачной Мире. Вокруг его пальцев поднимались серебряные нити, связывавшие осколки дороги с кругом.

— Его желание. Петля питается не только камнем. Он удерживает её своим выбором.

Тарен посмотрел на Миру. Образ молодой женщины казался почти живым: светлое платье чуть колыхалось от несуществующего ветра, волосы лежали на плечах, а в глазах было столько нежности, что даже постороннему человеку хотелось поверить.

Именно поэтому Тарен ей не верил.

— Значит, нужно, чтобы он отпустил.

— Да, — ответил Эллиан. Серебряный свет от петли отражался в его глазах, делая взгляд почти таким же холодным, как у будущего мага из видения. — Но если ты просто разрушишь образ, он может схватиться за камень сильнее.

— Я знаю.

— Рен.

Тарен повернулся.

Эллиан редко использовал это имя при посторонних. Сейчас рядом были Дейр, Галлен, умирающая петля и нечто, притворявшееся потерянной сестрой. Но обращение прозвучало не как случайная мягкость, а как якорь.

— Не заключай договор, — сказал Эллиан.

Тарен слегка улыбнулся, хотя лицо оставалось бледным после боя с волками.

— Ты собирался сказать это с самого начала?

— Да.

— И сдерживался?

— Недолго.

— Героическое усилие.

— Рен.

— Не заключу, — тихо пообещал Тарен.

Он повернулся к Галлену и пошёл к центральному камню.

Каэл досчитал до двенадцати, когда петля впервые попыталась взять его.

Это произошло без вспышки и без удара. Просто под ногами вдруг оказалась другая плита. Он шёл к Аэрину, а следующий шаг поставил его у самой границы круга, почти на исходном месте. На коже остался холод, будто кто-то провёл ледяными пальцами по позвоночнику.

— Нет, — выдохнул Каэл и рванулся вперёд снова.

Тринадцатый.

Аэрин отбросил первого волка ударом плеча. Второй зверь скользнул ему за спину.

Четырнадцатый.

Каэл пересёк участок, который только что вернул его назад, прыжком, оттолкнувшись от упавшего ящика. На этот раз петля не успела сомкнуться вокруг его стоп. Он приземлился ближе к центру и сразу ушёл в сторону, потому что с неба — или с одной из вертикальных дорог, уходивших в воздух, — рухнула обломанная оглобля. Она падала в каждом повторении, но раньше Каэл её не видел.

Пятнадцатый.

Аэрин получил первый удар. Когти прошли по плечу, разрывая плащ и кожу. Старший Ривен даже не вскрикнул, только резко выдохнул и перехватил меч.

Каэл почувствовал, как его собственная злость становится почти полезной. Она сжала страх до одной точки, оставив место для движения.

Шестнадцатый.

Он был уже в пяти шагах.

— Рин! — крикнул он, используя короткое домашнее имя, которое почти никто не произносил вне семьи.

Аэрин не услышал.

Семнадцатый.

Третий волк появился позади брата.

Каэл бросил нож.

Не в волка — в тень под ногами Аэрина.

Нож ударил в камень, не причинив зверю вреда, но звук заставил Аэрина сместиться на полшага. Волчьи когти прошли не по спине, а по краю плаща. Ткань разорвалась, и Аэрин впервые нарушил повторение: вместо того чтобы упасть на одно колено, он развернулся.

Его взгляд скользнул по Каэлу.

Не узнал. Но заметил.

Восемнадцатый.

— Левее! — крикнул Каэл, уже не надеясь быть услышанным, но Аэрин почему-то шагнул влево. Может быть не из-за голоса. Может быть, потому что тело за десятки повторений выучило, где смерть приходит слишком рано.

Девятнадцатый.

Каэл добрался до него. Он схватил Аэрина за предплечье.

Мир разорвался.

На мгновение Каэл оказался не на Нулевой версте, а на старой тренировочной поляне за домом Ривенов. Ему было двенадцать, и он снова не мог натянуть лук Аэрина до конца. Старший брат стоял рядом, терпеливый и невозмутимый, как всегда.

— Сила не в том, чтобы тянуть сильнее, — говорил Аэрин. — Сила в том, чтобы знать, когда отпустить.

Потом Каэл снова оказался в круге, но теперь стоял у его края, как в начале.

Аэрин был рядом с ним.

Петля немедленно попыталась вернуть старшего Ривена к центру. Серебряные линии схватили его за ноги и плечи, протягивая сквозь пространство. Аэрин не понимал, что происходит. Для него, вероятно, не прошло и мгновения между боем и внезапным появлением младшего брата у края площадки.

— Каэл? — спросил он хрипло.

Каэл почти рассмеялся от облегчения.

— Наконец-то.

Аэрин оглянулся на круг, караванщиков и волков. Взгляд его быстро стал ясным, хотя лицо оставалось измученным.

— Ты не должен быть здесь.

— Сегодня это самая популярная мысль.

— Выйди из круга.

— С тобой.

Серебряные линии дёрнули сильнее. Аэрин пошатнулся. Каэл обхватил его за пояс и упёрся ногами в камень.

За границей круга ремень резко натянулся. Эллиан едва не упал, но удержался. Кожа обожгла ладони, и он увидел сразу два исхода: в одном Каэл выпускал Аэрина и сам оставался внутри петли, в другом ремень рвался, отбрасывая обоих к центру.

Он выбрал третий. Слишком тонкий. Почти невозможный. В нём Аэрин сам делал шаг наружу.

— Каэл! — крикнул Эллиан, не зная, дойдёт ли голос. — Не тащи его. Заставь выбрать!

Каэл услышал не слова, а смысл. Возможно, Эллиан всё-таки сумел провести его по ремню, возможно, петля просто дала трещину. Следопыт повернулся к брату.

— Рин, слушай меня.

— Я слушаю.

— Это петля. Ты уже много раз пытался вывести караванщиков.

Аэрин нахмурился. Серебряные линии дрожали вокруг его тела, стремясь вернуть его к началу боя.

— Караванщики...

— Мы вытащим их. Но сначала ты должен выйти сам.

— Я не оставлю людей.

— И не оставишь. Но если ты снова вернёшься в центр, они повторят всё сначала.

Аэрин посмотрел на площадку. Бой продолжался без него неправильно: волки двигались медленнее, караванщики застывали на середине действий, будто дорога не могла решить, как вести повторение без главной фигуры. Один мужчина держал ребёнка на руках и всё время начинал один и тот же шаг к краю круга.

— Сколько раз? — спросил Аэрин.

Каэл не хотел отвечать.

— Много.

Лицо старшего брата почти не изменилось, но Каэл увидел, как в нём отозвалась усталость, которую петля не смогла стереть. Аэрин посмотрел на его порезанный бок, повреждённое плечо, следы зубов на наруче и кровь на руках.

— Ты ранен.

— Ты тоже. Поэтому предлагаю не соревноваться.

— Ты всё ещё плохо выполняешь приказы.

— Тебе стоило заметить раньше.

Аэрин неожиданно коротко усмехнулся. Это было слабое, едва слышное движение воздуха, но оно принадлежало настоящему человеку, а не повторению.

— Заметил лет пятнадцать назад.

Каэл крепче сжал его руку.

— Тогда пошли.

Двадцатый удар сердца.

Аэрин сделал шаг к границе круга.

Серебряные линии взвыли.

Тарен остановился перед Галленом, не переходя последнего круга вокруг камня. Он чувствовал, что ещё один шаг будет иметь значение. Не обычное, физическое, а договорное: перешёл черту — признал правила дороги.

— Галлен, — сказал он.

Мужчина не сразу отозвался. Его взгляд был прикован к Мире.

— Она почти здесь.

— Нет.

— Ты не видел, как она исчезла, — прошептал Галлен. — Ты не слышал, как люди объясняли мне, что лес забрал её навсегда. Что нужно смириться. Что у дорог есть свои жертвы.

— Не видел.

— Тогда молчи.

Слова были грубыми, но в них не было злобы. Только боль, настолько старая, что стала частью голоса.

Тарен мог бы ударить по связи силой. Фейская магия в нём отзывалась на серебряные линии дороги слишком охотно. Если он направит её в осколок, круг дрогнет. Возможно, хватит, чтобы Эллиан и Каэл вытащили Аэрина. Возможно, нет.

Но Мира смотрела на Галлена, и пока он верил ей, дорога получала новый путь.

— Я видел того, кто использует знакомый образ, — сказал Тарен. — И понимаю, почему трудно отвернуться.

Мира повернула к нему лицо. Её улыбка не изменилась.

— Ты снова говоришь осторожно, Тарен Вейл.

Галлен вздрогнул.

— Ты знаешь его?

— Дороги знают тех, кто по ним идёт.

Тарен не отвёл взгляда.

— Тогда назови моё имя полностью.

Мира молчала.

Тарен сделал полшага в сторону, не приближаясь к кругу. Серебряная бабочка появилась на краю чёрного камня. Она раскрыла крылья, и на мгновение весь воздух вокруг стал похож на сон.

Не требуй имени у того, кто может назвать часть, прозвучал голос внутри его сознания.

Тарен не ответил ей.

— Галлен, — продолжил он, — спросите её то, чего дорога не знает.

Мужчина посмотрел на него, как на безумца.

— Что?

— Не то, что вы помните. Не день исчезновения, не детство, не голос. Всё это дорога взяла у вас. Спросите то, чего вы сами не знаете, но что знала бы она.

Мира медленно повернулась к брату.

— Галлен, не слушай их. Они хотят снова отнять меня.

Галлен сделал движение к ней. Серебряный ожог на ладони углубился, но он не почувствовал боли.

— Спроси, — сказал Тарен.

— Она здесь.

— Тогда она ответит.

Мира протянула Галлену руку.

— Брат.

Слово дрогнуло. На мгновение в нём прозвучал другой голос — не женский и не человеческий. Галлен, кажется, тоже услышал. Его лицо изменилось.

— Как звали человека, который нашёл тебя в день первого дождя? — спросил он вдруг.

Мира застыла.

Тарен не знал, что это значит. Не знал и Галлен — по крайней мере, ответ не был в его памяти. Но вопрос имел форму чего-то личного: не загадки для проверки, а события, о котором ему когда-то сказали лишь начало.

Мира улыбнулась.

— Ты.

Галлен побледнел.

— Нет.

— Ты всегда находил меня.

— Нет, — повторил он. — Я тогда заболел. Я не выходил из дома.

Образ Мира слегка размылся. За её лицом появились другие лица: старше, младше, испуганнее, спокойнее. Дорога перебирала варианты, пытаясь найти подходящий ответ.

Галлен отступил на шаг.

— Она говорила, что её нашла женщина с зелёной лентой. Я не знал имени. Она обещала рассказать, когда вернётся.

Мира изменилась. В её волосы вплелась зелёная лента, которой мгновение назад не было.

— Лира, — сказала она. — Её звали Лира.

Галлен закрыл глаза.

Ответ мог быть правдой. Мог быть случайным угадыванием. Мог быть ещё одной возможностью, которую дорога достала из мира, где Мира действительно вернулась и рассказала имя.

Но Галлен уже слышал задержку.

Тарен говорил тихо, чтобы не спугнуть это мгновение:

— Дорога может показать вам Миру, которая выжила. Миру, которая вернулась. Миру, которая никогда не уходила. Но она не знает, какая из них ваша.

— Моя умерла? — спросил Галлен.

Тарен не ответил сразу. Он не хотел произносить милосердную ложь. Но и жестокая уверенность была бы такой же ложью.

— Я не знаю, — сказал он. — И дорога тоже.

Мира посмотрела на Галлена с отчаянием, почти настоящим.

— Не отпускай меня.

Руки мужчины задрожали.

— Я искал восемь лет.
— Знаю, — сказал Тарен.
— Я потерял работу. Дом. Друзей. Все говорили, что я сошёл с ума.
— Возможно, они ошибались в том, почему.
Галлен неожиданно рассмеялся — коротко и надломленно.
— Ты странно утешаешь.
— Мне часто такое говорят.
— Они правы.
— Да.

Галлен посмотрел на петлю. Каэл и Аэрин боролись у границы, Эллиан держал ремень, Дейр пытался приподняться на волокуше, а караванщики зависли между очередным повторением и выходом. Все эти люди были настоящими. Больными, ранеными, испуганными, но настоящими.

Мира стояла рядом, прекрасная и невозможная. Галлен сделал выбор не сразу. Именно поэтому он был настоящим. Он разжал одну руку. Осколок дорожного камня вспыхнул.

Двадцать первый удар сердца.

Аэрин почти дошёл до границы, когда круг изменился. До этого петля тянула его назад, как течение. Теперь она начала возвращать весь бой к исходной точке, не дожидаясь окончания сорока ударов.

Волки исчезли и появились снова.

Караванщики вернулись на места.

Аэрин дёрнулся назад.

Каэл удержал его, но почувствовал, как у самого под ногами возникает новая исходная точка. Петля пыталась записать его внутрь себя: Каэл у правого края, Каэл бросается к брату, Каэл не успевает, Каэл повторяет снова.

— Нет! — закричал он и упёрся обеими ногами.

За границей Эллиан увидел, как вокруг Каэла формируется серебряный контур. Если он замкнётся, дорога получит его повторение. Тогда придётся спасать уже двоих.

Он перестал удерживать ремень как физическую связь.

Вместо этого он сделал то, чему Аделар Фенн когда-то учил его в Риверфолльской башне, задолго до Астрария: не предсказывать исход, а восстанавливать последовательность. У каждого события есть след. Даже если магия ломает время, она оставляет порядок действий, потому что иначе сама перестаёт понимать, что повторять.

Эллиан начал называть их вслух.

— Каэл вошёл после первого удара. Достиг середины на двенадцатом. Коснулся Аэрина на девятнадцатом. Аэрин сделал шаг к выходу на двадцатом. Галлен отпустил осколок после этого.

Серебряные линии дрогнули.

Дорога не любила, когда её путали, но ещё меньше любила противоречить уже признанному порядку.

Эллиан поднял жезл, и вокруг него вспыхнули бледные знаки Астрария — не сложное заклинание, а простая фиксация факта.

— Это уже произошло.

Он ударил жезлом о землю.

— Пусть произойдёт дальше.

Ремень в его руках стал голубым от света.

Каэл почувствовал рывок снаружи.

Не сильный. Эллиан не тащил его. Он открывал направление.

— Рин, сейчас! — сказал Каэл.

Аэрин увидел границу. Понял, что младший брат удерживает его не для себя, а чтобы дать выбор. Понял, что за пределами круга кто-то ещё держит путь.

Он шагнул.

Серебряный свет прорвался через его тело. На мгновение Аэрин стал прозрачным, и Каэл увидел внутри него все повторения: старший брат с луком, с мечом, падающий, поднимающийся, погибающий, снова вступающий в бой. Десятки Аэринов, каждый из которых пытался вывести людей и не успевал.

Потом все они сошлись в одного.

Аэрин вывалился за границу круга, увлекая Каэла за собой.

Они оба рухнули на камни снаружи.

Каэл ударился плечом и на несколько мгновений потерял дыхание. Аэрин перекатился на бок, попытался подняться и не смог. Раны, которые петля скрывала, вернулись не полностью, но достаточно: плечо кровоточило, на груди проступали следы когтей, губы побелели.

Каэл всё равно рассмеялся.

— Нашёл.

Аэрин повернул голову.

— Ты ужасно выглядишь.

— Серьёзно? Это первое, что ты скажешь?

— Я выбираю из нескольких замечаний.

— Выбирай быстрее. Я тебя спас.

— После того как вошёл в смертельно опасную временную петлю без разрешения.

— Вот. Уже лучше. Это настоящий ты.

Эллиан опустился рядом, одновременно проверяя пульс Аэрина и пытаясь не показать, как дрожат собственные руки.

— Вы оба говорите слишком много для людей, которые только что почти застряли в повторяющейся смерти.

Аэрин посмотрел на него.

— Эллиан?

— Да.

— Ты вырос.

— Прошло два года.

— И всё равно стоишь рядом с ним, когда он делает глупости.

Эллиан на мгновение замолчал.

— Я пытаюсь снизить их последствия.

Каэл, всё ещё лежавший на спине, поднял палец.

— Иногда он вдохновляет их уточнениями.

— Я сейчас могу перестать снижать последствия.

— Молчу.

Аэрин прикрыл глаза.

— Рад, что ты вернулся.

Эллиан не сразу нашёл ответ.

— Я тоже.

Серебряный круг вздрогнул.

Они вытащили Аэрина, но караванчики всё ещё оставались внутри.

Галлен отпустил одну руку, но второй продолжал держать осколок. Мира стояла перед ним уже не как единый образ. Её лицо менялось каждое мгновение: девочка, девушка, женщина, старуха, незнакомка, тень, пустое место. Дорога больше не могла решить, кого именно ему показать.

— Отпусти полностью, — сказал Тарен.

— Если отпущу, я потеряю её снова.

— Вы уже потеряли не её, а возможность узнать наверняка.

Галлен посмотрел на него с ненавистью, которая тут же рассыпалась в усталость.

— Это хуже.

— Да.

Тарен не стал смягчать слово. Иногда милосердие заключалось не в том, чтобы убрать боль, а в том, чтобы не украшать её ложью.

— Но вы удерживаете живых людей в месте, где они снова и снова умирают за вашу надежду.

Галлен посмотрел на Аэрина за пределами круга. На Каэла рядом с ним. На Дейра, который пытался подтянуться на локтях, несмотря на боль. На караванщиков внутри петли.

Один из них — мужчина с ребёнком — повернул голову. Петля больше не держала его полностью. Он видел Галлена.

— Прошу, — сказал он.

Галлен закрыл глаза.

Мира коснулась его лица.

— Брат.

Он заплакал.

Не громко, не красиво, не так, как плачут в легендах. Просто слёзы прорезали грязь на лице человека, который восемь лет шёл по одному следу и наконец понял, что след не ведёт домой.

— Я не знаю, как отпустить, — прошептал он.

Тарен протянул руку через границу малого круга, но не коснулся Галлена.

— Тогда не отпускайте её. Отпустите их.

Галлен открыл глаза.

Фраза, кажется, дошла до того места, куда не могли добраться ни доводы Эллиана, ни обвинения Каэла. Он не обязан был решить судьбу Мира сейчас. Не обязан был признать её мёртвой, живой или невозможной. Но мог перестать заставлять чужих людей платить за то, что сам не знал ответа.

Он медленно убрал вторую руку с осколка.

Мира вскрикнула.

Голос её распался на десятки звуков: женский крик, вой волка, звон колокола, шелест крыльев, скрип колеса, детский смех и хруст камня. Серебряная бабочка взлетела с чёрной колонны и закружилась над кругом.

Тарен поднял посох.

— Эллиан!

— Вижу!

Прорицатель уже стоял у границы большой петли. Аэрин попытался подняться, но Каэл удержал его за плечо.

— Лежи.

— Караванщики...

— Мы вытащим.

— Каэл.

— Я сказал: мы.

Старший брат посмотрел на него и, возможно впервые за этот день, послушался.

Эллиан поднял жезл обеими руками. Теперь, когда Галлен отпустил осколок, петля больше не подпитывалась его желанием, но сила ещё продолжала вращаться по кругу. Если просто разрушить её, людей могло разбросать по тем вариантам, где они находились в момент первого удара колокола. Нужно было не сломать петлю, а закончить её.

— Дорога должна получить выход, — сказал он.

Тарен кивнул. Он понял не разумом, а тем странным чувством границ, которое вело его через всю Исчезнувшую милю. Любая дорога, даже сломанная, существовала ради движения. Петля стала чудовищной не потому, что вела неправильно, а потому, что перестала вести вообще.

Он воткнул посох в землю у края круга.

— Тогда дадим ей направление.

Фиолетовые нити потянулись от посоха к серебряным линиям. Тарен не пытался подчинить дорогу. Он показывал ей то, что уже было правдой: караван шёл в Риверфолл; Аэрин пытался вывести людей; Каэл вошёл, чтобы помочь брату; Эллиан удерживал последовательность; Галлен отпустил чужие жизни.

Каждая нить была не приказом, а утверждением.

Эллиан подхватил его магию своей. Голубые линии легли поверх фиолетовых, превращая чувство пути в форму. Он видел возможность, где караванчики делали не повторяющийся шаг, а следующий. Не назад к началу боя, не в сторону несбывшихся жизней, не к образу Миры, а наружу — к настоящему времени, каким бы тяжёлым оно ни оказалось.

— Дейр, — сказал Эллиан, не оборачиваясь. — Назови их.

Охранник на волокуше вздрогнул.

— Что?

— Имена караванчиков. Тех, кого помнишь.

Дейр понял не сразу, но Тарен понял за него.

— Дорога держит их как роли в повторении. Нужно вернуть им имена.

Дейр закрыл глаза. Боль, усталость и чужие варианты жизни всё ещё путали память, но теперь он сопротивлялся им сознательно.

— Орен Белл, — произнёс он. — Вёл первую повозку. Ругается на лошадей, но кормит их яблоками.

Внутри круга мужчина с ребёнком на руках резко вдохнул и стал плотнее.

— Сейна Марр, торговка тканями. Синий плащ. Ненавидит дождь.

Женщина возле перевёрнутой повозки подняла голову.

— Бранн Хесс. Левое ухо плохо слышит. Должен мне две печати.

— Очень важная подробность, — пробормотал Каэл.

— Для памяти — да, — тихо сказал Аэрин.

Дейр продолжал. С каждым именем один из караванчиков становился менее похож на фигуру петли и больше на человека: с грязью на лице, страхом в глазах, собственной болью, собственной волей. Кто-то плакал, кто-то смотрел по сторонам, кто-то пытался помочь соседу подняться.

Серебряные волки внутри круга начали таять. Они больше не находили теней, через которые могли вернуться. Повторение распадалось не от силы, а от того, что люди переставали быть его безымянными частями.

— Теперь! — сказал Эллиан.

Каэл подхватил Аэрина под плечи, хотя тот пытался сам встать. Тарен направил посох к ближайшему разрыву в круге. Голубо-фиолетовая линия вытянулась от Нулевой версты к внешней дороге.

Первым вышел Орен Белл с ребёнком на руках. Он споткнулся на границе, но Каэл успел придержать его свободной рукой. За ним выбежала Сейна Марр, потом Бранн Хесс, ещё двое охранников и пожилая женщина с разбитым лбом. Каждый, переступая черту, вскрикивал, будто проходил через ледяную воду.

Последним из петли вышел мальчик лет десяти, которого Дейр не назвал. Он остановился прямо на границе, глядя в сторону повозок, оставшихся внутри.

— Мама, — прошептал он.

Сейна Марр обернулась к нему.

— Лио!

Она бросилась назад, но круг уже снова затягивался.

Мальчик стоял неподвижно. За его спиной внутри петли возникла женщина в дорожном платье — та самая, которую они видели среди непрожитых жизней. В одном варианте она смеялась, в другом умирала. Теперь её образ был почти прозрачным.

Дейр попытался подняться.

— Я не помню его фамилию.

Эллиан удерживал линию выхода, но чувствовал, как она слабеет. Без имени мальчик оставался для дороги частью сцены, а не человеком.

— Лио! — крикнула Сейна. — Лио, смотри на меня!

Мальчик посмотрел, но не шагнул.

Тарен сделал шаг к границе, и серебряная бабочка опустилась перед ним. Она не говорила. Просто висела в воздухе, словно вопрос.

Тарен понял цену мгновения: он мог обратиться к фейской силе глубже, чем прежде. Не договором, не клятвой, а просьбой к самому пути. Но путь любил имена, а у них не было полного имени ребёнка.

Тогда Каэл сказал:

— Лио, она выйдет, если ты выйдешь первым.

Все посмотрели на него.

Каэл сам не знал, правда ли это. Но мальчик услышал в его голосе то, чего сейчас не могли дать ни маги, ни дорога: уверенность взрослого человека, который обещает, потому что иначе ребёнок не сдвинется с места.

— Ты уверен? — спросил Лио.

Каэл посмотрел на прозрачную женщину за его спиной. Не на дорогу. Не на варианты. На ребёнка.

— Да.

Эллиан резко повернул голову к нему. На лице прорицателя мелькнуло понимание: обещание само стало линией. Не магической формулой и не пророчеством. Выбором, за который Каэл принял ответственность.

Тарен подхватил эту линию. Фиолетовый свет мягко коснулся плеча мальчика.

— Иди, — сказал он. — Дорога услышала.

Лио шагнул.

Граница пропустила его.

Женщина за ним улыбнулась и начала исчезать.

Сейна успела подхватить мальчика на руки, рыдая и повторяя его имя так, будто боялась снова потерять. Каэл не успел спросить, была ли она его матерью или просто человеком, который взял на себя эту роль в караване. Сейчас это не имело значения.

Мира у чёрного камня тоже исчезала.

Галлен смотрел на неё, не двигаясь.

— Она уйдёт, — сказал он.

— Да, — ответил Тарен.

— Я снова останусь без ответа.

— Да.

Галлен кивнул, будто именно честность окончательно убедила его не тянуться к осколку.

— Мира, — произнёс он.

Образ сестры повернулся.

— Я искал тебя.

Она улыбнулась. На мгновение в этой улыбке не было ни дороги, ни ловушки. Может быть, это была только память Галлена. Может быть, одна из возможностей. Может быть, прощение, которое он сам создал, чтобы выжить.

— Знаю, — сказала она.

И исчезла.

Чёрный камень треснул.

Не громко. Почти тихо, как старое дерево, наконец уступившее зиме. Но трещина прошла через весь круг. Серебряные линии погасли одна за другой, дороги, уходившие в воздух и камень, свернулись, а осколок путевого знака на вершине Нулевой версты стал тусклым и тяжёлым.

Колокол ударил в последний раз.

На этот раз звук пришёл не из-под земли, а издалека — словно где-то за много миль обычный городской колокол отметил конец дня.

Петля закончилась.

Несколько мгновений никто не двигался.

Потом все начали падать, говорить и дышать одновременно.

Караванчики опустились на землю кто где стоял. Кто-то плакал. Кто-то смеялся. Орен Белл всё ещё держал ребёнка, хотя тот уже возмущённо требовал отпустить его и уверял, что может стоять сам. Сейна Марр обнимала Лио так крепко, что мальчик почти не мог дышать. Бранн Хесс нашёл Дейра взглядом и, пошатываясь, подошёл к волокуше.

— Две печати? — спросил он хрипло.

Дейр открыл один глаз.

— С процентами.

— После магической петли?

— Особенно после магической петли.

Каэл сел прямо на камни рядом с Аэрином и наконец позволил себе опустить плечи. Он выглядел так, словно вся усталость последних часов догнала его одновременно.

— Ты действительно собираешься ругать меня сейчас? — спросил он брата.

Аэрин лежал на спине, глядя в потемневшее небо между ветвями.

— Да.

— Может, сначала скажешь спасибо?

— Спасибо.

Каэл повернул голову.

— Правда?

— Да. А теперь я собираюсь ругать тебя.

— Порядок мне не нравится.

— Тебе редко нравится порядок.

Эллиан опустился рядом, потому что стоять больше не мог. Руки болели от удержания заклинания, голова гудела, а перед глазами всё ещё плавали серебряные линии. Тарен сел на другую сторону от Каэла, осторожно прижимая ладонь к ушибленным рёбрам.

Несколько секунд они молчали втроём.

Потом Каэл посмотрел на Эллиана.

— Ты сказал, что удержишь путь.

- Да.
- Удержал.
- Очевидно.
- Просто принимай похвалу, Эл.

Эллиан хотел ответить привычной сухой фразой. Вместо этого посмотрел на Каэла — грязного, окровавленного, усталого, живого — и почувствовал, что слова застряли где-то слишком глубоко.

- Ты тоже, — сказал он наконец.
- Что?
- Сделал то, что обещал.

Каэл моргнул, словно не ожидал услышать это так прямо. Затем отвёл взгляд к Аэрину.

- Да. Ну. Я редко даю разумные обещания, но иногда они удаются.

Тарен закрыл глаза.

- Запомню эту формулировку для будущих случаев.

- Тебе нельзя использовать её против меня.

- Ты произнёс её при свидетелях.

- Дейр без сознания.

С волокуши донёсся голос:

- Нет.

Каэл вздохнул.

- Предатель.

- Я выбираю сторону того, кто меньше тянул меня через разломы вероятности.

Эллиан посмотрел на него.

- Это, вероятно, я.

— Не уверен. Но ты хотя бы делал это с видом человека, страдающего от неправильной организации процесса.

Даже Аэрин тихо усмехнулся.

Галлен всё ещё стоял у расколотой Нулевой версты.

Каэл заметил это первым. Он медленно поднялся, хотя Эллиан видел, как трудно ему далось движение. Старший Ривен тоже попытался сесть, но Каэл положил руку ему на плечо.

- Нет.

Аэрин посмотрел на него.

- Ты только что сказал мне «нет»?

- Да.

- Смело.

- Я сегодня спас тебя из временной петли. У меня есть запас смелости примерно на час.

Аэрин помолчал.

- Полчаса.

- Договорились.

Каэл подошёл к Галлену. Мужчина не сопротивлялся. Он смотрел на тусклый осколок, лежавший на чёрном камне, и, казалось, не видел ничего вокруг.

- Галлен Роуд, — сказал Каэл.

Тот медленно повернул голову.

- Она ушла.

- Да.

- Я не хотел убивать их.

Каэл не ответил сразу. Он мог бы сказать, что это не важно. Что люди всё равно страдали. Что Аэрин умирал снова и снова. Всё это было правдой.

Но он вспомнил дорогу, где Эллиан уезжал каждый год, а он улыбался и называл это правильным выбором. Желание, страх и любовь могли стать жестокими не потому, что человек хотел зла, а потому, что не мог отпустить собственную боль.

Это не оправдывало Галлена.

Но делало его человеком, а не чудовищем.

— Знаю, — сказал Каэл. — Но ты почти сделал это.

Галлен кивнул.

— Я пойду со стражей.

— Пойдёшь.

— Камень...

— Камень заберёт архив. После того как его свяжут маги. И после того как мой брат решит, что может стоять, хотя не может.

Галлен впервые посмотрел на Аэрина. Потом на караванщиков.

— Я должен им сказать.

— Что?

— Что виноват.

Каэл изучал его несколько мгновений, затем отступил в сторону.

— Тогда скажи.

Галлен прошёл мимо него к людям, которые ещё недавно были пленниками его надежды. Никто не бросился на него. Возможно, у них просто не было сил. Возможно, дорога забрала слишком много ужаса, оставив после себя тупую усталость. Но когда Галлен остановился перед ними и произнёс первые слова, Сейна Марр ударила его по лицу.

Звук вышел громким и неожиданно обычным.

Галлен не уклонился.

— Справедливо, — сказал Дейр с волокуши.

— Это только начало, — ответила Сейна, прижимая к себе Лео.

Каэл вернулся к друзьям.

— Камень нужно забрать.

Эллиан уже смотрел на осколок. После завершения петли он стал не больше крупной плитки, покрытой древними знаками. Часть надписи ещё читалась: не словами, а ощущением направления, расстояния и запрета. Эллиан не собирался прикасаться к нему голыми руками.

— Завернём в ткань, на которую я нанесу удерживающие знаки. Потом передадим Ардену.

Аэрин приподнял голову.

— Ардену?

— Моему отцу.

— Он будет рад?

Эллиан посмотрел на повреждённый осколок, измученных караванщиков, Галлена с разбитой губой и Каэла, который стоял только из упрямства.

— Как архивист — да. Как отец — нет.

Каэл усмехнулся.

— Мара тоже не будет рада.

Аэрин закрыл глаза.

— Мара будет громче.

— Значительно громче, — подтвердил Каэл.

Тарен поднялся и подошёл к расколотой Нулевой версте. Серебряная бабочка всё ещё кружила над камнем. Теперь она казалась почти обычной, если не считать того, что её крылья не отбрасывали тени.

— Ты всё ещё видишь её? — спросил Эллиан.

Тарен не стал делать вид, что не понял.

— Да.

Каэл тоже подошёл ближе. Его лицо стало серьёзным, но не испуганным.

— Она говорит?

Бабочка села на край осколка.

Тарен некоторое время слушал тишину.

— Нет.

— Хорошо, — сказал Каэл.

— Почему хорошо?

— Потому что, если бы она сейчас дала загадочный совет, я бы мог сказать что-нибудь невежливое богине или тому, кто притворяется богиней. В любом случае день стал бы ещё сложнее.

Тарен посмотрел на него с такой мягкой усталой благодарностью, что Каэл быстро отвёл взгляд и сделал вид, будто проверяет тетиву.

Эллиан заметил.

Но он лишь достал из сумки кусок чистой ткани, разложил его на земле и начал чертить защитные знаки.

— Каэл, мне нужен твой нож.

— Он в волке.

— В каком именно?

— Который исчез.

Эллиан медленно поднял голову.

Каэл развёл руками.

— День был напряжённым. Я не успевал вести учёт снаряжения.

Аэрин, не открывая глаз, произнёс:

— В левом сапоге.

Каэл застыл.

— Что?

— Запасной нож. В левом сапоге.

— Откуда ты знаешь?

— Я старший брат.

— Это не объяснение.

— Для тебя — достаточное.

Каэл с недовольным видом вытащил нож из левого сапога и передал Эллиану. Тарен тихо рассмеялся, но тут же поморщился из-за ушибленных рёбер.

— Не смейся его, — сказал Эллиан, принимая нож.

— Я лежу раненый, — заметил Аэрин. — Мне можно.

— Ты всегда такой? — спросил Дейр с волокуши.

Каэл посмотрел на него.

— Хуже. Обычно он стоит.

Упаковка осколка заняла больше времени, чем хотелось. Эллиан нанёс на ткань знаки удержания, Тарен добавил к ним тонкие фейские нити, не связывающие камень, а скорее усыпляющие оставшееся в нём движение. Когда они вместе завернули осколок, тот дёрнулся всего один раз — будто дорога во сне попыталась вспомнить, куда вела.

Потом всё стихло.

Лес вокруг начал возвращать цвет. Сначала зелень проступила на листьях ближайших деревьев, затем коричневым стали стволы, потом серым — обычным, не серебряным — камни дороги. Нулевая верста осталась чёрной, расколотой и мёртвой.

Далеко за деревьями послышался настоящий звук воды.

Сарвен.

Каэл поднял голову.

— Мы рядом с рекой.

Эллиан прислушался.

— Возможно, дорога вернула нас ближе к внешнему тракту.

— «Возможно» запрещено вместе с «кажется», — напомнил Каэл.

— Тогда: дорога, вероятно, вернула нас ближе к внешнему тракту.

— Это то же самое в более дорогой одежде.

— Да.

Тарен посмотрел на едва заметную просеку между деревьями. Там, где раньше не было ничего, теперь виднелась обычная лесная тропа. Сумеречный свет за ней выглядел настоящим. Не серебряным, не голубым, не вырванным из чужого будущего.

Просто вечер.

— Выход там, — сказал он.

Каэл поднял Аэрина с одной стороны. Эллиан хотел помочь, но старший Ривен качнул головой.

— Лучше держи камень.

— Камень легче тебя.

— И опаснее.

— Это спорно.

— Эллиан.

Интонация была почти такой же, какой Аэрин говорил с Каэлом.

Эллиан удивился, но подчинился. Завёрнутый осколок он взял обеими руками. Ткань была холодной даже через перчатки.

Дейра снова устроили на волокуше. Несколько караванщиков, оправившись от первых минут после петли, помогли укрепить крепления и взяли часть груза. Галлен шёл сам, под надзором Бранна Хесса и Сейны Марр, причём последняя держала в руке тяжёлую деревянную скалку, найденную среди припасов. Откуда в караване взялась скалка, никто не спрашивал. Галлен тоже не спрашивал, и это было мудро.

Перед тем как уйти, Тарен ещё раз оглянулся на Нулевую версту.

Серебряная бабочка поднялась с камня и полетела к нему. Каэл напрягся. Эллиан перехватил жезл свободной рукой, хотя держал осколок.

Бабочка остановилась перед лицом Тарена.

На этот раз голос прозвучал едва слышно, как шорох крыльев у самого уха:

С пути, который выбирают вместе, труднее свернуть.

Тарен молчал.

— Что она сказала? — спросил Каэл.

Эльф медленно перевёл взгляд на друзей. Ещё вчера он, возможно, ответил бы чем-нибудь вроде «ничего определённого» или «позднее поймём». Сейчас он чувствовал усталость от собственных недомолвок почти сильнее, чем боль в груди.

— Она сказала: «С пути, который выбирают вместе, труднее свернуть».

Каэл нахмурился.

— Это угроза или поддержка?

— Да, — ответил Тарен.

Каэл закрыл глаза.

— Тар.

— Я правда не знаю.

Эллиан посмотрел на исчезающую бабочку.

— Тогда запишем как наблюдение.

— В твоём исполнении это звучит как способ не признавать, что ты тоже не знаешь, — сказал Каэл.

— Именно.

Аэрин, опираясь на плечо брата, тихо произнёс:

— Вы все стали хуже за эти два года.

— Лучше, — возразил Каэл.

— Громче.

— Это тоже развитие.

Они пошли к выходу.

Тропа вывела их из леса не сразу. Несколько раз деревья впереди стучались, будто Исчезнувшая миля пыталась вспомнить себя и снова сомкнуться. Но каждый раз кто-то произносил имя: Дейр называл караванщиков, Каэл — Аэрина, Эллиан — Тарена и Каэла, Тарен — всех троих. И дорога оставалась дорогой.

Когда они наконец вышли к обычному тракту, солнце уже клонилось к закату.

Разбитые повозки стояли на месте ложного нападения. Раненый конь исчез — вероятно, стражники уже увели его в город. На дороге виднелись свежие следы дозорных. Где-то далеко со стороны Риверфолла раздались голоса.

Каэл остановился первым.

За северо-западным мостом, в вечернем свете, виднелись стены города.

Настоящие.

Дым поднимался из труб. На башне у ворот горел фонарь. Сарвен шумел у последних порогов, и этот звук не повторялся, не запаздывал и не складывался в чужие голоса.

Дорога домой больше не менялась.

Эллиан стоял рядом с Каэлом, держа завёрнутый осколок. Тарен чуть позади поддерживал Дейра, который отказывался признать, что почти потерял сознание. Аэрин опирался на младшего брата, хотя делал вид, что это просто удобно Каэлу.

Некоторое время никто не говорил.

Потом Каэл тихо произнёс:

— В следующий раз, когда я скажу, что мы только осмотрим ближайший участок дороги...

Эллиан повернул к нему голову.

— Я попрошу письменное уточнение.

— Я хотел сказать: ударь меня.

— Это может быть включено в приложение.

Тарен устало улыбнулся.

— В двух экземплярах.

Аэрин посмотрел на троих по очереди и вздохнул.

— Домой.

И на этот раз все послушались.

Глава VIII. Дорога домой

Городская стража нашла их примерно в миле от северо-западного моста.

Сначала из вечерних сумерек донёсся топот лошадей, затем между деревьями появились фонари. Обычный золотистый свет показался почти ослепительным после серебряного мерцания Исчезнувшей мили. Каэл остановился посреди дороги и поднял свободную руку, только потом вспомнив, что другой поддерживает Аэрина. Старший брат тяжело наваливался на его плечо, хотя продолжал утверждать, что способен идти самостоятельно. Тарен и Бранн Хесс тянули волокушу с Дейром, Эллиан нёс завернутый осколок дорожного камня, а остальные караванщики двигались тесной усталой группой, словно боялись снова потерять друг друга, отойдя хотя бы на несколько шагов.

Передовой всадник резко натянул поводья. Лошадь шарахнулась от внезапно появившейся на дороге толпы, всадник выругался, справился с ней и поднял фонарь выше. Свет прошёл по лицам вышедших из леса людей, задержался на окровавленном плаще Аэрина, перевязанной ноге Дейра и Галлене, которого Сейна Марр вела, крепко ухватив за пояс его собственного плаща.

— Нашли! — крикнул стражник через плечо. — Здесь караван! И Ривены!

За ним показались ещё семь всадников и небольшая крытая повозка. В центре группы ехала крепко сложенная женщина в тёмно-синем плаще городской стражи. Короткие седые пряди выбились из-под шлема, лицо было усталым и сосредоточенным. Каэл знал капитана Мирену Дорр с детства главным образом как человека, способного одним взглядом заставить Элину перестать уверять окружающих, будто разбитое окно «само выбрало неудачную вероятность». Сейчас Мирена спешила прежде, чем конь полностью остановился.

Капитан не знала, что именно произошло за пределами обычной дороги. Когда раненый конь Аэрина вернулся к северо-западным воротам без всадника, дежурный стражник отправил к ней гонца. К тому времени Каэл, Тарен и только что приехавший из Астрария Эллиан уже ушли по следу, пообещав не удаляться дальше ближайшего поворота. Первый дозор обнаружил оставленные повозки, кровь, следы борьбы и слишком очевидную цепочку отпечатков, уходящую к старому речному тракту. Второй — выяснил, что следы каравана, троих друзей и нескольких лошадей обрываются в одном месте, будто дорога проглотила всех сразу.

После этого Мирена подняла свободных стражников, вызвала лекаря, приказала предупредить семьи и разделила людей на три поисковые группы. Одна шла вдоль Сарвена, вторая проверяла лесные тропы, третья — та, которую капитан повела сама, — раз за разом возвращалась к месту исчезновения, пытаясь найти проход, невидимый для обычного взгляда.

Поэтому сейчас Мирена знала только несколько вещей: караван пропал, Аэрин мог быть ранен, трое молодых людей отправились за ним без разрешения, а на старой дороге произошло нечто магическое и достаточно серьёзное, чтобы скрыть следы десятка людей.

Всё остальное ей ещё предстояло услышать.

Она быстро осмотрела спасённых.

— Аэрин Ривен?

Аэрин приподнял голову.

— Здесь.

— Каэл?

— Тоже здесь.

Мирена посмотрела на обоих братьев.

— Разумеется.

— Это прозвучало так, будто вы разочарованы, — заметил Каэл.

— Я буду разочарована, когда узнаю, сколько приказов вы проигнорировали. Пока я занята тем, что рада видеть вас живыми.

Она произнесла это совершенно ровным голосом, однако ладонь на мгновение легла Аэрину на здоровое плечо. Затем капитан оглядел остальных.

— Кто может говорить связно?

— Я, — ответил Эллиан.

— Это ещё предстоит проверить, — пробормотал Каэл.

Мирена перевела взгляд на молодого мага. Она узнала его не сразу: высокий, перепачканный кровью и дорожной пылью Эллиан мало напоминал болезненного мальчика, которого она помнила учеником Риверфолльской башни. Однако серо-голубые глаза, серьёзное выражение лица и привычка держать опасный предмет так, словно он одновременно являлся угрозой и сложной задачей, сомнений почти не оставляли.

— Эллиан Торвис?

— Да.

— Ты вернулся сегодня.

— Формально я всё ещё возвращаюсь.

Каэл коротко хмыкнул.

— Он даже дома не успел побывать.

Мирена посмотрела на завёрнутый свёрток в руках Эллиана.

— Кратко. Что произошло?

Эллиан на мгновение замолчал, отделяя важное от того, что могло подождать до письменного отчёта.

— Возле оставленных повозок находился скрытый древний путь. Он искажал расстояние, время и возможные исходы событий. Караван оказался разделён между несколькими вариантами одной дороги. В центре аномалии находился повреждённый дорожный камень и повторяющаяся временная петля. Мы закрыли путь и вывели тех, кого смогли найти.

Мирена несколько мгновений смотрела на него.

— Это было кратко?

— В академическом понимании.

— Боюсь спрашивать полную версию.

— Она потребует схем.

— Разумеется.

Капитан указала на свёрток.

— Это камень?

— Его фрагмент. Сейчас он связан удерживающими знаками Тарена и моими, но всё ещё может быть опасен.

Мирена перевела взгляд на Галлена.

— А он?

Дейр приподнялся на локте, поморщился от боли и заговорил раньше остальных:

— Галлен Роуд. Бывший городской землемер. Пришёл к каравану с поддельным распоряжением и потребовал передать ему камень. Он начал ритуал.

— Я начал, — подтвердил Галлен, не поднимая глаз.

— Зачем? — спросила Мирена.

Галлен посмотрел на пустую дорогу за спиной.

— Искал сестру.

Капитан задержала на нём взгляд, но расспрашивать дальше не стала.

— Остальное расскажете в Риверфолле.

Она повернулась к караванщикам.

— Сколько вас должно было быть?

Люди переглянулись. Ответили сразу трое, и названные числа не совпали.

Мирена нахмурилась.

— Почему разные ответы?

— Дорога смешивала воспоминания и возможные жизни, — объяснил Тарен с края волокуши. — Некоторые из них до сих пор не уверены, что происходило на самом деле.

— Имена помогали удерживать людей в настоящем, — добавил Эллиан. — Лучше записать каждого найденного и сразу сверить списки между собой.

Мирена развернулась к стражникам.

— Двое осматривают раненых и помогают лекарю. Ещё двое записывают имена всех найденных: отдельными списками, не подсказывая друг другу. Потом сравните записи. Если кто-то назовёт другое имя, другую профессию или другую семью — ничего не исправлять, отметить оба варианта.

Она указала на Галлена.

— Его отделить от остальных. Руки поверх ожогов не связывать, но не позволять касаться камня, оружия или любых магических предметов.

— Он не сопротивляется, — сказала Сейна Марр.

— Сейчас — нет. Это не отменяет осторожности.

Капитан посмотрела на дорогу, ведущую обратно к месту исчезновения.

— Первый дозор останется здесь до рассвета. Никто не возвращается к повозкам в одиночку и не сходит с тракта. Если увидите неизвестную дорогу, собственные следы впереди себя или услышите голос человека, которого рядом нет, не проверяйте, настоящий ли он. Отступайте и зовёте мага.

Каэл посмотрел на Эллиана.

— Нам стоило получить эти указания утром.

— Мы получили указание не уходить далеко, — напомнил Эллиан.

— Оно было менее подробным.

— Зато значительно проще для исполнения.

— И всё же мы не справились, — заметил Тарен.

Мирена услышала.

— Именно поэтому ваше объяснение будет особенно длинным.

— В Астрарии считали, что первый день после долгого путешествия следует проводить спокойно, — сказал Эллиан.

Капитан посмотрела на его грязную одежду, перевязанные ладони и опасный артефакт.

— Хороший совет.

— Уже поздно ему следовать.

— Зато можно включить в письменный отчёт. В раздел «Решения, которые следовало принять раньше».

Каэл тихо фыркнул.

Мирена повернулась к нему.

— Твоё объяснение будет отдельным.

— Я ничего не делал отдельно.

— Это меня и тревожит.

Только после этого из крытой повозки выбрался молодой лекарь с такой огромной сумкой, что сам казался приставленным к ней вспомогательным предметом. Он попытался начать осмотр с Дейра, но охранник указал на Аэрина. Аэрин, в свою очередь, указал на Дейра. Каэл вмешался и заявил, что оба спорят из упрямства и поэтому лекарь должен осмотреть того, кто выглядит хуже.

Лекарь посмотрел на них по очереди.

— Вы все выглядите плохо.

— Тогда начни с него, — одновременно сказали Аэрин и Дейр, указывая друг на друга. Мирена закрыла глаза.

— Мастер Фаррен, начните с человека со сломанной ногой. Аэрин Ривен не умрёт в ближайшие пять минут исключительно из страха, что младший брат использует это как повод рассказать всем, будто оказался выносливее.

Каэл поднял брови.

— Я бы никогда.

Аэрин посмотрел на него.

— Ты уже рассказываешь это лицом.

— Я спас тебя из временной петли. Мне позволено немного гордости.

— Немного.

— Уточни количество.

— Позднее.

Лекарь склонился над Дейром. Стражники помогли Аэрину сесть в повозку, хотя для этого Мирене пришлось приказать ему трижды, а Каэлу — пригрозить поднять старшего брата на руки. Угроза подействовала мгновенно.

— Ты не поднимешь, — сказал Аэрин.

— Проверим?

Аэрин самостоятельно забрался внутрь.

Тарен наблюдал за ними с едва заметной улыбкой. Потом пошатнулся, и улыбка Каэла исчезла.

— Садись, — потребовал он.

— В повозке нет места.

— Найдём.

— Я могу идти.

— Ты говорил то же самое перед тем, как волк отбросил тебя через половину дороги.

— Это преувеличение.

Эллиан перевёл взгляд на Тарена.

— Примерно через треть.

— Спасибо, — сказал Каэл. — Это полностью меняет ситуацию.

— Я стремился к точности.

Тарен вздохнул и сел на край повозки рядом с Аэрином. Каэл снял с себя плащ, который после когтей, грязи и серебряного тумана едва сохранял право называться одеждой, и набросил его другу на плечи.

— Он весь в крови, — заметил Тарен.

— Большая часть не моя.

— Это не делает его чище.

— Зато делает теплее.

Тарен перестал спорить.

Эллиан стоял рядом, всё ещё удерживая завёрнутый камень. Он хотел помочь лекарю, проверить Аэрина, осмотреть Тарена и убедиться, что Галлен действительно передан страже. Вместо этого продолжал держать осколок, потому что любое неосторожное движение могло снова разбудить то, что они с таким трудом остановили.

Мирена заметила его напряжение.

— Что у тебя?

— Фрагмент древнего дорожного камня. Он был центром аномалии.

— Опасен?

— Сейчас не проявляет активности.

— Это не ответ.

— Да, — признал Эллиан. — Опасен.

Капитан посмотрела на свёрток, затем на него.

— Куда его?

— В городской архив. Мой отец сможет подготовить защищённое хранилище. Но прежде нужны дополнительные печати. Желательно пригласить кого-нибудь из магической башни.

— Я отправлю человека к старшему магистру Дейн.

— И к Серелии Торвис, — добавил Тарен с повозки. — Её магия клятв может удержать намерение камня лучше обычного барьера.

Мирена кивнула одному из всадников.

— Магическая башня, архив и дом Торвисов. Скажи, что Эллиан вернулся и принёс с собой древнюю угрозу.

Эллиан посмотрел на неё.

— Моя мать может неверно расставить смысловые акценты.

— Пусть считает это подготовкой к разговору.

Всадник умчался к городу.

Галлен стоял немного в стороне под охраной двух стражников. Его лицо после удара Сейны распухло, руки были перевязаны, а взгляд оставался опущенным. Он не пытался бежать. Когда Мирена подошла к нему, мужчина назвал имя, профессию и признал, что использовал поддельный городской приказ, вмешался в перевозку камня и провёл ритуал без разрешения.

Капитан выслушала, не перебивая.

— Остальное расскажете в Риверфолле.

— Я расскажу всё.

— Надеюсь. Это не отменит того, что вы сделали, но избавит нас от необходимости угадывать.

Галлен посмотрел на караванщиков.

— Они будут жить?

Мирена перевела взгляд на лекаря.

— Большинство — да. Окончательно станет ясно после осмотра.

— А те, кто остался на дороге?

Наступившая тишина оказалась тяжелее предыдущей. Среди спасённых не было всех, кто отправился с караваном. Дейр назвал имена нескольких людей, которых они видели лишь как непройденные жизни или неподвижные фигуры внутри петли. Эллиан не мог сказать, существовали ли они ещё где-то среди разорванных вероятностей или погибли до появления Исчезнувшей мили.

Мирена не стала лгать.

— Будем искать.

Галлен кивнул.

— Я помогу.

Сейна Марр, стоявшая неподалёку, стиснула губы.

— Поможешь, — сказала она. — Но не потому, что это вернёт твою сестру и не потому, что мы обязаны простить тебя.

Галлен поднял взгляд.

— Знаю.

— Хорошо. Начинаешь понимать быстрее, чем на дороге.

Стражники посадили его на отдельную лошадь, закрепив повод за седлом одного из дозорных. Руки оставили свободными, но вокруг запястий Мирена велела затянуть мягкий удерживающий ремень, чтобы Галлен не мог коснуться другого магического предмета.

Когда все были готовы, отряд двинулся к Риверфоллу.

До моста оставалось меньше часа, однако путь показался длиннее. Усталость превращала каждый шаг в отдельное решение. Каэл шёл возле повозки, время от времени проверяя Аэрина, Тарена и Дейра, хотя каждый раз делал вид, будто просто осматривает дорогу. Эллиан двигался по другую сторону, обхватив свёрток обеими руками. Серебряные знаки на ткани оставались тусклыми, но иногда камень внутри чуть менял вес, словно вспоминал другое расстояние.

Тарен заметил это.

— Он снова движется?

— Нет. Скорее пытается определить, где находится.

— И где он находится?

Эллиан посмотрел на дорогу, мост и стены города впереди.

— На пути в городской архив.

— Это ответ для нас или для камня?

— Для обоих.

Каэл повернулся через плечо.

— Скажи ему, что, если снова откроет дорогу, я выброшу его в Сарвен.

— Угрозы магическим предметам редко эффективны, — заметил Эллиан.

— Ты спорил с пространством и временем. Позволь мне попробовать собственный метод.

— Я не спорил.

Тарен приподнял бровь.

— Ты буквально сказал дороге, что событие уже произошло и она обязана продолжить его.

— Это было аргументированное утверждение.

— Значит, спор, — заключил Каэл.

— Успешный спор, — уточнил Эллиан.

Аэрин из повозки тихо произнёс:

— Два года учёбы пошли ему на пользу.

Каэл посмотрел на брата.

— Не поддерживай его.

— Почему?

— Их и так двое.

Тарен поправил окровавленный плащ на плечах.

— Мы всегда были вдвоём против тебя.

— Неправда.

— В большинстве содержательных разговоров, — уточнил Эллиан.

— Вот поэтому я скучал по вам значительно меньше, чем думал, — объявил Каэл.

— Неправда, — спокойно сказал Тарен.

— Я стараюсь сохранить достоинство.

Эллиан покачал головой, но улыбнулся. Их привычный ритм вернулся настолько естественно, что два года разлуки впервые показались не стеной, а длинной паузой в разговоре, который никто из них на самом деле не закончил.

— Попытка неудачная, — заметил он.

— Видишь? Именно по этому я и не скучал.

— Разумеется, — сказал Тарен. — Поэтому пришёл встречать его за три часа.

Каэл улыбнулся шире и отвернулся к городу.

У северо-западных ворот их ждали.

Сначала Каэл увидел Элину. Она стояла за поднятой решёткой, всматриваясь в дорогу и подпрыгивая на носках, словно это могло помочь различить людей раньше. Рядом находились Элвар, Мара, Арден, Серелия, Лорен, Иара и Элдан. За ними собрались стражники, городские

служащие, родственники караванщиков и несколько любопытных, которых никто не сумел отогнать.

Когда повозка приблизилась к мосту, ожидание разом превратилось в движение.

Мара первой бросилась навстречу, хотя Элвар попытался удержать её за локоть, напомним о лошадях и узком проходе. Она вырвалась без единого слова. Аэрин только успел открыть глаза, прежде чем мать добралась до повозки.

— Живой, — произнесла она.

Это не было вопросом.

— Живой, — подтвердил Аэрин.

Мара взяла его лицо обеими руками, быстро осмотрела кровь, порезы и бледность, а потом прижала к себе так резко, что он поморщился.

— Рёбра, — тихо сказал Аэрин.

— Потом пожалею.

— Хорошо.

Следующим она увидела Каэла.

Он стоял возле колеса, грязный, с порванной курткой и перевязками, и явно не мог решить, следует ли попытаться исчезнуть за лошадьё. Мара отпустила старшего сына и подошла к младшему.

— Я могу объяснить, — начал Каэл.

Она обняла его.

Все приготовленные объяснения исчезли.

Каэл застыл, затем медленно обнял мать в ответ. Мара держала его недолго, но крепко. Когда отступила, её глаза блестели, а выражение лица уже становилось опасным.

— Ты ушёл проверить ближайший участок дороги.

— Технически сначала так и было.

— Потом?

— Участок оказался длиннее ожидаемого.

— Насколько?

Каэл бросил взгляд на Эллиана.

— Расстояние там измерялось не совсем обычно.

Мара повернулась к молодому магу.

— Эллиан?

— У дороги была повреждена связь между расстоянием, временем и вероятностью.

Мара посмотрела на сына.

— Ты выбрал правильного человека для объяснения. Я ничего не поняла, но уже слишком устала, чтобы спрашивать дальше.

Каэл облегчённо выдохнул.

— Однако, — продолжила она, — завтра утром ты расскажешь всё сначала. Медленно. Без слов «технически», «почти» и «сначала всё было нормально».

— Можно послезавтра?

— Нет.

— Тогда после завтрака?

— До.

— Жестоко.

Элвар подошёл без спешки. Он сначала положил ладонь Аэрину на плечо, потом обнял Каэла. Его объятие было коротким и почти сдержанным, но Каэл закрыл глаза и на мгновение прислонился лбом к отцовскому плечу.

— Ты нашёл его, — произнёс Элвар.

— Да.

— Хорошо.

В одном слове оказалось больше гордости и облегчения, чем Каэл смог бы выдержать в длинной речи.

Элина ждала, пока родители закончат. Потом подлетела к братьям и обняла обоих одновременно, совершенно не обращая внимания на раны.

— Вы отвратительно выглядите, — объявила она.

— Это уже сказали, — ответил Каэл.

— Тогда почему ничего не исправили?

— Мы были заняты возвращением из несуществующей дороги.

Элина отступила и осмотрела его.

— Топот, ты умудрился потеряться на дороге, которой нет?

— Я никого не терял.

— Тебя искала половина стражи.

— Я знал, где нахожусь.

Эллиан, проходя рядом, заметил:

— Это утверждение верно только для отдельных промежутков времени.

Элина мгновенно повернулась к нему. На лице появилась широкая улыбка.

— Сноска!

Она обняла Эллиана прежде, чем тот успел подготовиться. Свёрток с камнем оказался зажат между ними, и Эллиан поспешно отвёл его в сторону.

— Осторожно. Это опасный артефакт.

— Ты вернулся с опасным артефактом в первый же день?

— Не намеренно.

— Я горжусь тобой.

— Не уверен, что это подходящая реакция.

— Значит, ты действительно вернулся.

Она отпустила его, задержав руки на плечах, и внимательно посмотрела в лицо. Шутливость на мгновение исчезла.

— Ты цел?

— В основном.

— «В основном» — это не ответ.

— Сегодня это самый точный доступный ответ.

— Тогда придётся поверить.

Элина перевела взгляд с Эллиана на Каэла, затем на Тарена и Аэрина. Каэл продолжал проверять состояние каждого из них, словно за последние несколько минут кто-то мог незаметно получить новую рану.

— Ты собираешься пересчитать всех ещё раз? — спросила она.

— Проверяю, что никто не исчез.

— Топот, вас видно от городских ворот.

— Это не доказательство. Сегодня я уже видел слишком много людей, которых одновременно было видно и не существовало.

Элина ненадолго утратила насмешливое выражение.

— Хорошо. Все здесь. Но теперь твоя очередь позволить кому-нибудь проверить тебя.

Тарен всё ещё сидел на краю повозки. Иара подошла к нему тихо, но он заметил её сразу. На лице матери не было ни паники, ни упрёка. Она лишь положила ладонь ему на щёку, и Тарен прикрыл глаза.

— Ты видел её, — сказала Иара.

Каэл, стоявший неподалёку, напрягся. Эллиан тоже услышал.

Тарен открыл глаза.

— Да.

— На дороге?

— Несколько раз.

Иара перевела взгляд на серебряные нити, которыми был перевязан свёрток в руках Эллиана, затем на сына.

— Она говорила?

— Да.

Элдан встал рядом с женой. Чем сильнее он тревожился, тем спокойнее становилось его лицо.

— Что сказала?

Тарен помолчал. Привычка спрятать ответ возникла сама собой: не здесь, не перед всеми, не сейчас, когда никто не выпался и рядом стоял опасный камень. Но Каэл и Эллиан уже знали. Он пообещал не принимать решения за них одним молчанием.

— Сначала потребовала выбрать между ней и друзьями, — ответил Тарен. — Позже сказала, что с пути, который выбирают вместе, труднее свернуть.

Элдан нахмурился.

— Ты уверен, что это была Лирантэль?

— Нет.

Отец кивнул.

— Хороший ответ.

Каэл тихо сказал Эллиану:

— Наконец кто-то одобряет его неопределённость.

— В данном случае она точна.

— Не поддерживай эту привычку.

Иара обняла Тарена. Он сначала замер, потом опустил голову ей на плечо. Элдан положил руку ему на спину, и несколько мгновений трое Вейлов стояли отдельно от шума ворот, словно создавали вокруг себя маленькое тихое пространство.

Арден тем временем подошёл к Эллиану. Он остановился в двух шагах, посмотрел на сына, на свёрток, снова на сына и снял очки, чтобы протереть их краем рукава, хотя стёкла были чистыми.

— Ты должен был приехать перед закатом, — сказал он.

— Повозка прибыла раньше.

— Я вижу.

— Потом появился конь Аэрина.

— Разумеется.

— Мы нашли поддельные следы нападения.

— Разумеется.

— Затем дорогу, которой не было на картах.

Арден снова надел очки.

— На этом этапе я перестаю считать происходящее естественным продолжением путешествия.

Эллиан попытался улыбнуться и обнаружил, что лицо слушается хуже, чем хотелось.

— Прости.

Арден подошёл и обнял его, осторожно обходя свёрток.

— За возвращение не извиняются.

Эллиан сжал пальцы на ткани. Он не позволял себе думать о доме, пока они шли по Исчезнувшей миле. Дом был целью, которая могла превратиться в очередное видение. Теперь рядом пахло бумагой, древесной пылью и знакомыми травами, которыми отец защищал книги от сырости.

Арден был настоящим.

— Я скучал, — тихо сказал Эллиан.

— Знаю.

Арден отступил и посмотрел на камень.

— А теперь покажи, что ты принёс в мой архив.

— Сначала защитное хранилище.

— Уже готовят. Серелия заставила двух стражников освободить нижнюю комнату ещё до того, как они успели объяснить, что произошло.

Серелия подошла следом. Она выглядела безупречно собранной, но Эллиан заметил, как побелели пальцы, сжимавшие край плаща. Мать коснулась его лица, затем внимательно осмотрела руки.

— Ожоги?

— Следы ремня.

— Который удерживал Каэла внутри временной петли, — с готовностью пояснила Элина.

От неожиданности Каэл повернулся к сестре.

— Откуда ты знаешь?

— Стражник успел рассказать часть дороги. Остальное я восстановила по твоему лицу.

Серелия посмотрела на Эллиана.

— Временной петли?

— Вероятностной с временным повторением, — уточнил он.

— Это лучше?

— Нет.

— Хорошо. Тогда подробное объяснение мы отложим до момента, когда лекарь подтвердит, что вы способны сидеть за столом и не падать.

Лорен всё это время стоял рядом с родителями, будто сдерживался только потому, что вокруг находились раненые, лошади, стражники и опасный магический предмет. За два года он заметно вырос. Теперь младший брат почти сравнялся с Эллианом по росту, хотя оставался более худым и подростково нескладным. Тёмно-каштановые волосы растрепались, ученическая мантия была застёгнута неправильно, а серо-голубые глаза сияли одновременно облегчением, тревогой и таким количеством невысказанных вопросов, что они, казалось, мешали ему дышать.

Эллиан успел лишь произнести:

— Лор...

Лорен бросился к нему и крепко обнял.

Никакого осторожного приветствия, никакого заранее подготовленного вопроса о дороге или вероятностной магии. Он просто обхватил старшего брата руками, прижался лицом к его плечу и замер, словно только теперь окончательно поверил, что Эллиан действительно вернулся.

Эллиан пошатнулся от неожиданности, удерживая камень в стороне, а затем рассмеялся — негромко, счастливо и совершенно не так сдержанно, как смеялся последние два года среди каменных галерей Астрария. Свободной рукой он прижал Лорена к себе, а потом привычным движением растрепал ему волосы ещё сильнее.

— Ты стал выше, — сказал он.

Лорен не отпустил его.

— А ты всё равно выше.

— Ненамного.

— Достаточно.

Эллиан снова провёл ладонью по его волосам. Это движение вернулось настолько естественно, будто между ними не было двух лет разлуки, редких писем и расстояния в сотни миль.

— Я тоже очень рад тебя видеть, — тихо сказал он.

Лорен наконец отстранился, но продолжал держаться за рукав брата.

— Я знал, что ты вернёшься.

— Правда?

— Да. Я проверял дорогу каждый день.

Арден поднял брови.

— Каждый день?

Лорен слегка смутился.

— Иногда дважды.

— Он заставлял меня ходить с ним, — сообщила Элина.

— Ты сама приходила.

— Чтобы ты не потерялся по пути к воротам.

— Я ни разу не потерялся.

— Потому что я была рядом.

Эллиан улыбнулся и снова взъерошил брату волосы.

— Некоторые вещи в Риверфолле совершенно не меняются.

Лорен попытался пригладить причёску, но сделал только хуже.

— Ты правда удерживал вероятность открытой? — спросил он, вспомнив наконец о вопросах.

Серелия закрыла глаза.

— Лорен.

— Я уже обнял его и убедился, что он жив.

— Это не отменяет необходимости дать ему отдохнуть.

— Тогда только один вопрос.

Эллиан посмотрел на брата.

— Ты никогда не задавал только один.

— Я могу начать сегодня.

— Это было бы наиболее необычным событием дня.

Лорен задумался.

— Даже необычнее временной петли?

— Не будем торопиться с выводами.

Камень передали Ардену, Серелии и двум прибывшим магам башни. Эллиан помог начертить на переносном сундуке удерживающие знаки, после чего свёрток поместили внутрь и запечатали тремя замками: обычным железным, арканическим и словесной печатью Серелии. Она положила ладонь на крышку и произнесла:

— Пока этот сундук находится под защитой дома Торвис и городского архива, ни одна дорога не начнётся внутри него без добровольного решения трёх хранителей.

Тонкая серебряная линия прошла по краям крышки.

Камень внутри перестал менять вес.

Один из магов башни выдохнул.

— Три хранителя?

— Арден, представитель башни и капитан стражи, — объяснила Серелия. — Ни один не сможет открыть сундук один.

Мирена одобительно кивнула.

— Наконец что-то сегодня нельзя сделать втроём без разрешения.

Каэл посмотрел на друзей.

— Думаю, это было о нас.

— Несомненно, — сказал Эллиан.

После этого события разделились на несколько потоков. Галлена увели в городскую караульную башню, где ему должны были оказать помощь и записать показания. Караванщиков направили в дом лекаря, ближайшие гостиницы и к родственникам. Дейр отправился вместе с ними, продолжая спорить с Бранном о процентах на две печати. Аэрина, Каэла и Тарена Иара настояла осмотреть в доме Ривенов, где было больше места и меньше людей, способных мешать лечению.

Эллиан собирался пойти вслед за архивным сундуком.

Каэл заметил это.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Аэрин уже в повозке. Тарену я только что отдал плащ и велел сесть. Теперь твоя очередь перестать делать вид, что ты единственный человек, которому не нужен отдых.

— Камень должен быть помещён в защищённое хранилище.

— Он под тремя замками, двумя магами, твоими родителями и капитаном стражи. Мы все идём к нам домой.

— Ты тоже ранен.

— Именно поэтому Мара сможет отчитывать нас одновременно.

Арден, уже готовившийся сопровождать сундук, посмотрел на сына поверх очков.

— Иди.

— Но...

— Я архивист, Эллиан. Я сумею донести один закрытый сундук до архива без помощи человека, который удерживал разрушенную вероятность и ещё не признал, что устал.

Серелия добавила:

— Кроме того, если ты последуешь за нами, Мара придёт за тобой лично. Тогда город получит ещё одно происшествие.

Эллиан сдался.

Дом Ривенов находился на северо-восточной окраине города, и до него добрались в повозке. Улицы Риверфолла казались непривычно яркими. В окнах горел свет, из открытых дверей доносились голоса, по мостовым стучали сапоги, пахло дымом, рекой, хлебом и кожей. После Исчезнувшей мили обычная неправильность живого города — кривые вывески, спорящие торговцы, лужи и посыльные, не смотрящие под ноги, — ощущалась почти драгоценной.

Тарен сидел между Каэлом и Эллианом. Аэрин лежал напротив, прикрыв глаза. Элина ехала на козлах рядом с возницей и каждые несколько минут оборачивалась, чтобы убедиться, что никто не исчез.

— Ты можешь перестать считать нас, — сказал Каэл после четвёртого взгляда.

— Вас четверо.

— Вижу, ты уже посчитала.

— Проверяю стабильность результата.

Эллиан повернулся к ней.

— Разумный подход.

— Спасибо, Сноска.

— Не поощряй её, — попросил Каэл.

— Методология верна.

— Вы действительно провели слишком много времени порознь. Забыли правильное соотношение сил.

Тарен откинул голову на стенку повозки.

— Соотношение осталось прежним.

— Трое против меня?

— Четверо, — сказал Аэрин, не открывая глаз.

Каэл посмотрел на него с предательским выражением.

— Я спас тебя.

— Именно поэтому я обязан не позволить тебе стать самоуверенным.

— Поздно.

В доме Ривенов их встретили горячей водой, чистыми бинтами, лекарствами Иары и таким количеством распоряжений Мары, что даже Каэл перестал пытаться возражать. Аэрина уложили в комнате на первом этаже. Дейр и караванщики уже находились под наблюдением городских лекарей, поэтому Иара могла сосредоточиться на семье и друзьях.

Она сняла старые повязки, промыла раны и несколько раз становилась совершенно неподвижной, ощущая пальцами остатки чужой магии. У Каэла серебряный холод задержался вдоль порезов на боку. У Тарена тёмная полоса прошла под кожей возле ушибленных рёбер. На ладонях Эллиана остались тонкие линии от вероятностного напряжения, похожие на следы чернил.

— Это исчезнет? — спросил Лорен, наблюдавший с безопасного расстояния.

— Исчезнет, — ответила Иара.

— Полностью?

— Если они несколько дней не будут снова входить в повреждённые дороги.

Каэл посмотрел на друзей.

— Легко.

Мара поставила перед ним таз с горячей водой.

— Для тебя — особенно.

— Я умею избегать магических дорог.

Все в комнате повернулись к нему.

Каэл поднял руки.

— До сегодняшнего дня умел.

Иара велела Аэрину не вставать до утра, Каэлу не натягивать лук несколько дней, Тарену не использовать сильную магию, пока не пройдёт боль в рёбрах, а Эллиану провести ночь без прорицаний.

Последнее требование вызвало у Эллиана почти такое же недовольство, как запрет на лук у Каэла.

— Простое наблюдение ближайших вероятностей не требует значительных усилий.

— Сегодня требовало, — сказала Иара.

— Условия были необычными.

— Именно поэтому тебе нужно отдохнуть.

Эллиан хотел продолжить, но Серелия, стоявшая в дверях, произнесла:

— Ты споришь с лекарем о последствиях магического истощения.

— Я уточняю.

— Нет, — одновременно сказали Каэл, Тарен и Лорен.

Эллиан посмотрел на них.

— Это становится неприятной привычкой.

— Полезной, — заметил Тарен.

К позднему вечеру всех обработали, перевязали и накормили первым ужином. Мара поставила на стол густую похлёбку, хлеб, мясной пирог, сыр и большую миску жареного картофеля. Каэл ел так, словно возвращал долг за все пропущенные приёмы пищи. Тарен сначала уверял, что не голоден, но после одного взгляда Иары взял тарелку. Эллиан медленно пил горячий бульон и временами замирал, прислушиваясь к отсутствующим звукам дороги.

За столом находились почти все три семьи. Места не хватало, пришлось принести скамьи из мастерской и несколько стульев из соседних комнат. Аэрин лежал на кушетке возле огня, но участвовал в разговоре. Элвар сидел рядом с ним. Арден и Серелия вернулись после поме-

щения камня в архив, Лорен расположился между Эллианом и Тареном, а Элина заняла место напротив Каэла с таким видом, будто готовилась вести официальный допрос.

— Начнём с самого важного, — объявила она. — Кто первым предложил войти на дорогу, которой не существовало?

Каэл указал на Тарена.

Тарен указал на серебряную бабочку, которой в комнате не было.

Эллиан указал на следы каравана как на абстрактную причину.

— Виновные отказываются сотрудничать, — заключила Элина. — Значит, продолжим. Кто первым почти погиб?

— Это очень расплывчатый вопрос, — сказал Эллиан.

— Сноска, не помогай им.

— Я и есть «они».

— Тогда не помогай себе.

Каэл поднял ложку.

— Первый волк прыгнул на меня.

— Но не убил.

— Спасибо за уточнение.

— Потом? — потребовала Элина.

— Потом дорога пыталась разделить нас, — сказал Тарен.

— И что она показала?

За столом стало тише.

Тарен посмотрел на Каэла и Эллиана. Они не договаривались скрывать увиденное, но это не означало, что каждый был готов рассказать всё перед семьями.

Каэл первым отвёл взгляд.

— Варианты будущего.

— Какие? — спросил Лорен с почти болезненным любопытством.

Эллиан сделал глоток бульона.

— Личные.

Лорен сразу понял границу и кивнул, хотя вопросов в его лице стало только больше.

Элина тоже не стала давить. Она посмотрела на брата, затем на Эллиана, и в её выражении мелькнула редкая серьёзность.

— Они были убедительными?

— Очень, — ответил Каэл.

— Но вы вернулись.

Тарен положил ладонь на стол между ними.

— Мы нашли друг друга.

Элина посмотрела на его руку, затем положила сверху свою.

— Хорошо.

Каэл добавил ладонь третьей.

— Это уже выглядит подозрительно торжественно.

Эллиан положил свою сверху последним.

— Ты мог не участвовать.

— Тогда вы бы сделали из этого традицию без меня.

Лорен немедленно накрыл их руки своей.

— Теперь точно традиция.

— Лор, — сказал Эллиан.

— Поздно.

Элина рассмеялась.

Момент торжественности окончательно разрушился, когда Каэл попытался высвободить руку, задел миску с картофелем и едва не опрокинул её на колени Серелии. Эллиан успел подхватить миску магией, хотя Иара только что запретила ему колдовать.

Все посмотрели на него.

Миска зависла в воздухе.

— Это было необходимое применение, — сказал Эллиан.

Серелия спокойно забрала миску из голубого свечения.

— Разумеется.

— Ты нарушил запрет первым, — с удовлетворением сообщил Каэл.

— Я спас ужин.

— Я спас Аэрина. Не вижу существенной разницы.

С кушетки донёсся голос старшего брата:

— Ужин сопротивлялся меньше.

После еды следовало разойтись по домам и лечь спать.

Вместо этого Каэл заявил, что они заслужили хотя бы один обычный час.

Мара посмотрела на него.

— Что ты называешь обычным часом?

— Без магических дорог, волков, петель и допросов.

Элина возмутилась:

— Это был не допрос, а семейное восстановление событий.

— Ты спросила, кто первым почти погиб.

— Для хронологии.

Каэл повернулся к Эллиану.

— Видишь? Она училась у тебя, пока тебя не было.

— Метод всё ещё требует доработки.

— Предатель.

В итоге им позволили выйти ненадолго при условии, что Аэрин остаётся дома, раненые не пьют ничего крепче слабого эля, а Эллиан не приближается к архиву. Иара добавила запрет Тарену следовать за серебряными бабочками, если они появятся.

— А если она просто пролетит рядом? — спросил Тарен.

— Смотри, но не иди.

— Разумно.

Каэл поднял палец.

— И сообщай нам.

Тарен посмотрел на него.

— Сообщу.

Они направились в «Три рога» вчетвером: Каэл, Эллиан, Тарен и Элина, которая заявила, что кто-то должен следить за соблюдением врачебных требований. Лорен хотел пойти с ними, но уснул за столом ещё до окончания спора. Эллиан осторожно разбудил его и проводил в гостевую комнату. Лорен почти сразу снова уснул, и Эллиан укрыл его одеялом, несколько мгновений постояв рядом. Тёмные волосы Лорена снова упали на лицо, и Эллиан осторожно отвёл прядь в сторону, испытывая странное, почти болезненное счастье от того, что завтра сможет просто спуститься к завтраку и увидеть брата снова.

Таверна была шумной, жаркой и тесной. Над дверью висели три почерневших охотничьих рога, в общем зале играла лютня, а возле камина спорили стражники после смены. Пахло печёным мясом, луком, хлебом, дымом и мокрыми плащами.

Каэл остановился на пороге и глубоко вдохнул.

— Вот она, настоящая магия.

— Жир, дым и слишком много людей в одном помещении? — спросил Эллиан.

— Ты провёл два года среди прорицателей и так ничему не научился.

Бренна Келл, хозяйка таверны, увидела их из-за стойки. Она оглядела перевязки, порванную одежду и усталые лица.

— Нет, — сказала она.

Каэл остановился.

— Мы ещё ничего не попросили.

— Я заранее.

— Бренна.

— Никаких драк, испытаний заклинаний, пари на меткость и рассказов, после которых половина зала решит пойти искать ту же дорогу.

— Мы хотели поесть.

— Вы уже ели. Мара прислала мальчишку и предупредила.

Каэл выглядел оскорблённым.

— Она следит за нами через весь город.

— Она твоя мать. Конечно, следит.

Бренна всё же указала им на стол возле стены и принесла четыре кружки слабого эля, хлеб, сыр и яблочный пирог.

— Пирог считается едой, — объяснила она.

— Я всегда это утверждал, — сказал Каэл.

— Ты утверждаешь это обо всём съедобном.

Тарен сел у стены, Эллиан рядом с ним, Каэл напротив, а Элина устроилась так, чтобы видеть всех троих. Первые минуты они почти не разговаривали. Обычный гул таверны заполнял молчание: смех, стук кружек, музыка, спор о цене древесины и чей-то рассказ о лошади, которая отказалась переходить мост.

Никто не умирал.

Никто не повторял один и тот же жест.

Звуки происходили после событий.

Эллиан следил за падающей каплей воска, пока та не достигла стола.

Каэл заметил.

— Всё в правильном порядке?

— Пока да.

— Хорошо.

Тарен держал кружку обеими руками, согревая пальцы.

— Мне кажется, люди за соседним столом уже трижды повторили один спор.

— Это естественное свойство выпивки, — объяснила Элина. — Не магия.

— Успокаивает.

Каэл отломил кусок пирога.

— Предлагаю новое правило. Следующая дорога, на которую мы пойдём, должна быть обычной.

— Как определить заранее? — спросил Эллиан.

— На ней не должно быть серебряных волков.

— Волки появились не сразу.

— Тогда не должно быть собственных следов впереди нас.

— Они тоже появились после входа.

Каэл посмотрел на Тарена.

— Помоги.

Тарен задумался.

— Дорога должна вести туда, куда указано на карте.

— Наконец разумный ответ.

— Но карты могут ошибаться.

Каэл положил пирог.

— Я начинаю понимать, почему ты скрывал бабочку. Не хотел, чтобы я столкнул тебя в Сарвен.

Тарен посмотрел на него поверх кружки.

— Ты бы не столкнул.

— Правильно. Я бы сначала потребовал объяснений.

— Громко.

— Очень громко.

Эллиан повернулся к Тарену.

— Ты действительно видел её с двенадцати лет?

Элина мгновенно перестала притворяться, что изучает пирог.

Тарен заметил её интерес, но теперь уже не отступил.

— Первые сны начались в двенадцать. Иногда она появлялась наяву. Не так часто и обычно ненадолго.

Каэл медленно выдохнул.

— Шесть лет.

— Да.

— Эллиан знал?

— О первых снах.

Каэл посмотрел на Эллиана.

Тот встретил взгляд спокойно.

— Он попросил не говорить.

— И ты согласился.

— Это была его тайна.

— Я не сержусь на тебя.

— Хорошо.

— На него сержусь.

Тарен кивнул.

— Знаю.

Ответ был настолько простым, что Каэл не сумел продолжить подготовленную речь. Он постучал пальцами по столу.

— Ты мог рассказать.

— Мог.

— Я бы беспокоился.

— Именно.

— Но это моё дело.

Тарен опустил взгляд на кружку.

— Да.

Каэл помолчал. Потом протянул руку через стол и коротко коснулся его запястья.

— Больше так не делай.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь».

Тарен поднял глаза.

— Я не могу обещать рассказывать всё сразу. Иногда мне потребуется понять, что именно произошло.

— Тогда скажи, что что-то произошло.

— Это справедливо.

— Хорошо.

Каэл убрал руку и повернулся к Эллиану.

— А ты?

— Что я?

— Ничего не скрывал?

Эллиан подумал о видении Астрария. О дороге, где друзья жили без него, а он возвращался всё реже. О страхе, который не имел отношения к магии и потому казался ещё более личным.

— Скрывал, — сказал он.

Элина приподняла брови.

Каэл тоже не ожидал прямого ответа.

— Что?

— То, что показала дорога.

— Это личное, — тихо сказал Тарен.

— Да. Но вопрос был не об этом.

Каэл некоторое время изучал лицо Эллиана, словно пытаясь определить, действительно ли тот готов оставить разговор незавершённым. Потом кивнул.

— Ладно. Расскажешь, когда сможешь.

— Спасибо.

Несколько мгновений Элина переводила взгляд с одного на другого. Затем демонстративно откинулась на спинку стула.

— Раз уж вы сегодня решили стать взрослыми, честными и невыносимо серьёзными, я обязана восстановить равновесие.

Каэл насторожился.

— Не обязана.

— Обязана. Это семейный долг.

Она указала на брата кусочком пирога.

— Этот человек за два года так и не нашёл себе девушку.

Каэл застыл с кружкой у губ.

— Что?

— Два года, Топот. Ни одной девушки. Даже случайной. Даже такой терпеливой, которая согласилась бы слушать рассказы о правильном натяжении тетивы.

— Я был занят.

— Охотой?

— Да.

— Все два года?

— Лес большой.

— А девушки, видимо, маленькие и постоянно прятались за деревьями.

Тарен опустил лицо к кружке, скрывая улыбку. Эллиан очень внимательно рассматривал пирог, старательно не вмешиваясь в семейный допрос.

Элина повернулась к нему.

— А ты, Сноска? Астрарий большой, учеников там много. Нашёл себе девушку?

Каэл немедленно посмотрел на Эллиана, явно обрадовавшись возможности перевести внимание сестры на другую жертву.

— Да, Эллиан, — поддержал он с преувеличенно серьёзным выражением. — Мы все ждём полный отчёт.

Эллиан отложил вилку.

— Нашёл.

Элина радостно подалась вперёд, а Каэл приподнял брови.

— Правда?

— Она была очень умной, молчаливой и пахла старой бумагой.

Элина прищурилась.

— Эллиан.

— Позже выяснилось, что это западная библиотека.

Тарен рассмеялся первым. Каэл ударил ладонью по столу и откинулся на спинку стула.

— Я так и знал.

— Ты ничего не знал, — заметил Эллиан.

— Я знал, что человек, привёзший домой сундук книг, не мог потратить два года на что-то менее предсказуемое.

Элина бросила в Эллиана салфетку.

— Два года среди лучших умов Эрдевана, и ты вернулся с теми же шутками.

— Они доказали устойчивость к расстоянию.

— А девушка?

— Библиотека всё ещё находится в Астрарии. Наши отношения не выдержали разлуки.

— Это потому, что ты забрал слишком много её книг?

— Она сказала, что нам следует читать других людей.

Каэл засмеялся так громко, что посетители за соседним столом снова обернулись. Эллиан покачал головой, но тоже улыбнулся.

Элина перевела взгляд между братьями — родным и давно назначенным ею в родственники без его согласия.

— Итак, всё даже хуже, чем я думала. Один два года ухаживал за лесом, второй — за библиотекой.

— Я не ухаживал за лесом, — возразил Каэл.

Тарен спокойно отрезал новый кусок пирога.

— Отношения у вас действительно сложные. Ты постоянно ходишь по нему в грязных сапогах.

Каэл указал на него кружкой.

— Не помогай ей.

— Я стараюсь установить причину неудач.

— Причина очевидна, — объявила Элина. — Вы оба не умеете разговаривать с людьми, которые не являются деревьями, книгами или друзьями детства.

— Я регулярно разговариваю с людьми, — сказал Каэл.

— Ты регулярно сообщаем людям, куда им следует идти и почему выбранная ими дорога неправильная.

— Это полезная информация.

Эллиан посмотрел на него.

— В защиту Каэла: иногда дорога действительно неправильная.

— Спасибо.

— Однако обычно это становится известно только после того, как он уже повёл нас по ней.

— Не помогай ей.

Через час Бренна напомнила, что раненым полагается отдыхать. Элина вернулась домой одна, потому что Каэл, Эллиан и Тарен остановились у лестницы на городскую стену.

— Мара сказала домой, — напомнила она.

— Мы идём, — ответил Каэл.

— Стена находится в противоположной стороне.

— Сделаем небольшой круг.

Элина посмотрела на него, потом на остальных.

— Один час уже прошёл.

— Это будет коротко.

— Я сообщу Маре, что вы заблудились на обычной улице.

— Предательница.

— Семейная обязанность.

Она ушла, насвистывая охотничий сигнал Ривенов.

Трое друзей поднялись на стену.

Ночь над Риверфоллом была ясной. Внизу горели фонари, по улицам двигались редкие прохожие, а за западной стеной темнел Сарвен. Пятиарочный мост пересекал реку серебристой полосой. Дальше начинался северо-западный тракт, по которому утром приехал Эллиан.

Казалось невозможным, что всё произошло за один день.

Каэл опёрся локтями о каменный парапет. Тарен встал рядом. Эллиан остановился между ними.

Некоторое время они смотрели на дорогу.

— Ты правда видел семь вариантов возвращения? — спросил Каэл.

Эллиан повернул голову.

— Откуда ты знаешь?

— Ты рассказывал Тарену в письме.

Тарен посмотрел на него.

— Я не рассказывал Каэлу.

— Я прочитал часть письма.

— Ты прочитал моё письмо?

— Оно лежало на столе.

— Закрытым.

— Оно могло содержать опасную информацию.

Эллиан медленно спросил:

— Ты вскрыл чужое письмо из соображений безопасности?

— Я прочитал только начало.

— Сколько страниц?

— Три.

— Это было всё письмо, — сказал Тарен.

Каэл улыбнулся.

— Значит, начало оказалось содержательнее ожидаемого.

Эллиан покачал головой.

— В одном варианте меня никто не встретил.

Шутка исчезла.

Каэл посмотрел на него.

— Но мы встретили.

— Да.

— Я пришёл за два часа.

— За три, — уточнил Тарен.

— Ты обещал не говорить.

— Нет. Ты приказал.

— Это не одно и то же?

— Обычно нет.

Эллиан улыбнулся.

— Кучер спросил, встречает ли меня кто-нибудь. Я ответил, что должны.

— «Должны»? — переспросил Каэл. — Очень уверенно.

— Я не хотел объяснять незнакомому человеку устройство вероятностей.

— Конечно. Поэтому выбрал более простую тему: нас.

Тарен провёл пальцами по холодному камню парапета.

— Он не ошибся.

— Кто? — спросил Каэл.

— Эллиан. Мы должны были встретить.

Каэл повернулся к нему.

— Это звучит слишком похоже на судьбу.

— Не судьба. Выбор.

Внизу закрылась дверь одной из лавок. Хозяин погасил фонарь. По мосту прошёл поздний стражник, и его шаги ровно отозвались над водой.

Эллиан смотрел на дорогу, ведущую к Астрарию. Ещё утром она означала возвращение из прежней жизни. Теперь за спиной оставались дома трёх семей, огни Риверфолла, спящий Лорен с растрёпанными волосами, отец в архиве, мать возле опасного сундука и друзья, стоявшие так близко, что их плечи временами соприкасались.

— Как надолго ты останешься? — спросил Каэл.

Вопрос прозвучал негромко. Без требования, но не без страха.

Эллиан повернулся к нему.

Каэл пытался смотреть на дорогу, однако слишком сильно сжимал край парапета. Это был тот же человек, которого Эллиан видел в возможном будущем: всегда готовый сказать, что другой должен следовать своей мечте, даже если сам останется ждать у ворот.

Только Эллиан больше не собирался позволять ему говорить за обоих.

— Я никуда не собираюсь уезжать, — сказал он.

Каэл медленно поднял взгляд.

Тарен тоже повернулся к нему.

— Мне предлагали продолжить обучение, — добавил Эллиан. — Письмо пришло перед отъездом. Более высокий курс прорицания и временных исследований.

Лицо Каэла стало осторожным.

— И?

— Я не принял предложение.

— Пока?

Эллиан покачал головой.

— Не пока. Я вернулся домой.

Каэл несколько мгновений молчал.

— Ты уверен?

— Да.

— Астрарий важен для тебя.

— Важен. И я не перестану изучать прорицание только потому, что уехал из академии. У меня есть книги, записи, наставники, которым можно писать. В Риверфолле есть башня, архив и достаточно магических происшествий, чтобы я начал подозревать личную неприязнь города к спокойной жизни.

Каэл улыбнулся, но всё ещё не до конца поверил.

— Ты мечтал учиться там.

— И учился. Два года. Это было нужно. Но я не хочу, чтобы моя жизнь состояла из мест, куда я отправляюсь, оставляя всё важное позади.

Тарен опустил взгляд, скрывая слабую улыбку.

Эллиан продолжил, теперь обращаясь к обоим:

— Дорога показала мне будущее, в котором со всеми нами всё было хорошо. Никто не погиб. Никто не поссорился. Я жил в Астрарии, приезжал в Риверфолл, получал ваши письма. Мы просто постепенно перестали быть частью повседневной жизни друг друга.

Каэл не двигался.

— И ты отказался от этой дороги, — сказал Тарен.

— Да.

— Из-за нас? — спросил Каэл.

Эллиан посмотрел прямо на него.

— Не только. Из-за себя тоже. Я не хочу такой жизни.

Ветер прошёл над стеной, принёс запах реки и дыма. Где-то в городе засмеялись поздние прохожие.

— Значит, ты остаёшься, — произнёс Каэл.

Теперь в его голосе было не сомнение, а осторожное облегчение человека, который слишком долго запрещал себе надеяться на определённый ответ.

— Остаюсь, — подтвердил Эллиан. — Я никуда не собираюсь.

Каэл выдохнул и посмотрел на дорогу, но улыбку скрыть не смог.

— Хорошо.

Эллиан приподнял бровь.

— Это всё?

— А что ты хочешь услышать?

— Не знаю. Возможно, признание, что моё присутствие существенно повышает качество твоей жизни.

— Оно существенно повышает количество уточнений в моей жизни.

— Это близко.

— И вероятность оказаться на несуществующей дороге.

— Ты оказался там до того, как я успел полноценно вернуться.

— Тогда с завтрашнего дня начинаешь исправлять статистику.

— Каким образом?

Каэл пожал плечами.

— Обычный день. Без волков. Без петель. Без дорог, которые требуют выбрать между друзьями.

Тарен посмотрел на него.

— Мы уже договорились, что заранее определить обычную дорогу невозможно.

— Тогда хотя бы завтрак.

— Завтрак кажется достижимым, — согласился Эллиан.

— У Ривенов, — сказал Каэл. — Мара всё равно собирается допрашивать меня до еды.

Вы оба обязаны присутствовать как свидетели.

— Она запретила слово «технически», — напомнил Тарен.

— Поэтому мне нужен Эллиан. Он умеет говорить то же самое другими словами.

— Более точно, — уточнил Эллиан.

— Видишь?

Тарен положил руки им обоим на плечи.

— Значит, завтра завтрак.

— Завтра, — сказал Эллиан.

— И послезавтра, — добавил Каэл, ещё не вполне избавившись от прежней тревоги.

Эллиан улыбнулся.

— И послезавтра.

— И потом?

— Каэл.

— Проверяю условия.

Эллиан посмотрел на него, затем на Тарена и на огни города за их спинами.

— И потом тоже.

Каэл кивнул.

Тарен слегка сжал их плечи.

Они стояли на городской стене втроём, глядя на дорогу, по которой можно было уехать, вернуться или однажды отправиться дальше.

Но не в одиночку. И не сейчас.

Эллиан вернулся домой. И никуда не собирался уезжать.

Часть II. Тринадцатый колокол

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТРИНАДЦАТЫЙ КОЛОКОЛ

Когда город забывает имя, его продолжает помнить камень.

Когда забывает камень — начинает звонить колокол.

Глава IX. Три дома

Эллиан проснулся в комнате, которая помнила его лучше, чем он сам.

Первые несколько мгновений он лежал неподвижно, глядя на низкий рассветный свет, проступавший между тяжёлыми шторами, и не мог понять, почему потолок находится так близко. В Астрарии над его кроватью поднимался высокий каменный свод, покрытый тонкими серебряными линиями защитного контура. В особенно ясные ночи они повторяли расположение звёзд над академией, а во время сильных магических бурь начинали тихо звенеть, предупреждая спящих учеников о вероятностных искажениях. Здесь вместо них были знакомые деревянные балки, тёмные от времени, небольшая трещина возле стены и нарисованная углём точка, оставленная Лаэлис много лет назад, когда она пыталась научить младшего брата метать ножи, не выходя из дома.

Серелия обнаружила след на потолке в тот же вечер.

Лаэлис заявила, что это часть сложной системы обучения.

Эллиан тогда был слишком мал, чтобы понять, почему отец отвернулся к окну и несколько минут очень внимательно рассматривал сад.

Теперь комната казалась меньше, чем в его воспоминаниях. Кровать была короче, письменный стол — ниже, шкаф стоял слишком близко к двери, а полки, когда-то казавшиеся почти недостижимыми, находились всего лишь на расстоянии вытянутой руки. Даже окно изменилось: в детстве Эллиан забирался на подоконник с книгой и мог провести там полдня, спрятавшись между шторой и стеной. Сейчас ему пришлось бы сидеть, поджав колени к груди и рискуя столкнуть головой подвешенный над рамой амулет от сырости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.